

CONTENTS

THE FUTURE OF THE LITERARY ESTATE IN LINE WITH THE “CIVILIZATIONAL APPROACH”	Bogdanova Olga Alimovna	11
PROTOMOTIVE OF THINKING IN DERZHAVIN'S POETRY	Koshemchuk Tatiana Alexandrovna	31
THE ROLE OF TOPONYMS IN CREATING THE IMAGE OF THE EAST IN THE 17TH CENTURY MONUMENT "ON THE VOYAGE FROM MOSCOW TO THE PERSIAN KINGDOM..." BY FEDOT KOTOV	Maltseva Tatiana Vladimirovna	51
THE TRADITIONS OF THE GENRE OF THE MILITARY STORY IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX-XX CENTURIES	Fedorova Elena Alekseevna	69
THE INTERCULTURAL CORRESPONDENCES OF ZOOMORPHISMS IN PERSIAN AND RUSSIAN FAIRY TALES	Komleva Elena Valerievna	85
MELODIES OF RESISTANCE: A CULTURAL AND POSCOLONIAL ANALYSIS OF KURDISH AND RUSSIAN LULLABIES, BASED ON THE THEORY OF ANIA LUMBA	Moradi Maryam	103
FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORIES AND FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELDS IN THE SYSTEM OF FUNCTIONAL GRAMMAR	Siutkina Nadezhda Pavlovna / Shustova Svetlana Viktorovna	121
THE LITTLE MAN IN AN AGE OF SOCIAL DISASTER (BASED ON A.G. VOLOS'S NOVEL "KHURRAMABAD")	Chetina Elena Mikhailovna / Badiei Khamseh Fard Hananeh Sadat	137
EMOTIONAL AND ASSESSMENT COMPONENT IN THE LANGUAGE IMAGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN AND CHINESE MEDIA SPACE	Bednenko Yulia Igorevna	157
MANIFESTATION OF INTERFERENCE IN RUSSIAN SPEECH OF TAJIK LANGUAGE NATIVES	Odinaeva Maftuna Tolibovna	173
LEXICOGRAPHIC DESCRIPTORS OF SEMANTICS OF ADJECTIVES DERIVED FROM ZOONYMS IN MODERN RUSSIAN	Luo Zhengjin	191
CATEGORICAL SITUATION OF CAUSATIVITY EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN VERB <i>ТРЕВОЖИТЬ</i>	Malakhova Elizaveta Vadimovna	211

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Motamednia Masoumeh, Associate professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Mazandaran (Babolsar, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Bogdanova Olga Alimovna, Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences; Professor at the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities (Moscow, Russia)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
 - **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
 - **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
 - **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

БУДУЩЕЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ УСАДЬБЫ В РУСЛЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА	Богданова Ольга Алимовна	11
ПРОТОМОТИВ МЫШЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ ДЕРЖАВИНА	Кошемчук Татьяна Александровна	31
РОЛЬ ТОПОНИМОВ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ВОСТОКА В ПАМЯТНИКЕ XVII ВЕКА «О ХОЖЕНИИ ИЗ МОСКВЫ В ПЕРСИЦКОЕ ЦАРСТВО...» ФЕДОТА КОТОВА	Мальцева Татьяна Владимировна	51
ТРАДИЦИИ ЖАНРА ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX ВВ.	Федорова Елена Алексеевна	69
МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ ЗООМОРФИЗМОВ В ПЕРСИДСКИХ И РУССКИХ СКАЗКАХ	Комлева Елена Валерьевна	85
МЕЛОДИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУРДСКИХ И РУССКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ АНИИ ЛУМБЫ	Моради Марьям	103
ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ	Сюткина Надежда Павловна / Шустова Светлана Викторовна	121
МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА А. Г. ВОЛОСА «ХУРРАМАБАД»)	Четина Елена Михайловна / Бадией Хамсех Фард Хананех Садат	137
ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ	Бедненко Юлия Игоревна	157
ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА	Одинаева Мафтуна Толибовна	173
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕСКРИПТОРЫ СЕМАНТИКИ ОТЗООНИМНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	Ло Чжэнцзинь	191
КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ КАУЗАТИВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА РУССКОГО ЯЗЫКА <i>ТРЕВОЖИТЬ</i>	Малахова Елизавета Вадимовна	211

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы

Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джаноллах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мотамедния Масуме, Доцент кафедры русского языка и литературы, Мазандаранский университет (Баболсар, Иран)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Богданова Ольга Алимовна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук; профессор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Москва, Россия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Филологического факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт "Times New Roman"; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение
журнала в РИНЦ."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication
of the journal in the RINC."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

THE FUTURE OF THE LITERARY ESTATE IN LINE WITH THE “CIVILIZATIONAL APPROACH”

Bogdanova Olga Alimovna^{1*}

Professor, Leading Researcher, A.M.

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia.

(date of receiving: September, 2025; date of acceptance: November, 2025)

Abstract

In the USSR and in the post-Soviet period are shown. Based on the material of Russian literature at the turn of the 20th–21st centuries, the trends in the development of the literary estate in line with the “civilizational approach” associated with the “great time” (M.M. Bakhtin) of Russian history were revealed for the first time. Based on this methodology, in the process of textual analysis of the works of T.N. Tolstaya, V.G. Sorokin, A.P. Potemkin, Yu.V. Mamleev, V.O. Pelevin, G.S. Yakhina, etc., the conclusion is made that the history of the Russian literary estate is not limited to the imperial period of the 18th – early 20th century, as previously thought, but goes back to Moscow Rus with its Turkic-Slavic socio-cultural symbiosis. At the same time, some authors satirize the “civilizational approach” and the accompanying “estating” of Russia (V.G. Sorokin, V.O. Pelevin), some remain neutral (T.N. Tolstaya, G.S. Yakhina), and others welcome the new civilizational shift (A.P. Potemkin, Yu.V. Mamleev).

Keywords: Russian Literary Estate, “Civilizational Approach”, Russian Literature of the Turn of the 20th–21th Centuries, The Estate as a Euro-Asian Phenomenon and a Window Into Transcendent Meanings, The Future of the Russian Estate.

1. E-mail: olgabogda@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X> * Corresponding author

БУДУЩЕЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ УСАДЬБЫ В РУСЛЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА

Богданова Ольга Алимовна^{1*}

Профессор, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им.

А.М. Горького Российской академии наук,

Москва, Россия.

(дата получения: сентябрь 2025 г.; дата принятия: ноябрь 2025 г.)

Аннотация

Рассмотрено усадебное жизнеустройство как элемент общечеловеческого культурного кода. Показаны его особенности в СССР и в постсоветское время. На материале русской литературы рубежа XX–XXI вв. впервые выявлены тенденции развития *литературной усадьбы* в русле *цивилизационного подхода*, связанного с *большим временем* (М. М. Бахтин) отечественной истории. С опорой на указанную методологию в процессе анализа произведений Т. Н. Толстой, В. Г. Сорокина, А. П. Потёмкина, Ю. В. Мамлеева, В. О. Пелевина, Г. Ш. Яхиной и других сделан вывод о том, что история русской *литературной усадьбы* не ограничивается имперским периодом XVIII – начала XX в., как считалось ранее, но восходит к Московской Руси с ее тюрко-славянским социокультурным симбиозом. При этом часть авторов сатирически высмеивают *цивилизационный подход* и сопутствующую ему *усадьбизацию* России (В. Г. Сорокин, В. О. Пелевин), часть остается на нейтральных позициях (Т. Н. Толстая, Г. Ш. Яхина), другие приветствуют новый цивилизационный сдвиг (А. П. Потёмкин, Ю. В. Мамлеев).

Ключевые слова: русская *литературная усадьба*, *цивилизационный подход*, русская литература рубежа XX–XXI вв., усадьба как евро-азиатский феномен и окно в трансцендентные смыслы, будущее русской усадьбы.

1. E-mail: olgabogda@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

* Ответственный автор

Введение

Скажем сразу, что отнесенность русской усадьбы, в том числе литературной, исключительно к историческому прошлому страны мы считаем ошибочной. Ведь вопреки устоявшемуся мнению об окончательной гибели русской усадьбы в огне революций и Гражданской войны 1917–1922 гг., она не была уничтожена в своей основе, но из частновладельческого состояния перешла в такие формы, как усадьба-музей, усадьба – художественная коммуна, усадьба-учреждение, усадьба – школа или детский дом, усадьба – санаторий или больница, усадьба – дом отдыха или творчества, город-сад и т. д., — оставаясь активно-творческой средой, репродуцирующей базовые черты российской ментальности. В разных художественных интерпретациях литературная усадьба присутствует в произведениях писателей советской эпохи (А. М. Горького, Ф. В. Гладкова, А. П. Платонова, А. Н. Толстого, Б. Л. Пастернака, К. Г. Паустовского, Н. А. Островского, М. А. Шолохова, И. А. Новикова, Г. И. Чулкова, А. П. Гайдара, М. М. Пришвина, Г. И. Серебряковой, А. И. Солженицына, А. Н. Рыбакова, А. Г. Битова, Б. Ш. Окуджавы, С. Д. Довлатова и многих других).

Если в советское время русские усадьбы в подавляющем большинстве перешли из рук частных хозяев в общественное достояние, то в постсоветской России на рубеже XX–XXI вв. мы наблюдаем воссоздание русской владельческой усадьбы в новом формате, отчасти приближенном к дачному. Как литературный феномен эта усадьба уже нашла выражение в произведениях Ю. В. Мамлеева («Блуждающее время», 2000), Е. Г. Водолазкина («Авиатор», 2016), А. И. Слаповского («Туманные аллеи», 2019) и др.

Отмеченные процессы не вызывают удивления, так как, по нашему убеждению, усадебный тип жизнеустройства является элементом общечеловеческого культурного кода и универсальным архетипом, заложенным в основание человеческой природы в самом начале мировой

истории. Недаром Эдемский сад-усадьба из библейской Книги Бытия — или «земной рай» — становится моделью и образцом для усадебного строительства во всех странах антично-библейского культурного ареала, а также идеалом жизнеустройства на протяжении многих столетий вплоть до наших дней. Сохраняя неизменное универсальное ценностное ядро, оставаясь самим собой на глубинном уровне, *усадебный топос* в разные времена и в разных странах обладал способностью принимать те или иные социальные, национальные и цивилизационные обличья. Поэтому растущий интерес представляет пока совсем неисследованный вопрос об идеальном типе человеческого жизнеустройства в священных преданиях небиблейских цивилизаций – Китая, Индии, лесостепной Евразии и др. Однако для культур, выросших в лоне исламской религиозности (включающей в свой священный канон Ветхий Завет), библейский усадебный архетип неизменно сохраняет свою актуальность, что чрезвычайно важно для понимания природы русской (российской) усадьбы как одного из основополагающих элементов славяно-тюркской евразийской цивилизационной общности.

Итак, мы считаем, что в исторических катаклизмах начала XX в. была уничтожена лишь *одна* из историко-культурных форм феномена усадьбы, на самом деле насчитывающего тысячи лет. В свою очередь, русская помещичья усадьба, по мнению историков существовавшая начиная с XVI в. (Дворянская и купеческая усадьба 2001. 10), за прошедшие столетия пережила несколько кардинальных социокультурных трансформаций, так что видимое разрушение *усадебной культуры* в 1917–1922 гг. можно считать одним из ее глубоких кризисов, но никак не уничтожением. Таким образом, наличие будущего у русской усадьбы, и реальной и литературной, сомнений не вызывает, пока существуют Россия и ее культура.

Усадьба и дача – нерв русской литературы, отзывающийся то болью утраты, то радостью гармоничного человеческого жизнеустройства на родной

земле. Поэтому процесс деконтекстуализации литературной усадьбы в XX в., т. е. вычленения ее ценностного ядра из ушедшего историко-культурного контекста имперского периода русской истории (XVIII – начала XX в.), требует переноса архетипических усадебных смыслов в иной, нарождающийся, сквозящий будущим историко-культурный контекст. Белорусская исследовательница О. А. Гриневич (Нагель) частично исследовала в русле феноменологического метода отношения между *усадебным текстом* XVIII–XX вв. и «контекстами, которые формируются в сменяющихся друг друга тенденциях деконтекстуализации и реконтекстуализации и в механизме культурной метарефлексии» (Гриневич 2022. 82). В свою очередь, мы предлагаем осмыслить указанные процессы в рамках ориентированного на *большое время* (М. М. Бахтин) *цивилизационного подхода*.

Основная часть

Истоки *цивилизационного подхода* в отечественной и зарубежной науке восходят еще к XIX – первой половине XX в. – трудам Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера и А. Тойнби, выделявших на протяжении мировой истории по несколько ключевых *культурно-исторических типов*, или цивилизаций: египетскую, ассиро-вавилонскую, индийскую, китайскую, классическую (греко-римскую, аполлоновскую), арабскую (магическую), мексиканскую (майанскую), западную (германо-романскую, фаустовскую), русско-славянскую (православную) и ряд других. Затем цивилизационное направление продолжилось в рамках культурно-исторической макросоциологии и исторической школы «Анналов» (П. А. Сорокин, Ф. Бродель и др.). Важную роль в развитии *цивилизационного подхода* в XX в. сыграл и труд английского геополитика Х. Дж. Маккиндера «Географическая ось истории» (1904), в котором впервые было введено понятие Хартленда как

центральной части Евразии, впоследствии отождествленного им с Советским Союзом.

Огромное значение в первой половине XX в. – у зародившегося в среде русской эмиграции евразийства (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Вернадский, Г. В. Флоровский, Л. П. Карсавин, Д. П. Святополк-Мирский и др.), которое «рассматривало русскую культуру не просто как часть европейской, но как совершенно самостоятельную цивилизацию, вобравшую в себя опыт не только Запада, но и в равной мере Востока»; «евразийцы приняли СССР как новую – парадоксальную – форму изначального пути России», «впервые <...> положительно оценили многонациональную (имперскую) природу Российского Государства», особое внимание уделив «тюркскому фактору. Роль наследия Чингисхана, эстафета монгольской государственности, воспринятая Москвой в XVI веке, виделась ими как решительный поворот России <...> к самобытности, к самоценности. В православном предании именно это время обозначается как период Святой Руси, с превращением Москвы – в Третий Рим <...>. Миссия Святой Руси выражалась в отстаивании особой евразийской культуры, оригинального общественного устройства, по основным параметрам отличных от католического и протестантского Запада» (Основы евразийства 2002. 78, 7–8). впервые сформулировал концепцию России-Евразии на основе ее уникального ландшафтно-климатического пространства. По мысли П. Н. Савицкого – вдохновителя и протагониста евразийского движения, – территория Российской империи является особым континентом между Европой и Азией, синтезом Востока и Запада, веры и научного знания; Октябрьская революция 1917 г. освободила Россию-Евразию от чуждого ей западного влияния, и, в случае преодоления большевистской идеологии, стране откроется великое будущее благодаря огромному природно-географическому богатству и духовному потенциалу православной веры (см.: Савицкий 1997). Учеником и продолжателем П. Н. Савицкого в

позднесоветский период был географ и историк Л. Н. Гумилев, своим тюркофильским подходом (см.: Гумилев 1989; Гумилев 2001) подготовивший почву для признания России многонациональной континентальной цивилизацией.

В 1961 г. в Зальцбурге (Австрия) под председательством А. Тойнби и П. А. Сорокина состоялось первое заседание Международного общества по сравнительному изучению цивилизаций. В 1986 г. Ш. Эйзенштадт в работе «Осевое время цивилизаций» изложил учение о «революции как факторе цивилизационного развития» (цит. по: Гранин 2020. 78), позволяющее пересмотреть трактовку русских революций XX в. как цивилизационных сломов. Особую же актуальность в мире *цивилизационный подход* приобрел в конце 1980-х гг., после окончания «холодной войны» и последовавшего распада СССР. Выход в свет нашумевшего эссе Ф. Фукуямы «Конец истории?» (1989), провозгласившего окончательную политико-экономическую победу неолиберализма как воплощения цивилизации Запада, породил напряженную полемику, важнейшим моментом которой стала знаковая книга С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996). По мысли последнего, мир вступил в эру одновременной конкуренции между собой 8-ми цивилизаций, в том числе православно-русской, причем основное противостояние должно происходить между Западом и всеми остальными. «Российская цивилизация – это продукт самобытных корней Киевской Руси и Москвы, существенного византийского влияния и длительного монгольского правления» (Хантингтон 2003. 211), что делает ее принципиально отличной от Запада. Петр I и его преемники в процессе европеизации России в XVIII–XIX вв. создали «разорванную страну» (Хантингтон 2003. 214), народ которой хранил основы «самобытной евразийской православной цивилизации», а элита стремилась к иной, западной (Хантингтон 2003. 208). Когда после распада СССР в 1990-е гг. «русские перестали вести себя как марксисты и

стали вести себя как русские, разрыв между ними и Западом увеличился» (Хантингтон 2003. 215). Вслед за предшественниками, под цивилизацией С. Хантингтон понимал единство географии, религии, базовых жизненных ценностей и традиций, менталитета, социокультурных форм жизнеустройства. Последнее напрямую выводит нас к представлению о русской (российской) усадьбе как одной из цивилизационных констант, отнюдь не ограниченной имперским периодом XVIII – начала XX в.

В самой России *цивилизационный подход* также обрел второе дыхание начиная с 1990-х гг. – в трудах В. Л. Цымбурского и его последователей, неоевразийцев (прежде всего А. Г. Дугина) и сторонников Северной цивилизации (С. Б. Переслегина и др.). В. Л. Цымбурский критерий идентичности России как страны-цивилизации находил в Московском царстве, где с конца XVII в. образуется «эволюционная развилка, откуда одна линия ведет к Российской империи и СССР, а другая – к нынешней России» рубежа XX–XXI вв. (Цымбурский 2007. 22): «Вместе с большевистской государственностью окончился весь 270-летний великоимперский западоцентристский цикл российской истории. <...> В сегодняшнем строении России открываются признаки <...> ранней альтернативы великоимперскому развитию» (Цымбурский 2007. 24). Отметим, что осознание этого сдвига позволяет осмыслить в качестве тенденции ряд манифестаций современной русской литературной усадьбы, в противном случае воспринимающихся как курьёз, и увидеть в них то полемический стёб, то пламенную проповедь.

В первую очередь обратимся к роману Т. Н. Толстой «Кысь» (2000), написанному в жанре антиутопии и альтернативной истории. Действие здесь происходит в городе Фёдор-Кузьмичске, бывшей Москве, через 300 лет после «большого взрыва», т. е. применения ядерного оружия, – значит, примерно в конце XXIII в. Не вдаваясь в сложную историософскую проблематику этого произведения и анализ неоднозначной авторской позиции, отметим, что

повествование стилизовано под древнерусскую литературу и фольклор, а обрисованные реалии напоминают Московскую Русь XVI–XVII вв., т. е. будущее в интерпретации автора – это в определенном смысле допетровское, доевропейское прошлое России. Для нас в первую очередь интересно появление в романе Т. Н. Толстой отдаленных аналогов московских городских усадеб XVII в. с *теремами, хлевами, зверинцами, погребами, амбарами, холопами* и – библиотеками (вспомним, что застройка средневековой Москвы принципиально отличалась от принятой в Европе и затем в европеизированной имперской России: так, во времена первых Романовых, в XVII в., «стольный град был необычайно широко раскинувшейся рыхлой агломерацией слобод, разделенных полями, вспольями и лугами. <...> Да, он не подходит под западную, европейскую схему, но совершенно очевидно отражает само отличие цивилизаций — русской и западноевропейской» (Кривов, Крупнов 2004. 180–181)); также внимание привлекают приметы тюрко-славянского симбиоза – народом «голубчиков» правят *мурзы*, облик и нравы которых имеют очевидный татарский отпечаток. В самом деле, исторические исследования показывают, что в XVI–XVII вв., в связи с расширением границ Московского государства за счет Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, значительное число татарской знати и служилых людей получили из рук Московских Великих князей (с 1547 г. царей) вотчины и поместья, населенные православными русскими крестьянами (см.: Беляков 2017. 355–359). Шло постепенное инкорпорирование татарских царевичей и мурз родом из Золотой Орды в служилую православную среду и общегосударственную структуру (см.: Беляков 2017. 483, 763). Наряду с этим, картины домашнего быта одного из главных героев «Кыси» Кудеяра Кудеярыча частично пародируют «Домострой» – памятник древнерусской словесности XVI в., раскрывающий повседневное жизнеустройство средневекового русского человека (см.: Толстая 2022).

Аналогичное изображение московских городских усадеб, но в гораздо более разоблачительно-сатирическом ключе, находим в дилогии В. Г. Сорокина «День опричника» (2006) и «Сахарный Кремль» (2008). Главный герой неоопричник Андрей Комяга живет в *тереме*, обслуживается *челядью* и также окружен средневековыми реалиями, впрочем вперемешку с суперсовременными (см.: Сорокин 2024a; Сорокин 2024 b).

В обозначенном аспекте показателен и роман А. П. Потёмкина «Человек отменяется» (2007). Автор относится к ориентированному на западную цивилизацию постсоветскому обществу 2000-х гг., с его коррупцией, резким социальным расслоением и массовым падением духовно-нравственного уровня людей, с острой, нескрываемой неприязнью. Лучшие герои романа одержимы задачей по созданию нового человека, способного к возвышенным, неэгоистическим мыслям и чувствам, и главной площадкой для таких антропологических экспериментов становится построенная искателем смысла человеческого существования Гусятниковым усадьба в Орловской губернии. Симптоматично, что внешний облик поместья одновременно напоминает строения XVII и середины XX в.: 49 крестьянских *изб*, один *терем* для совместных мероприятий, два особняка для помещика и его гостей и несколько *бараков* для проведения экспериментов по основным человеческим «грехам» и преступлениям, в силу чего оно похоже на советский ГУЛаг. Получается, что построенный на пустом месте новодел Римушкино (прозрачная отсылка к Москве – Третьему Риму) элиминирует усадебную топику России имперского периода, соединяя в своем пространстве реалии XVI–XVII и XX–XXI вв. (см.: Потёмкин 2014).

В романе Ю. В. Мамлеева «Империя духа» (2011) мы не увидим примет допетровской России – действие происходит то в Москве начала XXI в., то в дачном поселке в окрестностях столицы. Однако в эзотерическом кружке, собирающемся на постсоветском дачно-усадебном пространстве, произносятся

знаменательные речи о России: «Мы не Европа, не Азия, не Восток и не Запад, и не Евразия, и не мост между Западом и Востоком. Мы – Россия, уникальная цивилизация. Как, например, Китай, Индия, исламский мир, Запад...» (Мамлеев 2011. 147). Главное же условие и отличительная черта России-цивилизации, по мнению писателя, – «духовный суверенитет»: «православие, Святая Русь, великая русская литература и культура» (Мамлеев 2011. 148–149).

Продолжает наш небольшой обзор апелляция к недавнему роману В. О. Пелевина “Transhumanism Inc.” (2021), в котором немалая часть действия происходит в сибирских усадьбах отдаленного будущего. Этот воображаемый мир устроен по высшим технологическим лекалам, когда человеческий мозг обретает способность практически вечно путешествовать по разным телам, управляемым с помощью сложнейших компьютерных программ, имплантов и чипов, а также регулировать по своему желанию разнообразные виртуальные «симуляции». При этом господство эко-технологий привело к частичному техническому регрессу: вместо автомобилей снова используется гужевой транспорт, тяжелые ручные работы выполняются на территории бывшей России биороботами-холопами, имитирующими внешность и образ жизни крестьян, однако благодаря соответствующему программированию их лица постоянно лучатся счастьем. Не вдаваясь в целостный анализ этого произведения, остановимся на архаических деталях при описании усадебной жизни на территории России в IV (или V) тысячелетии н. э. в главах «Гольденштерн все» и «Митина любовь».

Во-первых, от самого названия будущей страны – *Доброе Государство* – веет средневеково-фольклорной стилизацией, то же можно сказать о партии *сердоболов* и вождях *Добросуда*. Важно отметить, что в тексте произведения усадебная форма жизнеустройства в будущей России показана как господствующая, массовая. Кроме того, в названных главах появляется

конгломерат из разновременных деталей русской усадебной жизни XVI–XIX вв.: помимо дворян и крестьян-холопов, скоморохов с бум-балалаем (контаминацией бубна и гуслей) и репертуаром из былин, плачей и древнерусских исторических песен, кочевых «тартаренов» (тюркских народов Сибири), телег с сеном для переезда со станции в усадьбу, «гроздьев» икон в «горнице» Маниной тетки-помещицы, записок на бересте (т. е. примет допетровской Руси), в близлежащем уездном городке наличествует Благородное собрание с астрономическим кружком и телескопом, буфетом, бильярдом, игрой в карты, а сами сибирские помещики любят одеваться с вошедшим в моду во второй половине XIX в. «анархистским шиком» (Пелевин 2021. 480). Наряду с перечисленным, усадебная жизнь в романе оснащена сложными технологическими новинками: так, у всех граждан Доброго Государства в мозг вживлены импланты, позволяющие властям, с одной стороны, контролировать их мысли и действия, с другой – предоставлять им широкий спектр виртуальных услуг для комфортного существования; в усадьбах – компьютеры, видеокамеры, датчики, смарт-очки, с доставкой различных товаров по заказу прилетают дроны, из Москвы и обратно с огромной скоростью курсируют поезда-гиперкурьеры, и т. п.

Также в романе В. О. Пелевина дано подробное описание «средней руки московской усадьбы» (Пелевин 2021. 18), в которой постоянно проживала с матерью лицеистка Маня, лишь на каникулах навещавшая сибирскую тетку: это оштукатуренный бревенчатый дом с гипсовым львом у крыльца и фальшивыми полуколоннами на фасаде, из служб имеются сарай, конюшня, холопская, дровник, внутри скромно растет яблоневый садик. Здесь полностью отсутствуют следы имперского дворянского блеска – слякоть у крыльца, обвалившаяся штукатурка, скудное освещение. По мнению Мани, в Москве будущего они жили «как в христианском Константинополе – если не считать, конечно, технологических микровкраплений» (Пелевин 2021. 54). Напомним,

что христианским Константинополь оставался лишь до середины XV в. Ну, а весь имперский период России XVIII–XX вв. иронически трактуется у Пелевина как «садомазохистический роман с доисламской Европой» (Пелевин 2021. 114). Наконец, в финале произведения читатель понимает, что созданный автором художественный мир находится в абсолютной власти дьявола при отсутствии Бога. Итак, на страницах “Transhumanism Inc.” мы встречаем полемическую по отношению к *цивилизационному подходу* начала XXI в., остро антиутопическую картину будущего России. Симптоматично, что усадьба допетровского времени занимает в ней весьма существенное место.

Возвращаясь к идеям В. Л. Цымбурского, отметим, что он указывает на «определяющую роль нашего востока (В первую очередь Сибири. – О. Б.) в поддержании самоидентичности России» (Цымбурский 2007. 26). Симптоматично, что и в наших литературоведческих исследованиях заметно актуализируется тема «Русская усадьба и Азия». Прежде всего на ум приходят *усадебные* произведения о русской Азии – Урале и Сибири, вдохновленные так называемой *горнозаводской цивилизацией* (в прозе Д.Н. Мамина-Сибиряка, Б.Л. Пастернака, Б.К. Зайцева и др.), литературные усадьбы первой половины XIX в. Аксаковых и Тимашёвых на границе башкирских степей в Оренбургской и Уфимской губерниях, усадьбы в странах Кавказа и Центральной Азии в период их включенности в зональную литературу СССР (например, дом-музей Ч. Т. Айтматова в окрестностях Бишкека в Киргизии), так называемые усадьбы-«восточные замки», которые строились в Серебряном веке на территории Крыма (их черты отразились в текстах И. А. Бунина, И. С. Шмелева, С. Н. Сергеева-Ценского и др.) и т. п. Оговоримся, что под Азией мы понимаем не столько географическое пространство, сколько культурный концепт: поэтому формально входящие в состав Европы российские Поволжье, Крым, Пермский край и т. д. причисляются нами к Азии.

Неоевразийское движение, вобравшее в себя «наследие евразийцев 1920–1930-х гг., опыт русского православия, социальную критику русских народников и европейских “новых левых”, достижения советского этапа отечественной истории, философию традиционализма и консервативной революции и геополитическую методологию» (Основы евразийства 2002. 9), получило значительное и все возрастающее влияние в первой четверти XXI в. Предлагая «многополярную глобализацию» и «евразийский федерализм», неоевразийство ставит задачу «приоритетного возрождения русской нации» (Основы евразийства 2002. 13), в том числе путем демографического роста. Очевидно, что эта идея перекликается с проектом «поместно-усадебной урбанизации», изложенным в книге А. С. Кривова и Ю. В. Крупнова «Дом в России. Национальная идея» (2004). Программа авторов – «уйти от образа городов как бетонно-каменных античеловеческих пространств <...> к образу экологических городов-садов, <...> составляющих страну-сад Россию», другими словами – строить новую Россию как «страну-сад из усадебно-поместных городков», «не барских», «высокотехнологичных», «современных» (Кривов, Крупнов 2004. 114, 118), способствующих распространению многодетной семьи.

Усадьба как *евро-азиатский феномен* представлена в современной прозе романом Г. Ш. Яхиной «Дети мои» (2018): немецкий колонист Удо Гримм, владеющий в начале 1920-х гг. небольшим поместьем, расположенным на высоком берегу Средней Волги, ест по-татарски (руками, без приборов), на столе у него греется русский самовар, а у всех работников в усадьбе – «суровые монгольские лица» (Яхина 2018. 37–40). Здесь задается единство самой что ни на есть западной Европы (немецкой) и самой настоящей дальней Азии (казахской, киргизской) на русской земле, в усадьбе, которая соединяет, сплавляет в своем пространстве евро-азиатские потоки. Позже такое же единство проявится во внешнем облике многолетнего усадебного

«отшельника» Якоба Баха: этнический немец, он там «бороду русскую отпустил, косицу киргизскую» (Яхина 2018. 172).

Наконец, в начале XXI в. относительно России выдвинута еще одна цивилизационная концепция. Сведя выделенные С. Хантингтоном мировые цивилизации к Западной, Восточной и Южной, С. Б. Переслегин находит у нашей страны все «предпосылки к формированию на своей основе четвертой основной цивилизации современности – Севера» (Переслегин 2003. 598). Ее структурообразующие признаки – домен как социальная организация и трансцендентный характер русской культуры. Возможно, утопически звучат обращенные к будущему слова из книги «Дом в России. Национальная идея»: «Ключевой цивилизационный сдвиг, определяющий построение Северной цивилизации, – реализация принципа личности как основания подлинно христианского массового общества» при сохранении «исторического лица каждого народа» России (Кривов, Крупнов 2004. 355–356). Однако думается, они способны стать мировоззренческой платформой для будущего *усадебного текста* русской литературы – ведь важнейшим принципом создания Северной цивилизации будет, по А. С. Кривову и Ю. В. Крупнову, поместно-усадебный тип расселения. Поэтому в ближайшие 40–70 лет, которые ученые отводят для построения Северной цивилизации, благодаря нерастраченной способности *усадебного топоса* к новым культурным модификациям, можно ожидать произведений, связанных с обновленной русской (российской) усадьбой как *городом-садом, окном в трансцендентные смыслы и евро-азиатским феноменом*.

Заключение

Итак, будущее у русской литературной усадьбы, безусловно, имеется. На основе рассмотренных произведений современной литературы оно представляется продолжением многовековых самобытных цивилизационных

традиций. Однако необходимо учитывать, что все упомянутые нами произведения конца XX – начала XXI в. написаны в контексте постмодернистской культурной ситуации с ее онтологической и антропологической неопределенностью, деконструкцией привычных бытийных смыслов, иерархий и нарративов. Современная ситуация такова, что часть авторов сатирически высмеивают *цивилизационный подход* и сопутствующую ему *усадьбизацию* России (В. Г. Сорокин, В. О. Пелевин), часть остается в целом на нейтральных позициях (Т. Н. Толстая, Г. Ш. Яхина), другие же приветствуют новый цивилизационный сдвиг (А. П. Потёмкин, Ю. В. Мамлеев). В заключение также добавим, что в свете *цивилизационного подхода* одной из важных задач литературоведческого усадебоведения становится, на наш взгляд, изучение усадьбы в древнерусской и тюркской (прежде всего татарской) литературах. Это пока совсем неисследованная область, однако современная проза говорит нам о том, что футурология русской усадьбы связана с *большим временем*, что история русской усадьбы далеко не ограничивается имперским периодом XVIII – начала XX в., но восходит к Московской Руси с ее тюрко-славянским симбиозом.

Литература

- 1- Беляков А. В. (2017). *Инкорпорация тюркской знати в России: Чингисиды в Московском государстве XV–XVII вв.: дис. ... д-ра историч. наук*. М. 899 с.
- 2- Гранин Ю. Д. (2020). «Цивилизационный подход». *Становление и эволюция // Проблемы цивилизационного развития*. Т. 2, № 2. С. 65–85.
- 3- Гриневич О. А. (2022). *Поэтика усадебного текста: миф, реальность, литература: монография*. Гродно : ГрГУ им. Янки Купалы. 143 с.
- 4- Гумилев Л. Н. (1989). *Древняя Русь и Великая степь*. М. : Мысль. 766 с.
- 5- Гумилев Л. Н. (2001). *Этногенез и биосфера Земли*. СПб. : Кристалл. 640 с.
- 6- *Дворянская и купеческая сельская усадьба в России XVI–XX вв.: исторические очерки* (2001). / отв. ред. Л. В. Иванова. М. : Эдиториал УРСС. 782 с.

- 7- Кривов А. С., Крупнов Ю. В. (2004). *Дом в России. Национальная идея*. М. : ОЛМА-ПРЕСС. 416 с.
- 8- Мамлеев Ю. В. (2011). *Империя духа: роман*. М.; Воронеж : TERRA FOLIATA. 176 с.
- 9- *Основы Евразийства* (2002). М. : Арктогея Центр. 800 с.
- 10- Пелевин В. О. (2021). *Transhumanism Inc.: роман*. М.: Эксмо. 608 с.
- 11- Переслегин С. Б. (2003). *Послесловие. О спектроскопии цивилизаций, или Россия на геополитической карте мира // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова*. М. : АСТ. С. 578–602.
- 12- Потёмкин А. П. (2014). *Человек отменяется: роман*. М.: ПоРог. 556 с.
- 13- Савицкий П. Н. (1997). *Континент Евразия*. М.: Аграф. 461 с.
- 14- Сорокин В. Г. (2024a). *День опричника: повесть*. М.: АСТ. 224 с.
- 15- Сорокин В. Г. (2024b). *Сахарный Кремль: сборник рассказов*. М.: АСТ. 256 с.
- 16- Толстая Т. Н. (2022). *Кысь: роман*. М.: АСТ. 382 с.
- 17- Хантингтон С. (2003). *Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова*. М.: АСТ. 603 с.
- 18- Цымбурский В. Л. (2007). *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006*. М.: РОССПЭН. 544 с.
- 19- Яхина Г. Ш. (2018). *Дети мои: роман*. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной. 496 с.

Bibliography

- 1- Beliakov A. V. (2017). *Inkorporatsiia tiurkskoi znati v Rossii: Chingisidy v Moskovskom gosudarstve XV–XVII vv.: dis. ... d-ra istorich. nauk*. М. 899 s.
- 2- Granin Iu. D. (2020). «Tsivilizatsionnyi podkhod». *Stanovlenie i evoliutsiia // Problemy tsivilizatsionnogo razvitiia*. Т. 2, № 2. S. 65–85.
- 3- Grinevich O. A. (2022). *Poetika usadbnogo teksta: mif, real'nost', literatura: monografiia*. Grodno : GrGU im. Ianki Kupaly. 143 s.
- 4- Gumilev L. N. (1989). *Drevniaia Rus' i Velikaia step'*. М. : Mysl'. 766 s.
- 5- Gumilev L. N. (2001). *Etnogenez i biosfera Zemli*. SPb. : Kristall. 640 s.
- 6- *Dvorianskaia i kupecheskaia sel'skaia usad'ba v Rossii XVI–XX vv.: istoricheskie ocherki* (2001). / otv. red. L. V. Ivanova. М. : Editorial URSS. 782 s.
- 7- Krivov A. S., Krupnov Iu. V. (2004). *Dom v Rossii. Natsional'naia ideia*. М. : OLMA-PRESS. 416 s.

- 8- Mamleev Iu. V. (2011). *Imperiia dukha: roman*. M.; Voronezh : TERRA FOLIATA. 176 s.
- 9- *Osnovy Evraziistva* (2002). M. : Arktogeia Tsentr. 800 s.
- 10- Pelevin V. O. (2021). *Transhumanism Inc.: roman*. M.: Eksmo. 608 s.
- 11- Pereslegin S. B. (2003). *Posleslovie. O spektroskopii tsivilizatsii, ili Rossiia na geopoliticheskoi karte mira // Khantington S. Stolknovenie tsivilizatsii / per. s angl.* Iu. Novikova. M. : AST. S. 578–602.
- 12- Potemkin A. P. (2014). *Chelovek otmeniaetsia: roman*. M.: PoRog. 556 s.
- 13- Savitskii P. N. (1997). *Kontinent Evraziia*. M.: Agraf. 461 s.
- 14- Sorokin V. G. (2024a). *Den' oprichnika: povest'*. M.: AST. 224 s.
- 15- Sorokin V. G. (2024b). *Sakharnyi Kreml': sbornik rasskazov*. M.: AST. 256 s.
- 16- Tolstaia T. N. (2022). *Kys': roman*. M.: AST. 382 s.
- 17- Khantington S. (2003). *Stolknovenie tsivilizatsii / per. s angl.* Iu. Novikova. M.: AST. 603 s.
- 18- Tsymburskii V. L. (2007). *Ostrov Rossiia. Geopoliticheskie i khronopoliticheskie raboty. 1993–2006*. M.: ROSSPEN. 544 s.
- 19- Iakhina G. Sh. (2018). *Deti moi: roman*. M.: AST: Redaktsiia Eleny Shubinoi. 496 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Bogdanova O. A. (2026). THE FUTURE OF THE LITERARY ESTATE IN LINE WITH THE “CIVILIZATIONAL APPROACH”. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 11-29.

DOI:10.61186/IARLL.27.1

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/392>

آینده «ادبیات باغ عمارت» در چارچوب رویکرد تمدنی

اولگا علیمونا باگدالوا^{*}

استاد، پژوهشگر برجسته انستیتو ادبیات جهان گورکی، آکادمی علوم روسیه،
مسکو، روسیه

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله سبک زندگی «باغ عمارت» را به مثابه عنصری از رمزگان فرهنگی جهان شمول بررسی می‌کند و ویژگی‌های آن را در دوران اتحاد جماهیر شوروی و دوره پساشوروی نشان می‌دهد. بر پایه متون ادبیات روسیه در آستانه سده‌های بیستم و بیست‌ویکم، برای نخستین بار روندهای تحول «ادبیات باغ عمارت» در چارچوب «رویکرد تمدنی» مرتبط با مفهوم «زمان بزرگ» (م.م. باختین) در تاریخ روسیه آشکار می‌گردد. با تکیه بر روش‌شناسی یادشده و در جریان تحلیل آثار ت.ن. تالستایا، و.گ. سورکین، آ.پ. پوتیومکین، ی.و. ماملی‌یف، و.ا. پلین، گ.ش. یاخینا و دیگر نویسندگان، این نتیجه گرفته می‌شود که تاریخ «ادبیات باغ عمارت» روسیه، برخلاف دیدگاه پیشین، به دوره امپراتوری سده هجدهم تا آغاز سده بیستم محدود نمی‌شود، بلکه ریشه در روس مسکویی و هم‌زیستی اجتماعی- فرهنگی ترک اسلاوی آن دارد. در این میان، شماری از نویسندگان رویکرد تمدنی و «باغ عمارت‌شدن» روسیه را که با آن همراه است، به صورت طنزآمیز به نقد و تمسخر می‌گیرند (و.گ. سورکین، و.ا. پلین)، گروهی موضوعی خنثی اتخاذ می‌کنند (ت.ن. تالستایا، گ.ش. یاخینا)، و گروهی دیگر از این چرخش تمدنی نوین استقبال می‌نمایند (آ.پ. پوتیومکین، ی.و. ماملی‌یف).

واژگان کلیدی: ادبیات باغ عمارت روسی، رویکرد تمدنی، ادبیات روسیه در آستانه سده‌های بیستم و بیست‌ویکم، عمارت به مثابه پدیده‌ای اوراسیایی و دریچه‌ای به معانی متعالی، آینده ادبیات باغ عمارت روسی.

1. E-mail: olgabogda@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

PROTOMOTIVE OF THINKING IN DERZHAVIN'S POETRY

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna^{1*}

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University,
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: November, 2025; date of acceptance: December, 2025)

Abstract

The article examines Derzhavin's poems dedicated to thinking. This thematic line has not previously attracted the attention of researchers. It is revealed in the material of a dozen poems and interpreted as a protomotive—the germ of the motive of thinking in 18th-century poetry, its initial embodiment. It is shown that the lexemes "thought," "mind," and "understanding" entered the vocabulary of poets in the age of rationalism, starting with Kantemir. For Derzhavin, "mind" is one of the declared values, often in unities: mind and heart, mind and conscience, mind and spirit—such combinations testify to Derzhavin's ideal of a holistic personality. This ideal is embodied in the image of Felice. Derzhavin made the first observations of the mind: a thought whirling in chimeras, a sleepy consciousness. The poet's first thought about the mind (ode "God") is an affirmation of the inability of the mind to comprehend God. With this negative statement, the formation of the motive of thinking in Russian poetry begins. Affirming the value of the mind despite the fact that there is no positive semantic content in the motive content allows us to speak about the protomotive of thinking and connect it with the rational nature of thinking of the 18th century.

Keywords: Motivic Analysis, Derzhavin's Poetry, Motive of Thinking, Protomotive, Mind, Self-Awareness.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525> * Corresponding author

ПРОТОМОТИВ МЫШЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ Державина

Кошемчук Татьяна Александровна^{1*}

Профессор, Санкт-Петербургский аграрный университет,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: ноябрь 2025 г.; дата принятия: декабрь 2025 г.)

Аннотация

В статье рассматриваются стихотворения Державина, посвященные мышлению. Эта тематическая линия в творчестве поэта ранее не привлекала внимание исследователей. Она выявляется на материале десятка стихотворений и интерпретируется как протомотив – зародыш мотива мышления в поэзии XVIII столетия, его первоначальное воплощение. Показано, что лексические единицы «мысль», «ум», «дума», «разумение» в век рационализма вошли в словарь поэтов, начиная с Кантемира. Для Державина «ум» – одна из декларируемых ценностей, чаще всего в единстве с душой: ум и сердце, ум и совесть, ум и дух – подобные сочетания свидетельствуют о державинском идеале целостной личности. Этот идеал обретает воплощение в образе Фелицы. В стихах Державина можно отметить и первые наблюдения над жизнью ума: кружащаяся в химерах мысль, сонное сознание. Первая мысль поэта об уме (ода «Бог») – утверждение неспособности ума постичь Бога. С этой отрицательной констатации начинается становление мотива мышления в русской поэзии. Утверждение ценности ума при отсутствии смысловой наполненности мотива позволяет говорить именно о протомотиве мышления. Объяснение его своеобразия в поэзии Державина дается с учетом рассудочного характера мышления XVIII столетия.

Ключевые слова: мотивный анализ, поэзия Державина, мотив мышления, протомотив, ум, самосознание.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

* Ответственный автор

Введение

В статье речь пойдет о зарождении в поэзии XVIII века мотива мышления. Из протомотива, каковым он был в течение этого столетия, он станет в следующий период одним из значимых, повторяющихся и развивающихся в лирике мотивных комплексов. Это будет связано с импульсирующим воздействием немецкой философской традиции, когда и перед поэтами встанет вопрос о природе и о возможностях мысли, об истинности познания. Но уже в предшествующий век в поле зрения русских поэтов прочно утверждаются такие понятия, как «ум», «мысль», «сознание», «мышление».

Мотивный анализ лирики с очевидностью показывает, что чувства поэтов всегда рождали целые ряды мотивов, ключевых в поэзии, чувства созерцаются, описываются, выражаются в стихах и оцениваются поэтами. Чувства предлежат как обширное поле рассмотрению поэтов: проживание того или иного чувства в душе – это объект поэта-мыслителя. Но мысли – сами по себе, как объект созерцания и осмысления как составная часть внутреннего мира человека менее занимали поэтов¹. Лишь постепенно, с развитием и освоением гносеологических философских рефлексий, мысль оказывается предлежащей внутреннему взору поэта-мыслителя, некой переживаемой реальностью, которая может вдохновить на творческие воплощения. Опыт созерцания жизни мысли в сознании, то есть опыт самосознания становится источником многих откровений в 20-х и 30-х годах XIX века в поэзии Любомудров. Как живет во мне мысль? Какова ее природа? Эти вопросы встают перед наблюдающей себя душой поэта. И мотив мышления зазвучал в теме поэта и поэзии (чистая и глубокая мысль как неперенный атрибут истинного поэта) и в ряде произведений, полностью посвященных мысли, так что фрагментарные лирические отражения разработанной философами теории

1. Отмечу еще раз, что речь идет не о поэзии мысли, не о философской лирике в целом, но об одном из ее мотивов. В этой оптике рассматривается далее поэзия Державина.

познания заняли прочное место в поэзии. И, даже если поэты не погружаются в философскую проблематику, в своем самопознании они обращают внимание на эту сферу, и жизнь мыслей обретает поэтические отклики.

Процесс тонкого созерцания мышления начиная с 1830-х гг. рождает лирические шедевры, как, например, «Все мысль да мысль...» Е.А. Баратынского. Поэт отмечает стремление мысли за грань чувственного и ее воздействие на жизнь: мысль, которой, по самой ее сути, свойственно устремляется к сверхчувственному, лишает ее носителя блаженства в жизни. Блаженства, которое присуще тем, кто удовлетворяется чувственными искусствами («резец, огран, кисть»). Таково наблюдение Баратынского, одно из целого ряда его открытий в созерцании мыслительного процесса - в этой интенции заключается яркое своеобразие его лирики и в целом разгадка этого скептического, мрачного, разочарованного поэта, каким нередко воспринимают его критики. Мысль по природе сверхчувственна, но этой ее сущности не отвечают ее возможности: она - «привычный гость на пире неосязаемых властей», но перед ее сознательными проникновениями мир духа закрыт, что переживалось поэтом в тональности познавательной драмы¹.

Подобное цветение темы мысли было подготовлено в поэзии XVIII столетия. В эпоху просвещения и рациональности можно усмотреть лишь *прото-мотив* мышления. Так будем называть первоначальную форму воплощения мотива, предшествующую ее полному развитию, то есть зародыш мотива, его предпосылку. Это и будет показано на материале лирики Г.Р. Державина.

Основная часть

Мысли Державина о мышлении и о разуме не стали объектом внимания филологов. Количество научных статей, посвященных в целом мировоззрению

1. Подробно об этом см.: (Кошемчук 2023).

поэта, весьма невелико: «творческая личность» Державина, как констатирует Д.В. Ларкович (автор ряда статей и монографии, касающихся философии поэта), а тем более ее философская ипостась «...на сегодняшний день нуждается в объективной и полновесной оценке» (Ларкович 2017. 182). Действительно, на мировоззрении поэта не останавливается автор его основательного жизнеописания в XIX веке, Я.К. Грот, сказавший о поэзии Державина: «Торжество вечного и духовного над преходящим и тленным, - вот главная тема ее» (Грот 1997. 196). Конечно, констатация державинских вечных тем – веры в Бога и в бессмертие души, а также переживание бренности и скоротечности жизни – общее достояние критиков, приемлющих Державина-поэта. Авторы начала XX столетия добавили немного. Так, у Б.А. Грифцова находим оценку мыслительного мира Державина: «Сознание, не коснувшееся соблазна философии...» (Грифцов 1988. 353). Державин для него один из «...более живущих и действующих, чем оценивающих и размышляющих» (Грифцов 1988. 353): «Державин не задается – по счастью – теоретико-познавательными задачами...», а Бог его далек от мира. Главное достоинство Державина критик видит в описании ярких переживаний (Грифцов 1988. 359), стихийных, блистательных, красочных, – именно блеск, пламенность, сияние в природе и в богопознании поэта акцентирует этот исследователь. Ю.И. Айхенвальд, говоря о Державине лишь вскользь отмечает: «...большую долю в его поэзии играет сверхвременное и надместное – тема вечности и вселенной» (Айхенвальд 1988. 368), не вникая в своеобразие этих тем у Державина. То же можно сказать и о биографе Державина, В.Ф. Ходасевиче в его книге о поэте, изданной в 1931 г. (Ходасевич 1988).

Немногие современные авторы, которые обращаются к философским аспектам творчества поэта, охватывают наиболее очевидные и значимые из них, ограничиваясь указанием на его деистические взгляды. Д.В. Ларкович описывает связи Державина с мыслью его эпохи, широкое знакомство поэта с

философскими идеями его времени (ранее этой теме не уделялось внимания). Этим изысканиям посвящена глава его монографии «Философские идеи Нового времени в мировоззренческом тезаурусе Г.Р. Державина» (Ларкович 2011. 91-154). Особенно стоит отметить подробный анализ рецепции Державиным философии Канта (Ларкович 2017). Этическим (Аверин 2004) и религиозным (Арефьева 1997; Федосеева, Шанаева 2010) взглядам Державина также уделено исследовательское внимание (политические же взгляды поэта изначально были в центре внимания и рассмотрены весьма подробно). Тема мышления как одна из составляющих мировоззрения поэта, по сути, его гносеологический аспект, не выходящий на первый план державинских размышлений, ранее не затрагивался исследователями.

Переходя к непосредственному выявлению мотива мышления в творчестве поэта, еще раз подчеркну, что он изначально стал предметом рассмотрения в этой статье скорее в качестве ретроспективы по отношению к расцвету мотива в поэзии XIX века, чем в силу его собственного художественно-философского звучания в лирике Державина.

Отмечу прежде всего, что такие лексические единицы, как характерные для рационального века поэзии, как «разум», «ум», «рассудок», «разуметь», «мыслить», «мысль», «дума», «разумение», «познания», «учение», «философия», «мудрость», входят в поэтический словарь русских поэтов со времен Кантемира. Он пишет свою первую сатиру «На хулящих *учение*¹» с подзаголовком: «К *уму* своему». И значимо, что от своего *ума*, который стал адресатом послания, поэт хочет – молчания. Собственно, с этого иронического призыва начинается русская поэзия: молчи, *ум*, не принуждай к творчеству, к размышлениям и наукам, ибо они во всех отношениях нежелательны и осуждаемы в обществе. Такова основная мысль сатиры, где ценность *ума*

1. Курсивом выделяются ключевые лексемы, значимые для анализа мотива мышления.

утверждается лишь «от противного», то есть через осмеяние его осуждения невеждами. А о самом *уме* сказано у Кантемира с оттенком иронического самоуничижения только следующее: «*уме* незрелый, плод недолгой науки...». Некоторые из ряда отмеченных выше понятий у Кантемира провозглашаются в качестве ценности. Или же употребляются в бытовом, обыденном значении: я «мыслю» для него означает «высказываю свое суждение, свое отношение к той или иной проблеме», а «мысль» – это мнение, суждение, которое и раскрывается далее в форме сентенций на самые разные темы.

В одном из первых значительных стихотворений Державина «Модное остроумие» (1776), как и у Кантемира в первой сатире, в начале его и в концовке, звучат те же лексемы в рассуждении о ложном, кажущемся остроумии, разоблачаемом поэтом. С начала и до конца все стихотворение – это определение, что значит быть остроумным в общем, пошлом понимании. Прежде всего это значит: *не мыслить*... Этим ироническим отрицанием начинается стихотворение:

Не *мыслить* ни о чем и презирать сомненье,
 На всё давать тотчас свободное решенье,
 Не много *разуметь*, о многом говорить...
 В конце подводится итог:
 И, словом, лишь *умом* в поверхности блистать,
 В *познаниях* одни цветы только срывать,
 Тот узел рассекать, что развязать не знаем, –
 Вот остроумием что часто мы считаем!

При этом сами выделенные слова «мыслить», «разуметь» не раскрываются в их положительном смысле, не они являются темой стихотворения. Таковой становится ложное понимание поверхностным

светским человеком остроумия, острого ума. Разоблачить эту мнимую ценность – вот задача поэта.

В ряде произведений Державин перечисляет собственные, истинные ценности, среди них названные выше. Так, в стихотворении «На смерть князя Мещерского» (1779) поэт говорит о смерти: она стоит перед всеми, смотрит на всех и на всё. После чего следует перечисление всего предлежащего ее взгляду, то есть выстраивается ряд тех земных явлений, которые становятся объектом созерцания для персонифицированной смерти:

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и серебре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на *разум возвышенный*,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Разум оказывается в ряду значимых для Державина ценностей: красота, возвышенный *разум*, дерзновенные силы – все это подлежит уничтожению смертью.

Подобный ряд дается и в стихотворении «На рождение порфирородного отрока» (1879): гении слетаются к новорожденному и несут свои дары, причем дары умственные означены тремя составляющими (*прозорливость, разум, дух*):

Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.

Ум – одно из неперенных качеств человека, отмчаемых в его тройственной характеристике (тело, душа, дух). В стихотворении «Решемыслу» (1783) поэт обращается к Музе и просит описать своего героя:

Скажи, скажи о сем герое:
Каков в войне, каков в покое,
Каков *умом*, каков душой,
Каков и всякими делами?

Можно отметить многообразные и двойственные, по их оценке, характеристики ума в подобных упоминаниях: ум может быть *возвышенным, крылатым, решительным, парящим, обширным, здоровым* (у положительных державинских героев) – или *гордым, надменным, подлым, развратным* (у отрицательных).

Порой ценности поэта, одна из первых в ряду которых ум, группируются в пары, что обобщается Державиным: «Ум и *сердце* человекье / Были гением моим». Так соединяются в его ценностных именовании не только ум и *сердце*, но ум и совесть, душа и ум; искусство, *разум* и красота; наконец, дух и ум. И многократность подобных деклараций позволяет говорить о своеобразии державинской духовной личности: противопоставление ума и сердца (свойственное его веку) поэту не близко, но очевидно привлекательно их единство, поэт соединяет в себе в единое целое различные человеческие проявления. То же он ценит и в других, в своих героях. В этой своеобразной черте можно усмотреть и прото-идею цельной человеческой личности, которая будет развиваться русскими мыслителями в XIX веке. Вот пример державинского сочетания *ума и сердца, мысли и дел* (стихотворение «Вельможа», 1794):

Вельможу должны составлять
Ум здравый, *сердце* просвещенно;
...
Вся *мысль* его, слова, *деянья*
Должны быть — польза, слава, честь.

В оде «Фелица» (1782) его героиня предстает как воплощение мудрости, она знает путь к добродетели и потому «*дух* и *ум* пленяет» – это соединение многозначительно: в нем духовное едино с умственным, что так же можно воспринять как симптом будущих исканий мыслителей XIX столетия. Возвышенная личность царицы вызывает восхищение поэта, ибо отвечает требованиям его сознания – и религиозного, и философского. Фелица есть яркое воплощение цельного идеала и в более позднем стихотворении «Изображение Фелицы» (1789). В нем поэт обращается к Рафаэлю как наилучшему художнику с предложением написать ее портрет, так чтобы истинным фоном для его героини стала целая вселенная. На космически всеобъемлющем фоне смогут выступить ее лучшие качества:

Ее и *сердца* красоты,
И *духа* чувства возвышенны,
И *разума* ее дела...

В этих строках Державин воистину новаторски соединяет разные грани в человеке: красота сердца (не внешности), чувства духа (не души), дела разума (не воли), а далее и «мужество ее красы» – представляя тем самым идеал цельного человека.

В том же стихотворении в речи Фелицы выражается ее главное достоинство как мудрой правительницы, которая подданным дарит не свободу политическую, а свободу мысли, истинную и реальную свободу, и учит их самосознанию:

Я вам даю свободу *мыслить*

И *разуметь* себя ценить...

В перечне ее даров, конечно, и общественно-политические добродетели («Читать и знать мои законы / И в них ошибки замечать»), но выше их ценность, которую ее подданные должны научиться понимать как истинное золото. Это их мысли:

...И в *думах* золото копить...

И ранее, в «Фелице», уже была намечена эта идея: «И знать и *мыслить* позволяешь...» – высочайшая милость императрицы есть позволение *думать*, как еще раз звучит в оде: подданным Фелица «...развязывала *ум* и руки».

В созвучии со сказкой Екатерины II о царевиче Хлоре, с ее аллегорическими образами, Державин говорит о сыне Фелицы – Рассудке: «...Меня твой *сын* препровождает; / Но им последовать я слаб / Мятясь житейской суетою, / Сегодня властвую собою, / А завтра прихотям я раб». В этой, второй, линии оды, шутиливой, иронической, бытовой, герой ее, сам поэт, противопоставленный Фелице как совершенству, – несовершенный человек с его слабостями. Тем не менее он стремится быть руководимым Рассудком (сыном Фелицы), а в своем увлечении чтением стремится к воплощению идеала: «*ум* и сердце просвещаю». И если Фелица для поэта – образец самообладания, разумного и полезного наполнения жизни и ума, то о своем времяпрепровождении поэт говорит с ироническим принижением самого себя и своей мысли, склонной к лени и фантазиям:

А я, проспавши до полудни,

Курю табак и кофе пью;

Преобращая в праздник будни,

Кружу в химерах *мысль* мою:

То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом...

Здесь мы, вероятно впервые, можем констатировать наблюдение поэта над жизнью мысли в себе: мысль, отпущенная на волю, обращается в поток химер, в их кружение.

Державин, ставя себе в образец Фелицу, соединившую в себе истину и добро, противопоставляет ей свои и всеобщие пороки, свою малость, греховность, заблуждения («всяк человек есть ложь» – цитирует Державин Псалтирь (Пс., 115: 2)):

...но лъзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам *рассудок* спотыкаться
И должен вслед страстям идти...

Рассудок идет вслед страстям – вот корень зла для простых смертных. Так в духе своего века (многократно описавшего конфликт рассудка и чувства) формулирует Державин причину заблуждений (рассудок *спотыкается* из-за подчиненности страстям).

Наконец, в оде «Фелица» речь идет о поэзии, «ума забаве», которую одобряет и к которой снисходительна державинская идеальная героиня:

...сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад:
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Ироническое самоумаление поэта рождает сравнение поэзии с «вкусным лимонадом» – это ирония не без горечи. Но то, что поэзия – не забава *ума*, а его мучительный труд, Державин показывает в своей оде «Бог» (1784).

В этой оде тема мышления получает новые грани, разворачиваясь в русле проблемы богопознания. Мысль оказывается одновременно, антиномически, и малой, и – не малой. Она не способна к познанию Бога: Бога «...никто постичь не мог». «Высокий *ум*» может «...измерить океан глубокий, / Сочесть пески, лучи планет...», то есть может выступить как создатель наук. Но Богу «числа и меры нет». Антитеза поэта такова: ум способен познавать земное, но не Бога. Но при этом – таков следующий ход мысли – даже если высшие духи не могут «исследовать» судьбы Божьи, то мысль человека к этому стремится. И в этом ее величие. Увы, она при этом бессильна:

Лишь *мысль* к тебе взнестись дерзает,
В твоём величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Тем не менее стремление мысли к Богу, при ее ничтожестве перед Ним, подобно тому как ничтожен миг перед вечностью, – существенная первая характеристика мысли у Державина.

Способность ума выстраивать значимые заключения иллюстрируется в следующей сентенции. Поэт говорит о чувстве души, о ее чаянии – она чаёт существования Бога и обретает подтверждение в самой себе: душа

Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!

Эта державинская кратчайшая формула воплощает целую философскую традицию – усматривать в человеческой душе, в ее чистоте и склонности к добру, свидетельство о существовании Бога, ее вечного Первоисточника. Второе подтверждение дает природа:

Ты есть! — природы чин вешает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой *разум* уверяет...

Так сердце и разум в единстве могут дать уверенность в Божьем бытии. И далее мысль Державина разворачивается при соблюдении строгой логики:

Ты есть — и я уж не ничто!

Изначально обозначенное положение о ничтожестве человека теперь дополняется утверждением его ценности в этом умозаключении, из которого развивается целая концепция двойственности человеческой души (в согласии с христианской традицией): человек есть срединная точка творения между духами и материей, он соединяет в себе противоположности, согласно знаменитым державинским оппозициям: царь – раб, червь – бог, в смертной бездне – бессмертный. Отсюда выход для человека в возвышении к Богу и в благодарности Ему.

Так в этой оде поэт прежде всего говорит о человеческом разуме, бессильном в богопознании, но способном стремиться к Богу и к обретению уверенности в Его бытии. Можно констатировать: мотив мышления в русской поэзии открывается этим утверждением о неспособности мысли постичь Бога, лишь смягчаемой в утверждении значимости самого стремления.

Позднее сочинение Державина «Евгению. Жизнь Званская» (1807) немного добавляет по существу: в развернутом потоке подробностей из поместной жизни, ее радостей и удовольствий, поэт касается своей мыслительной жизни. Он описывает свой отдых: «Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?» – состояние дремлющего сознания становится предметом поэтического созерцания. Ум представляет картины прошлого – «мимолетающи суть все времени мечтаньи»: ушедшие дела царей, бывшие бури. Вопросания о

прошедшем («...где...?» – где все то, что прошло?) сменяются размышлением о Боге, который все направляет «ко благу общему», которому ведомы «корни помыслов». И эти этапы размышления ведут к итогу – к идее тленности жизни («Что жизнь ничтожная?») и неизбежного уничтожения всего, в том числе и самого поместья, которое описывается поэтом: «Разрушится сей дом, засохнет бор и сад...». Так Державин проводит свой «дремлющий ум» не через бессвязность сменяющихся картин, но через логически продуманное их течение. И в этой логической упорядоченности созерцаний сказывается стройность рассуждающей мысли, строгость рационального ума. Чистота и логичность мышления еще в начальные 1770-е годы осознавалась поэтом как ценность. В стихотворении «Ключ» (1779) поэт проводил аналогию между чистым струящимся родником и поэтическими мыслями в его стихах:

И с чистою твоей струєю
Сравнится в песнях *мысль* моя...

Из державинских записей – афоризмов, собранных под названием «Мысли мои», в контексте размышлений поэта о мышлении нельзя не отметить эту: «Жизнь *мыслящего* человека - непрерывное усилие раскрыть таящееся в нем свойство духа его». Созвучным этой мысли было завершение оды «Бог»:

...слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к Тебе лишь возвышаться...

Слабому смертному, то есть мыслящему человеку, подобает возвышаться к Богу, то есть раскрывать заложенные Творцом свойства своего духа – это одна из глубоких идей Державина, которая точнее выражена в прозаической сентенции, в отточенности каждого слова, чем в не обретшем еще совершенства поэтическом слоге. Тем не менее, как было показано, первый

ряд поэтически выраженных мыслительных тем Державина сохраняют его стихи: и констатации ума как ценности, и идеал единства ума и души, и первые наблюдения над мышлением, и первые мысли о мысли.

Заключение

Зарождение в стихах Державина мотива мышления – его реализация в модусе прото-мотива – это предпосылка дальнейшего его развертывания, которое перебрасывает мост из XVIII столетия в XIX. Возникновение мотива было предопределено той общей ментальной картиной эпохи – стадией в истории развития сознания, которая выразилась в культе резонерствующего *разума* XVIII века (кантиански осмысленного). На русской почве он смог, при всей его роли в культуре, стать глубоким вдохновляющим импульсом. Им оказался интуитивный *разум* эпохи немецкой классики XIX столетия. Освоение плодов новой философской мысли (прежде всего шеллингианской) разбудило русское творчество в сфере гносеологии, а в поэзии породило целый поток вдохновенных прозрений и познавательных восторгов у поэтов-любомудров, ибо перед ними распахнулось необозримое мыслительное пространство, ранее неведомое. Это был уже не мир рассудочных сентенций и сомневающегося ума рационального века, когда верили, что человек ценен разумом и что в следовании ему заключается возможность преодоления несовершенств жизни. Но здравая логика, научный метод, критические установки – это «*Cogito*» рассудочной эпохи отзывалось неспособностью постигать Истину. А безграничный мир познания нового, XIX века – мир интуитивных проникновений и созерцаний, творческих постижений сущности бытия глубоко отозвался в русском сознании. Две эпохи противостоят друг другу как Рассудок и Разум, в оценке Андрея Белого, и первая, рассудочная, только называла себя разумной, порождая лишь механистическую науку, уже чреватую будущим материализмом, трезвые сентенции и наставительные

суждения. Попытки Державина воплощать в стихах мысли подобного круга не могли создать истинно философской лирики. И дело здесь не в недостатке таланта и не в несовершенстве поэтического языка. Сама резонерствующая мысль эпохи была мало пригодна для русской поэзии. Державин же, будучи гениальным поэтом, и в этом неблагоприятном материале сумел сотворить невозможное – истинную, глубоко личностную поэзию. К исходу XVIII века сами декларируемые ценности – «разум», «ум», «мысль» стали прочным достоянием поэтов, и этим понятиям нужно было преобразиться в творческом огне новых духовных импульсов, и мысли о мысли, претворенные душой поэта, зазвучали не как рассудочные декларации, но как лирические откровения. То есть прото-мотив, развернувшись в поэтических наблюдениях над жизнью мысли в душе, стал в XIX столетии полноценным мотивом мышления. Первые пробы таких воплощений можно зафиксировать уже в стихах Державина, но – даже при их глубине – говорить о сложившемся мотиве мышления в его эпоху еще невозможно. Тем не менее подобные, отдельные опережающие прозрения, которые были отмечены выше у Державина, представляют большую ценность для историка литературы и историка сознания, обнаруживающего в поэзии точные симптомы глубинных ментальных процессов.

Литература

- 1- Аверин Н.М. (2004). *Лирик-философ: этико-философские мотивы в поэзии Г.Р. Державина* // Вестник ТГУ. Вып. 3(35). С. 5–12.
- 2- Арефьева Н.Н. (1997). *Богословские реминисценции в оде Г.Р. Державина «Христос»*. В связи с дружбой поэта и митрополита Евгения (Болховитинова) // Державинские чтения. Вып. 1. Сб. науч. докл. СПб.: ООО «Геликон плюс». С. 35–52.
- 3- Грифцов Б.А. (1988). *Державин* // Ходасевич В.Ф. *Державин*. М.: Книга. С. 350–365.
- 4- Грот Я.К. (1997). *Жизнь Державина*. М.: Алгоритм. 685 с.
- 5- Кошемчук, Т. (2024). *МОТИВ МЫШЛЕНИЯ В ПОЭЗИИ Е. БОРАТЫНСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ ПОЭТА*. *Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы*, 12(2), 11–29. <https://doi.org/10.61186/iarll.24.1>

- 6- Ларкович Д.В. (2011). *Г.Р. Державин и художественная культура его времени: формирование индивидуального авторского сознания*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. 344 с.
- 7- Ларкович Д.В. (2017) *И.Кант – Ш. де Виллер – Державин: К вопросу о философских интересах русского поэта* // Stephanos. № 1 (21). С.
- 8- Федосеева Т.В., Шанаева О.Н. (2010). *Духовные воззрения Г.Р. Державина позднего периода творчества (1790–1810 годы)* // Вестник Рязанского государственного университета. № 4 (29). С. 59–71.
- 9- Ходасевич В.Ф. (1988). *Державин*. М.: Книга. С. 38–289.

Bibliography

- 1- Averin N.M. (2004). *Lirik-filosof: etiko-filosofskie motivy v poezii G.R. Derzhavina* // Vestnik TGU. Vyp. 3(35). S. 5–12.
- 2- Arefeva N.N. (1997). *Bogoslovskie reministsentsii v ode G.R. Derzhavina «Khristos»*. V svyazi s druzhboi poeta i mitropolita Evgeniia (Bolkhovitinova) // Derzhavinskie chteniia. Vyp. 1. Sb. nauch. dokl. SPb.: OOO «Gelikon plus». S. 35–52.
- 3- Grifitsov B.A. (1988). *Derzhavin* // Khodasevich V.F. Derzhavin. M.: Kniga. S. 350–365.
- 4- Grot Ia.K. (1997). *Zhizn' Derzhavina*. M.: Algoritm. 685 s.
- 5- Koshemchuk, T. (2024). *THE MOTIVE OF THINKING IN E. BORATYNSKY'S POETRY: ON THE PROBLEM OF THE POET'S WORLDVIEW*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 12(2), 11–29. <https://doi.org/10.61186/iarll.24.1>
- 6- Larkovich D.V. (2011). *G.R. Derzhavin i khudozhestvennaia kul'tura ego vremeni: formirovanie individual'nogo avtorskogo soznaniia*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. 344 s.
- 7- Larkovich D.V. (2017) *I.Kant – Sh. de Viller – Derzhavin: K voprosu o filosofskikh interesakh russkogo poeta* // Stephanos. № 1 (21). S.
- 8- Fedoseeva T.V., Shanaeva O.N. (2010). *Dukhovnye vozzreniia G.R. Derzhavina pozdnego perioda tvorchestva (1790–1810 gody)* // Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta. № 4 (29). S. 59–71.
- 9- Khodasevich V.F. (1988). *Derzhavin*. M.: Kniga. S. 38–289.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Koshemchuk T. A. (2026). PROTO-MOTIVE OF THINKING IN DERZHAVIN'S POETRY. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 31-49.

DOI:10.61186/IARLL.27.2

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/400>

پروتوموتیف (پیش موتیف) اندیشیدن در شعر درژاوین

تاتیانا الکساندرونا کاشمچوک^{*}

استاد، دانشگاه کشاورزی سن پیتربورگ،
سن پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به بررسی اشعار درژاوین که به مقوله اندیشیدن اختصاص دارد، می‌پردازد. پژوهشگران تاکنون به این خط موضوعی در آثار شاعر توجه نکرده‌اند. این مضمون بر پایه تحلیل حدود ده شعر شناسایی شده و به‌منزله پروتوموتیف اندیشیدن تفسیر می‌شود؛ یعنی هسته آغازین شکل‌گیری موتیف اندیشیدن در شعر روسی سده هجدهم و نخستین تجلی آن. نشان داده می‌شود که واحدهای واژگانی «اندیشه»، «ذهن»، «تفکر» و «تعقل» در عصر عقل‌گرایی، از زمان کانتیمیر، وارد واژگان شاعران شدند. «ذهن» برای درژاوین، یکی از ارزش‌های تصریح‌شده و بنیادی است که اغلب در پیوند با «روح» مطرح می‌شود: ترکیب‌هایی چون ذهن و دل، ذهن و وجدان، ذهن و جان، گواه آرمان درژاوینی شخصیت یکپارچه هستند. این آرمان در تصویر فلیتسا تجسم می‌یابد. افزون بر این، در اشعار درژاوین می‌توان نخستین مشاهدات شاعرانه درباره زندگی ذهن را نیز بازشناخت: اندیشه‌ای که در خیال‌پردازی‌ها سرگردان است و آگاهی خواب‌زده. نخستین تأمل شاعر درباره ذهن (در قصیده «خدا») بر ناتوانی عقل در شناخت خداوند تأکید می‌کند. شکل‌گیری موتیف اندیشیدن در شعر روسی از همین گزاره سلبی آغاز می‌شود. تأکید بر ارزش ذهن، در شرایط فقدان معناپردازی تثبیت‌شده برای این موتیف، امکان سخن گفتن از پروتوموتیف اندیشیدن را فراهم می‌آورد. تبیین ویژگی‌های خاص این پروتوموتیف در شعر درژاوین با در نظر گرفتن ماهیت عقلانی تفکر در سده هجدهم صورت می‌گیرد.

واژگان کلیدی: تحلیل موتیفی، شعر درژاوین، موتیف اندیشیدن، پروتوموتیف (پیش موتیف)، ذهن، خودآگاهی.

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4606-2525>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

THE ROLE OF TOPONYMS IN CREATING THE IMAGE OF THE EAST IN THE 17TH CENTURY MONUMENT "ON THE VOYAGE FROM MOSCOW TO THE PERSIAN KINGDOM..." BY FEDOT KOTOV

Maltseva Tatiana Vladimirovna^{1*}

Professor at Pushkin Leningrad State University,

St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: November 2025; date of acceptance: December 2025)

Abstract

This article examines the 17th-century travelogue "On the Voyage from Moscow to the Persian Kingdom, from Persia to Turkey, to India, and to Urmuz on the White Sea, Where the Germans Arrive by Ship" by the Moscow merchant Fedot Kotov, completed in 1623–1624. This historical and literary work is presented in the form of a travelogue. The author integrates this work into the thematic unity of the Eastern text of Russian literature, suggesting that the text be analyzed within the context of this multi-genre thematic community. Common elements of Eastern texts include route markers describing the journey to the East and extensive nominations of geographical and man-made landscape features in foreign spaces. In travelogues, the route determines the plot and structure of the text. Routing becomes the basis for the composition of the text of the analyzed monument, establishing periods of movement and stops. Movement necessitates abundant toponymic nomination and topographical commentary on landscape features, while stops allow for the inclusion of ethnographic commentary and pictorial sketches of everyday life related to the history and present of the toponymic object. The travelogue describes the route from Moscow along the Volga and Caspian Sea to Isfahan and Sultaniya; the route from Shamakhi to Turkey; and the route from Isfahan to India, etc. An expanded toponymic nomination, indication of distances between points, and types of geographical features with descriptions of their characteristics recreate a pictorial layout of the space, which has an aesthetic effect. The toponym is considered as a sign for designating a landscape feature, natural or man-made, and as an element of the poetics of the work, while commentary on the toponymic object serves as a means of the author's presence in the text.

Keywords: Russian Literature, Eastern Text, Travel Genre, Image of the East, Persia, Toponymic Nomination.

1. E-mail: kafliit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8432-4314>

* Corresponding author

РОЛЬ ТОПОНИМОВ В СОЗДАНИИ ОБРАЗА ВОСТОКА В ПАМЯТНИКЕ XVII ВЕКА «О ХОЖЕНИИ ИЗ МОСКВЫ В ПЕРСИЦКОЕ ЦАРСТВО...» ФЕДОТА КОТОВА

Мальцева Татьяна Владимировна^{1*}

Профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: ноябрь 2025 г.; дата принятия: декабрь 2025 г.)

Аннотация

В статье рассматривается травелог XVII века «О хождении из Москвы в Персидское царство, из Персии в Турецкую землю, в Индию и в Урмуз на Белом море, куда немцы приплывают на кораблях» московского купца Федота Котова в 1623–1624 гг. Анализируемый историко-литературный памятник имеет форму путевых записок. Автор статьи включает это произведение в тематическое единство восточного текста русской литературы, что предполагает анализ произведения в контексте этого разножанрового тематического сообщества. Общими элементами восточного текста являются описания-маркеры маршрута путешествия на восток, комментируемое номинирование географических и рукотворных ландшафтных объектов чужого пространства. В травелог сюжет и структуру текста определяет маршрут. Маршрутизация становится основой композиции текста анализируемого памятника, устанавливая периоды движения и остановок. Движение вызывает необходимость обильной топонимической номинации и комментариев к номинированным ландшафтным объектам, остановки позволяют включать в текст комментарии этнографического характера и живописные зарисовки быта, связанные с историей и настоящим топонимического объекта. В травелог описываются маршрут от Москвы по Волге и Каспию до Исфахана и Султании; маршрут из Шемахи в Турцию; маршрут от Исфахана до Индии. Расширенная топонимическая номинация, указание расстояний между пунктами и видов географических объектов с описанием их особенностей воссоздают изобразительный проект пространства, который имеет эстетический эффект. Топоним рассматривается как знак для обозначения ландшафтного объекта натурной или рукотворной природы и как элемент поэтики произведения, а комментарии к топонимическому объекту как функция автора в путевом тексте.

Ключевые слова: русская литература; восточный текст; жанр хождения; образ Востока; Персия; топонимическая номинация.

1. E-mail: kaflit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8432-4314>

* Ответственный автор

Введение

Наряду со знаменитым и широко известным «Хожением за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, написанным им во время путешествия в 1466–1474 гг. в Индию, в русской литературе были и другие произведения, описывающие путешествия на Восток по «индийскому» маршруту. Таким малоизвестным средневековым travelogue является сочинение «О хождении с Москвы в Персическое царство ...» московского купца Федота Афанасьевича Котова.

Сведений о купеческом роде Котовых и самом Федоте Котове сохранилось немного. В документе XVI в. «Наказ Борису Андреевичу и Семену Ивановичу Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч» говорится о московском купце Степане Котове (Труворов 1894. 20). О представителях рода купцов Котовых упоминает известный русский историк, академик Петербургской академии наук Сергей Михайлович Соловьев в 29-томном сочинении «История России с древнейших времен». Фамилия Котовых отмечена Соловьевым при описании обсуждения в 1617 и 1619 гг. в царском дворце с приглашенными купцами пошлин для европейских государств при торговле с Персией по волжскому пути (Соловьев 1859. 189).

С. М. Соловьев, описывая первые годы царствования Михаила Федоровича, первого царя из рода Романовых, отмечал, что царь «начал очень дружественные сношения с персидским шахом Аббасом» (Соловьев 1859. 202). В 1613 г. в Персию были отправлены послы М. Н. Тиханов (Тихонов) и Бухаров, чтобы сообщить о вступлении на престол Михаила Федоровича Романова, и с тех пор начался активный обмен посольствами (Соловьев 1859. 189; Бушев 1987). В 1623 г. с товарами из царской казны для торговли в Персию по указанию царя Михаила Романова и патриарха Филарета был отправлен Федот Котов и с ним 8 московских купцов. Можно считать, что Федот Котов был царским торговым послом с особыми полномочиями и

охранными документами, так как эта торговая миссия не испытывала трудностей и не имела препятствий при передвижении, тогда как торговых купцов постоянно обирали на южных границах Руси и за ее пределами, даже пленяли и продавали в рабство (Соловьев 1859. 205–208; Хожение 1958. 34).

Н. А. Кузнецова, подготовившая к печати в 1958 г. текст Федота Котова «О хождении...», предположила, что «перед отъездом Котов получил из Посольского приказа задание – описать пройденный путь, обычаи жителей, города и представить "статейный список"» (Хожение 1958. 13). В подтверждение этого тезиса современный исследователь Мона Афшар указывает, что Котов «составил рекомендации для тех купцов, которые поедут в Персию после него» (Афшар 2024. 12), то есть своего рода маршрутный лист. Можно считать, что во время пути Котов вел достаточно подробные записи, описывая маршрут движения, условия торговли, цены, указывая перечни местных товаров, этнографические подробности. Эти записи легли в основу объемного отчета о поездке в Персию, в силу своих художественных достоинств ставшего значимым историко-литературным памятником.

Основная часть

Материалом исследования являются путевые записки Федота Котова «О хождении с Москвы в Персидское царство и ис Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Урмуз на Белое море, где на кораблях немцы приходят» («О путешествии из Москвы в Персидское царство, из Персии в Турецкую землю, в Индию и в Урмуз на Белом море, куда немцы приплывают на кораблях») (далее в тексте будем указывать сокращенное название памятника «Хожение...». – Т. М.). Подлинник рукописи «Хожения...» считается утраченным. На данный момент известно 3 списка памятника, которые были подробно описаны Ниной Алексеевной Кузнецовой (Хожение 1958. 13–16). Списки были опубликованы в разное время: в 1852 г., в 1907 г. и в 1958 г.

(цитаты в статье будут приводиться по изданию 1958 г. с указанием страниц в круглых скобках. – Т. М.). Последнее издание, подготовленное Н. А. Кузнецовой, снабжено обширным комментарием и переводом текста XVII в. на современный русский язык.

Анализируемый памятник еще не был предметом специального исследования. Он описывался в составе травелогов определенного периода и чаще всего как лингвистический источник, как, например, в исследованиях Алиева Т. А. оглы (Алиев 2003), Моны Афшар (Афшар 2024), Г. Х. Гиразетдиновой (Гиразетдинова 2013), М. В. Шамсиевой (Шамсиева 1973), или как культурологический источник, например, в работе И. Р. Федорковой (Федоркова 2019). Описание памятника включено в обзор древнерусских травелогов ведущего научного сотрудника ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) Александра Григорьевича Боброва «"Люди неизвестные" в древнерусской литературе» (Бобров 2025).

Следует иметь в виду, что сочинение Федота Котова представляет собой отчет о путешествии, подготовленный для Посольского приказа по установленному шаблону, что, безусловно, повлияло на стиль памятника – он лаконичен, тяготеет к точности формулировок. Тем не менее, в отчет вошло много сведений, не касающихся напрямую торговых отношений, но отражающих личные интересы автора и вызывающих его эмоциональные оценки. Так, в текст «Хожения...» включено описание четырех годовых праздников, исторические комментарии о персидских войнах, этнические комментарии многонаселенных территорий. Образ автора с очевидностью проявлен в тексте «Хожения...», что свидетельствует о присутствии в нем художественного начала.

Гипотеза исследования состоит в следующем: считаем, что в травелогe топоним выполняет не только прямые функции называния /обозначения / указания места. Частью значения топонима в травелогe является

сопроводительный контекст, описывающий особенности топонимического объекта: ландшафтный, исторический (в том числе и легендарный), этнографический, культурный, хозяйственный контент. Топонимическая номинация при этом становится художественным средством травелога.

В данной статье представлен анализ номинаций природных и рукотворных ландшафтных объектов своего и чужого пространства и связанных с этим особенностей топонимического объекта. Методика анализа топонимики восточных травелогов, к которым мы причисляем анализируемый текст, предложена нами в статье «Стратегия топонимической номинации чужого пространства в восточном посольском дискурсе» (Мальцева 2023), где топоним рассматривается как «языковой знак для обозначения вида ландшафтного (природного или рукотворного) объекта и как элемент поэтики произведения» (Мальцева 2023. 82).

Задачи путешествия обозначены автором в первых строках своих путевых записок: «Лета 7131-го по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси и великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича московского и всеа Руси указу купчина московский гость Федот Котов, а с ним в товарищах 8 человек ходили за море в Персицкую землю в купчинах з государевой казною» (с. 25). В этом описании представлена цель – торговля, маршрут – в «Персицкую землю», участники – 8 «товарищей», статус – «купчина московский гость», инициаторы – государь и патриарх, источник – «государева казна».

Автор статьи включает это произведение в тематическое единство восточного текста русской литературы, что предполагает анализ произведения в контексте этого разножанрового тематического корпуса. Мы рассматриваем «Хожение...» Федота Котова как восточный травелог. Общими элементами восточного травелога являются способы картографирования чужого пространства: топонимы как описания-маркеры маршрута путешествия на

восток, расширенное номинирование географических и рукотворных ландшафтных объектов чужого пространства, хозяйственное, историко-культурное комментирование топонимического объекта.

В травелогe композицию и структуру текста определяет маршрут. Маршрутизация становится основой композиции текста анализируемого памятника, разделяя маршрут на периоды движения и периоды остановок, от чего зависит полнота описаний топонимических объектов, что очевидно в данном памятнике. Котов устанавливает композиционные границы между маршрутами, завершая их описание формулой: «Здесь же возвратимся на предлежащий путь» (с. 30); «Здесь же возвратимся на степной путь от Астрахани до Терка и Шаврани» (с. 33); «Здесь же писан ход в Перское царство в Ыспагань» (с. 40); «Здесь же пишет о хождении из Шамахи ход в Турскую землю (с. 56); «Здесь же писан ход ис Персидьской земли в Ындею» (с. 58).

Фиксация движения по маршруту вызывает необходимость обильной топонимической номинации и топографических комментариев к встреченным / посещенным ландшафтным объектам в соответствии с их значимостью для целей путешествия (далее будем называть эти композиционные элементы «Хождения...» путевые части. – Т. М.). Остановки позволяют включать в текст детализированные комментарии этнографического и исторического характера и живописные зарисовки, связанные с наблюдаемым бытом топонимического объекта (далее будем называть эти композиционные элементы «Хождения...» описательные части. – Т. М.). Художественным средством для путевых частей предстает топонимическая номинация, для комментариев к истории и быту топонимических объектов – историко-этнографические детали.

В путевых частях «Хождения...» описываются маршруты от Москвы по Оке, Волге и Каспию до Исфахана и Султании; из Шемахи в Турцию; от Исфахана до Индии; от Исфахана до Урмуза. Степень полноты описания

маршрута различна: при движении по Оке и Волге дается полное перечисление всех пунктов по пути с небольшими комментариями, в приграничной и заграничных частях путешествия – подробные комментарии, включающие сведения об устройстве поселения, местах стоянок, ценах, пище, товарах для покупок в месте пребывания.

Путевые части имеют документальный характер: «Сия повесть до зде и конец, понеже бо не все исписать. Что видели своими очими, то и написали» (с. 47; подчеркнуто нами. – Т. М.). Н. А. Кузнецова отмечает: «Данные географического характера у Котова почти всегда абсолютно верны» (с. 18). В основе этих частей – картографирование пространства с помощью топонимов и указания расстояний между населенными пунктами или объектами природного и рукотворного пространства. На русской территории кругозор путешественников ограничен рамками водного пути, поэтому полнее всего описана прибрежная территория: например, «горняя сторона» и «луговая сторона» как физическая объемная характеристика правого и левого берегов рек; пустых или застроенных берегов: «посады в городе и около города подолом»; город «высоко стоит на осыпи»; «Город деревянной, рубленой, стоит на луговой стороне, на горе в услоне, а посады под горою» (с. 28–29). Между поселениями в русской земле указывается расстояние в верстах: «От Коломны до Голутвина монастыря сто верст. <...> От Коломны до Переславля Рязанского 90 верст горами, а рекою и болше» (с. 25). В некоторых случаях при описании сухопутных вариантов маршрутов расстояние исчисляется днями / неделями пути: «...переходят от Астрохани до Москвы недель в семь и осмь» (с. 32).

Для опознавания населенного пункта описывается вид поселения с воды с узнаваемыми заметными деталями. Это описание является географическим указателем: «А Нижний Новагород каменный, высок, стоит в буграх на высоком месте. Около посадов острога деревянные и за острогами посады. А

под городом сошли в реки Ока-река да Волга, Оки возля посадами повыше города к степи течет промеж гор ручей, а зовут Погана река. А стоит на горней стороне, а посады в городе и около города подолом и по рвем» (с. 28); «А около Царицына города кругом степь, а город стоит над Волгою. Дворы, и ряд, и храмы – все в городе. А круг города надолобы и всякая скотина для татарсково приходу» (с. 30). Стоянки по пути на русской территории не описываются. Культурологические комментарии редки. Отмечаются только очень значимые культуронимы – монастыри, храмы, гробницы святых: «А Муром город деревянной рубленой, высоко стоит на осыпи, а в нем храм каменной соборный. Туте служит протопоп, а у тои церкви <...> муромские чудотворные благодатные князь Петр и княгиня Феврония в одной гробницы» (с. 28).

В путевых частях «Хождения...» обнаружено 137 топонимов, из которых ойконимов (названия населенных пунктов) – 81 (Москва, Вышегород, Муром, Василь город, Казань, Кума, Бухара, Таирань (Тегеран), Кандагари, Урмуз и др.); гидронимов (названия водных объектов) – 34 (Сунша, Большой Аксай, Хвалижское море и др.); хоронимов (названия земель, стран) – 9 (Персицкая земля, Турская земля, Гилян, Ширваньская земля и др.); оронимов (названия возвышенностей) – 5 (гора Салаван. Арарат и др.); инсулонимов (названия островов) – 1 (Чечень остров); культуронимов (названия монастырей и культовых объектов как путевых географических ориентиров) – 7 (Кремль, Голутвин монастырь, Терехов монастырь, Троицкий монастырь, Шах Софея мечеть, армянская церковь Учклюс и др.).

Среди топонимов есть наиболее значимые топографические объекты, например, те, у которых есть развилки дорог. К ним автор обращается неоднократно. Так, количество употреблений топонима Ока – 9, Волга – 13, Астрахань – 12, Шамаха – 13, Казбин – 7 и т.д.). Многие заграничные топонимы имеют несколько фонетических вариантов произношения, что

свидетельствует о том, что разноязычное население по-разному озвучивает названия, и Федот Котов улавливает и фиксирует эту разницу: Ыспыгань / Испагань / Испогань; Кашин / Кашан; Богдат / Багдад / Багдат / Багдатель; Индея / Ындея и др. Фонетические варианты показывают, что топонимы включаются в разные национальные картины мира и получают свой специфический историко-культурный контекст. Уточним, что мы не рассматриваем в статье цельные историко-культурные описания, относящиеся в целом к региону (например, такие, как: «Зде же писано о праздниках бусорманьских в перской земли»; «7132-го году июня 25 день шах пришел от турьского города ис под Багдата, город взял. И в том же городе Испагани стречали шаха»). Предмет нашего исследования – содержательный контент топонима, его сформированный в ходе бытования и применения контекст.

За территорией Руси расстояние между поселениями исчисляется в днях: «Из шахова города ис Кума ход в Мултанеиское царьство в Ындею и ходят на выюках на верблюдох. От Кума два дни ходу Ваиромея. От Ваиромея до Таирани 7 день ходу. От Таирани до Фарабата 8 восем дней ходу. От Фарабата до Мешети пятнадцать днеи ходу. От Мешети до Кандагари сорок днеи ходу» (с. 58), редко в агачах: «От Низовой ходу до Шаврина четыре агача, а по рускому во всякой агачи по 5 верст» (с. 33).

Каждому заграничному объекту дается описание, где приводятся лаконичные, но выразительные характеристики поселения. Обязательная часть такой характеристики – важные для торговли и удобства путешественников детали: «...деревня велика Дербенской присуд. <...> А над деревнею горы высоки, и с них снег и летом не сходит. А в деревни сады, яблока, изюм, орехи грецкие, чернослив, миндалы, дыни, арбузы, а хлебно – пшеница, пшено, арпа, а по рускому ячень, а иного хлеба нет. А двory в деревне глиняные, а в садах и сквозе двory реки копаные текучие, а привожены из гор, а скота всякого много, и молотят, и орют и всякой запас возят на волах» (с. 32); «...в

Авгаре посад, города нет, ряды и карамсарай строино место, толко невелико, а все каменное. А харчу и овощей всяких много. И товары есть, а круг всего посаду сады!» (с. 40); «А в Куме – город, толко худ зделан из глины <...> и карамсарай, и товары есть, а овощей всяких много. И тут делают добрые сабли, и латы, и колчюги, и всякое булатное дело, тут хлеб добр и вода студена» (с. 40).

В персидских городах описываются удивляющие путешественников детали – водопроводы, бассейны, фонтаны, сады: «А Шамаха стоит промеж высокими горами в услоне. Город каменной и посады каменные, а город невелик и невысок, а кругом города ров и ворота железом обиты, а посад, и ряды, и карамсарай стоят за городом. А в Шамахе семь карамсараяв все каменные и воды на всех, а текут из столбов каменных привожены из гор по подземелью!» (с. 35–36); «А товары в Шамахе всякие, и шолков много крашеного и сырцу. А шолк в Шамахе красят, а сырой шолк родитца около Шамахи по деревням. Да от Шамахи же с полъагача на полночь стоят два сада шахов сад, да шамахинскова хана. А в них всякие овощи и всякие цветы, и полаты в них каменные, и воды в каменных ерданях» (бассейнах. – Т. М.) (с. 36).

Повествование в «Хожении...» обезличено, присутствие автора в тексте грамматически обозначено 3 лицом ед. числа глагола без местоимения («зде же пишет»), либо страдательным кратким причастием («писано»), но содержательно авторское начало заметно проявлено и в выборе материала, и в эмоциональных оценках. Котов включает исторические комментарии в описание топонимических объектов, культурологические детали.

Так, в разрушенной Султании в сохранившейся мечети Котова поразили украшения гробниц: «А у двух притворов, где царь лежит с сыном, в каменных гробницах решетки медные деланы с яблоками болшими по мечю. И те яблока золочены и на них резаны травы и серебром навожены и видети велми дивно» (с. 38) (подчеркнуто мной. – Т. М.). Автор включил в текст описание

порадившего его украшения мечети, но добавил нивелирующий авторский комментарий: «И про те мечети писано ни в похвалу, ни в славу, а знать что было великое царство, толко розорено» (с. 38).

В описательных частях, где повествование ведется из мест остановок, автор приводит много сведений, связанных с историей и культурой места. Это уникальная культурная метка, связанная с длительным бытованием топонима, например, топоним Дербент включает несколько историй, связанных с его географическим положением и прошлым, например, с водным предстоянием: «А Дербень город каменной, белои, бывал крепок, толко нелюден. А стоит концом на горы, а другим концем в море <...> и попереk город перегорожен каменными стенами в дву местех, ино станет три городым <...>. И сказывают, что еще того города море взяло башен с тритцать, а тепере башня стоит в воде велика и крепка. И от того города Дербеня стена была каменная через горы в Черное море в Турьскую землю» (с. 34–35). Это свидетельство материальной культуры, остатки которой являются историческим символом города и становятся частью топонимического контента.

Или о том же Дербенте история с могилами 40 мучеников: «И от того города Дербеня подле море вверх огорожено стоячими плитами каменными и тут лежат 40 мученик, а бусорманы сказывают и арменья, то, де, русские 40 мученик святые, и русские люди, хто ни ездит мимо, ходят к ним прощатца» (с. 35). Сведения о русском происхождении мучеников – это ничем не подтвержденное мнение Федота Котова, тем не менее существующая легенда об общеизвестных могилах неизвестных мучеников становится учитываемой содержательной частью топонима.

Таким образом, в объем топонимической номинации включается исторический и культурный контекст. Топоним является не только знаком для обозначения ландшафтного объекта, но и элементом поэтики произведения, а его комментарий – способом авторского присутствия в тексте. Указание

расстояний между пунктами и видов географических объектов с описанием их особенностей воссоздает пространственно-изобразительный материально и эстетически насыщенный художественный образ территорий. Включение в описание топонимического объекта исторических и культурных реалий воссоздает исторический облик означенного топонимом пункта, актуализируемый в практическом бытовании топонима.

Заключение

В статье рассмотрен травелог Федота Котова «О хождении с Москвы в Персикое царство и ис Персиды в Турскую землю, и в Индею, и в Урмуз на Белое море, где на кораблях немцы приходят», в котором описано путешествие московских купцов в Персию в 1623–1624 годах.

Установлено, что описание маршрута в травелогe является сюжетным и композиционным стержнем произведения. Выявлено, что в травелогe описываются маршруты от Москвы по Оке, Волге и Каспию до Исфахана и Султании; из Шемахи в Турцию; от Исфахана до Индии; от Исфахана до Урмуза.

Определено, что художественным средством травелога предстает топонимическая номинация. Топоним рассматривается как знак для обозначения ландшафтного объекта натурной или рукотворной природы и как элемент поэтики произведения, а его комментарий как способ авторского присутствия в тексте.

В «Хождении...» обнаружено и проанализировано 137 топонимов разных видов. Предметом исследования избран содержательный контент топонима, сформированный в ходе бытования и применения топонима контекст.

Сделан вывод о том, что топонимы в путевом тексте включаются в национальную картину мира и получают свой специфический историко-культурный контекст, который расширяет содержательный объем топонима в ходе его бытования и применения.

Литература

- 1- Алиев Т. А. оглы (2003). *«Сказание о хождении в Персию» Федота Котова как лингвистический источник: Реконструкция текста и его лингвистический анализ*: дис. ... канд. филол. наук. Москва. 249 с.
- 2- Афшар М. (2024). *Лингвокультурный образ Ирана в русских художественных и публицистических текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 21 с.*
- 3- Бобров А. Г. (2025). *«Люди неизвестные» в древнерусской литературе* // Русская литература. № 3. С. 5–24. DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-5-24
- 4- Бушев П. П. (1987). *История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613-1621 гг.* (по материалам русских архивов). Москва. 280 с.
- 5- Гилязетдинова Г. Х. (2013). *О лексикографировании дериватов на базе восточных заимствований в русском языке XV–XVII веков* // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 9. № 2. С. 138–148.
- 6- Мальцева Т. В. (2023). *Топонимическая номинация как способ картографирования чужого пространства* // Art Logos. № 3. С. 79–95. EDN: KRJBDE. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_79
- 7- Труворов А. Н. (1894). (изд.) *Наказ Борису Андреевичу и Семену Ивановичу Пазухиным, посланным в Бухару, Балх и Юргенч* // Русская историческая библиотека. Санкт-Петербург. Том XV. С. 20.
- 8- *О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индею, и в Урмуз, где корабли приходят* // Временник Императорского московского общества истории и древностей Российских. Москва, 1852. Кн. 15. С. 316–336.
- 9- Половцев А. А. (1903). (изд.) *Котов Федот Афанасьевич* // *Русский биографический словарь* / издан под наблюдением председателя Императорского Русского исторического общества А. А. Половцова.: в 25 т. Санкт-Петербург: Императорское Русское историческое общество, 1896–1918. Т. 9: Кнаппе – Кюхельбекер. 708 с.
- 10- Соловьев С. М. (1859). *История России с древнейших времен: в 29 томах.* Москва: Университетская типография. Т. 9: История России в царствование Михаила Федоровича. 505 с.
- 11- Федоркова И. Р. (2019). *Образ русского купца: стереотипы и реальность* // Научные труды Московского гуманитарного университета. № 5. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1055> (дата обращения: 01.09.2025). DOI: 10.17805/trudy.2019.5.6
- 12- *Хождение купца Федота Котова в Персию. Публикация Н. А. Кузнецовой (1958).* Москва: Восточная литература. 111 с. (Русские путешественники в странах Востока).

- 13- Шамсиева М. В. (1973). *Персидские слова в «Хождении купца Федота Котова в Персию»* // Вопросы русского языкознания. Душанбе. С. 55–63.

Bibliography

- 1- Aliev T. A. ogly (2003). «*Skazanie o khozhenii v Persiiu» Fedota Kotova kak lingvisticheskii istochnik: Rekonstruktsiia teksta i ego lingvisticheskii analiz*: dis. ... kand. filol. nauk. Moskva. 249 s.
- 2- Afshar M. (2024). *Lingvokul'turnyi obraz Irana v russkikh khudozhestvennykh i publitsisticheskikh tekstakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva*, 21 s.
- Bobrov A. G. (2025). «*Liudi neznaemye» v drevnerusskoi literature* // Russkaia literatura. № 3. S. 5–24. DOI: 10.31860/0131-6095-2025-3-5-24
- 3- Bushev P. P. (1987). *Istoriia posol'stv i diplomaticheskikh otnoshenii Russkogo i Iranskogo gosudarstv v 1613-1621 gg.* (po materialam russkikh arkhivov). Moskva. 280 s.
- 4- Gilazetdinova G. Kh. (2013). *O leksikografirovanii derivatov na baze vostochnykh zaimstvovaniy v russkom iazyke XV–XVII vekov* // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. 9. № 2. S. 138–148.
- 5- Mal'tseva T. V. (2023). *Toponimicheskaya nominatsiia kak sposob kartografirovaniia chuzhogo prostranstva* // Art Logos. № 3. S. 79–95. EDN: KPJBDE. DOI: 10.35231/25419803_2023_3_79
- 6- Truvorov A. N. (1894). (izd.) *Nakaz Borisu Andreevichu i Semenu Ivanovichu Pazukhinym, poslannym v Bukharu, Balkh i Iurgench* // Russkaia istoricheskaya biblioteka. Sankt-Peterburg. Tom XV. S. 20.
- 7- *O khodu v Persidskoe tsarstvo i iz Persidy v Turskuiu zemliu i v Indeiu, i v Urmuz, gde korabli prikhodiat* // Vremennik Imperatorskogo moskovskogo obshchestva istorii i drevnostei Rossiiskikh. Moskva, 1852. Kn. 15. S. 316–336.
- 8- Polovtsev A. A. (1903). (izd.) *Kotov Fedot Afanas'evich* // *Russkii biograficheskii slovar'* / izdan pod nabliudeniem predsedatelia Imperatorskogo Russkogo istoricheskogo obshchestva A. A. Polovtsova.: v 25 t. Sankt-Peterburg: Imperatorskoe Russkoe istoricheskoe obshchestvo, 1896–1918. T. 9: Knappe – Kiukhel'beker. 708 s.
- 9- Solov'ev S. M. (1859). *Istoriia Rossii s drevneishikh vremen: v 29 tomakh*. Moskva: Universitetskaya tipografiia. T. 9: Istoriia Rossii v tsarstvovanie Mikhaila Fedorovicha. 505 s.
- 10- Fedorkova I. R. (2019). *Obraz russkogo kuptsa: stereotipy i real'nost'* // Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta. № 5. URL: <http://journals.mosgu.ru/trudy/article/view/1055> (data obrashcheniia: 01.09.2025). DOI: 10.17805/trudy.2019.5.6

- 11- *Khozhenie kuptsa Fedota Kotova v Persiiu. Publikatsiia N. A. Kuznetsovoi (1958).* Moskva: Vostochnaia literatura. 111 s. (Russkie puteshestvenniki v stranakh Vostoka).
- 12- Shamsieva M. V. (1973). *Persidskie slova v «Khozhenii kuptsa Fedota Kotova v Persiiu» // Voprosy russkogo iazykoznaniiia.* Dushanbe. S. 55–63.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Maltseva T. V. (2026). THE ROLE OF TOPONYMS IN CREATING THE IMAGE OF THE EAST IN THE 17TH CENTURY MONUMENT "ON THE VOYAGE FROM MOSCOW TO THE PERSIAN KINGDOM..." BY FEDOT KOTOV". *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 51-67.

DOI: 10.61186/IARLL.27.3

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/401>

کارکرد توپونیم‌ها (جای‌نام‌ها / نام‌های جغرافیایی) در بازنمایی تصویر شرق در متن قرن هفدهمی «سفر از مسکو به پادشاهی ایران...» اثر فتودوت کوتوف

تاتیانا ولادیمیروونا مالتسوا^{*}

استاد دانشگاه دولتی آ.س. پوشکین لنینگراد،
سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به بررسی یک سفرنامه قرن هفدهم با عنوان «سفر از مسکو به پادشاهی ایران، از ایران به سرزمین عثمانی، به هند و اورموز در دریای سفید، جایی که آلمانی‌ها با کشتی می‌رسند» اثر تاجر اهل مسکو، فتودوت کوتوف، در سال‌های ۱۶۲۳-۱۶۲۴ م. می‌پردازد. این اثر تاریخی-ادبی، به شکل یادداشت‌های سفر نگارش شده است. نویسنده مقاله این اثر را بخشی از وحدت مضمونی «متن شرقی ادبیات روس» می‌داند و بر این اساس، تحلیل آن را در بستر این مجموعه مضمونی چندژانری ضروری می‌شمارد. عناصر مشترک متن شرقی شامل توصیف‌ها و نشانگرهای مسیر سفر به شرق و نام‌گذاری با توضیح اشیای جغرافیایی و مصنوعی سرزمین‌های بیگانه است. در این سفرنامه، طرح داستانی و ساختار متن توسط مسیر سفر تعیین می‌شود. مسیرسنجی پایه ترکیب‌بندی متن اثر مورد تحلیل است و دوره‌های حرکت و توقف‌ها را مشخص می‌کند. حرکت، نیاز به نام‌گذاری فراوان جغرافیایی و توضیح درباره اشیای جغرافیایی نام‌گذاری شده را ایجاد می‌کند، در حالی که توقف‌ها اجازه می‌دهند تا توضیحات مردم‌شناسانه و نقاشی‌های زندگی روزمره مرتبط با تاریخ و حال اشیای جغرافیایی در متن گنجانده شود. در سفرنامه، مسیر از مسکو از طریق ولگا و خزر تا اصفهان و سلطانیه، مسیر از شماخی به ترکیه و مسیر از اصفهان تا هند شرح داده شده است. نام‌گذاری جغرافیایی گسترده، اشاره به فاصله بین نقاط و انواع اشیای جغرافیایی به همراه توصیف ویژگی‌های آنها، پروژه تصویری فضا را بازسازی می‌کند که اثر زیبایی‌شناختی دارد. نام جغرافیایی هم به‌عنوان نماد برای مشخص کردن اشیای طبیعی یا مصنوعی و هم به‌عنوان عنصر شاعرانه اثر در نظر گرفته می‌شود و توضیحات مربوط به اشیای جغرافیایی نقش نویسنده را در متن سفرنامه ایفا می‌کند.

واژگان کلیدی: ادبیات روسیه، متن شرقی، ژانر سفرنامه، تصویر شرق، ایران، نام‌گذاری جغرافیایی (جای‌نام‌ها).

1. E-mail: kafilit@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8432-4314>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

THE TRADITIONS OF THE GENRE OF THE MILITARY STORY IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX-XX CENTURIES

Fedorova Elena Alekseevna^{1*}

Professor, Yaroslavl State University named after P. G. Demidov,
Yaroslavl, Russia

(date of receiving: November, 2025; date of acceptance: January, 2026)

Abstract

The genre of the military tale is a variety of the historical genre based on a folk legend presented as fact. The military tale is characterized by a teleological plot, in particular related to the ideologeme of "Moscow – the Third Rome," and a didactic orientation. The common motifs of military tales include a prayer requesting help, the motif of the intercession of heavenly powers, the motif of the "mortal cup," and the rite of farewell kissing. The military tale incorporates the folklore genre of lamentation, the book genre of vision, and Christian symbols. The "Legend of the Mamaev Massacre" uses the image of a vine as a symbol of the Kingdom of Heaven, while numerical symbols are associated with church worship. In Leo Tolstoy's novel War and Peace, the white color becomes a symbol of redemptive sacrifice, and the sun is a sign of the presence of divine help. Here, as in the Old Russian military tales, the rite of farewell kissing is shown. Mikhail Bulgakov's novel The White Guard correlates with The Tale of Batu's Devastation of Ryazan. The city in these works symbolizes the human soul, gripped by vices. The destruction of Kiev in Bulgakov's novel, in the context of St. Augustine's work, is perceived as the completion of the old and the transition to a new, more perfect dispensation, which is associated with the "Moscow text." Elena's prayer to the Blessed Virgin Mary is heard in Bulgakov's novel, and her brother is granted life. Russia is represented in Russian literature as the inheritance of the Most Holy Theotokos, as a Christian power that is under the protection of heavenly powers.

Keywords: Military Tale, Ideologeme, Motive, Symbol, L. N. Tolstoy, M. A. Bulgakov.

1. E-mail: sole11@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7756-2499>

* Corresponding author

ТРАДИЦИИ ЖАНРА ВОИНСКОЙ ПОВЕСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX-XX ВВ.

Федорова Елена Алексеевна^{1*}

Профессор, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия

(дата получения: ноябрь 2025 г.; дата принятия: январь 2026 г.)

Аннотация

Жанр воинской повести является разновидностью исторического жанра, в основе которого лежит народная легенда, представленная как факт. Для воинской повести характерен телеологический сюжет, в частности связанный с идеологемой «Москва – Третий Рим», и дидактическая направленность. К общим мотивам воинских повестей следует отнести молитву-просьбу о помощи, мотив заступничества небесных сил, мотив «смертной чаши», обряд прощального целования. В воинскую повесть входит фольклорный жанр плача, книжный жанр видения, присутствует христианская символика. В «Сказании о Мамаевом побоище» используется образ виноградной лозы как символ Царствия Небесного, числовая символика связана с церковным богослужением. В романе Л. Н. Толстого «Война и мир» белый цвет становится символом искупительной жертвы, солнце является знаком присутствия божественной помощи. Здесь также, как в древнерусских воинских повестях, показан обряд прощального целования. Роман М. А. Булгакова «Белая гвардия» коррелирует с «Повестью о разорении Рязани Батыею». Город в этих произведениях символизирует человеческую душу, охваченную пороками. Разрушение Киева в романе Булгакова в контексте сочинения блаженного Августина воспринимается как завершение старого и переход к новому, более совершенному устройению, которое связано с «московским текстом». Молитва Елены, обращенная к Пресвятой Богородице, в романе Булгакова услышана, ее брату дарована жизнь. Россия представлена в отечественной словесности как удел Пресвятой Богородицы, как христианская держава, которая находится под покровительством небесных сил.

Ключевые слова: воинская повесть, идеологема, мотив, символ, Л. Н. Толстой, М. А. Булгаков.

Введение

Для определения закономерностей литературного процесса необходимо обратиться к категории жанра. По мнению В. Е. Хализева, жанр указывает на сущностные черты произведения как содержательного, так и формального свойства, с помощью жанров осуществляется преемственность в литературном развитии (Хализев 1999. 341), поэтому они являются важнейшим основанием для типологических представлений. Это динамическая категория, которая возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы. Несмотря на то, что в XVIII веке произошло радикальное изменение в художественном сознании, жанр, по мнению М. М. Бахтина, продолжает реализовать функцию «представления творческой памяти в процессе литературного развития» (Бахтин 1979. 112), поскольку у него есть онтологическая функция: он организует все компоненты произведения в систему, порождающую целостный образ мира.

Эпическая традиция в русской словесности восходит к былинам и героическому эпосу. С принятием христианства, освоением переводной литературы она продолжает свое развитие в воинской исторической повести. Духовное красноречие и летопись также оказывают воздействие на жанр воинской повести. Так, в повестях о Житии Александра Невского, в «Мамаевом побоище» происходит обращение к «Сказанию о Борисе и Глебе». Воинская повесть включает элементы видения и духовного красноречия.

Н. И. Прокофьев и В. В. Кусков считают воинскую повесть разновидностью исторической повести. Н. В. Трофимова утверждает, что воинская повесть — это историко-дидактическое произведение, в основе которого лежит народная легенда, показанная как факт, и для которого характерен телеологический характер сюжета. К лирическим элементам текста исследователь относит молитву и плачи. Исследователь обнаруживает в древнерусских воинских повестях общий мотив «смертной чаши», которую

должны испытать в бою воины (Трофимова 2004. 585). Трофимова выделяет в древнерусской повести XV-XVI вв. апокалипсические мотивы (Трофимова 2019. 17). С. С. Александров находит в древнерусских воинских повестях повторяющийся мотив помощи небесных сил, который появляется после молитвы князя, и библейскую аналогию (Александров 2018. 167). А. С. Орлов выделяет в воинской повести патриотическую или религиозную идею, он считает, что последовательность действия в воинской повести подчиняется некоторой схеме (Орлов 1902).

По поводу генезиса жанра воинской повести существуют разные точки зрения. В. М. Истрин обнаружил в воинских повестях традиции летописи (Истрин 1922). И.П. Еремин также считает источником воинской повести летописную запись (Еремин 1987). М. Н. Сперанский раскрыл в воинских повестях особые приемы, которые показывают влияние народного творчества (Сперанский 1954).

Основная часть

Объединяют все древнерусские воинские повести мотив заступничества небесных сил за русскую землю. Даже если город завоеван неприятелем, сожжен врагом, на его месте создается новый город, который должен быть лучше и совершеннее предыдущего. Эта концепция вырастает из сочинения блаженного Августина «О граде Божием», где Город символизирует душу человека. Идея блаженного Августина о «граде Божием» наполняется в послании псковского старца Филофея московскому князю Василию Васильевичу общественным содержанием: Русь берет на себя ответственность за судьбу православия в мире. Город – это духовное пространство христианина, личное и общее, в нем происходит вечная борьба между Христом и антихристом. Воинские повести о житии Александра Невского XIII в., о взятии Царьграда и «Повесть о Темире-Асаке» XVI в. показывают эту

вечную борьбу добра и зла и несут мессианские идеи о назначении Руси быть хранительницей православной веры.

Концепция «Москва – Третий Рим» формируется в древнерусской словесности на протяжении XIII-XVI вв. в контексте событий мировой истории, которые влияют на пробуждение самосознания русского народа. К этим событиям необходимо отнести взятие крестоносцами Константинополя в 1204 году, разгром сербских войск на Косовом поле в 1389 году и падение Константинополя под ударами Османской империи в 1453 году.

На примере воинских повестей «Повесть о разорении Рязани Батыем» и «Сказание о Мамаевой побоище» можно увидеть, как идеологема «Москва – Третий Рим» на определенном историческом этапе наполняется конкретным содержанием.

В «Повести о разорении Рязани Батыем» рязанский князь Юрий Ингоревиц, не получив помощи от ярославских и владимирских князей, обращается к своим подданным с призывом испить общую «смертную чашу»: «Се бо я, брат ваш, напред вас изопью чашу смертную за святых Божия церкви, и за вѣ ру христьянскую, и за отчину отца нашего, великаго князя Ингоря Святославича!» (Повесть о разорении Рязани Батыем). Он идет на молитву в храм Успения Пресвятой Богородицы и обменивается со своей супругой прощальным целованием: «И плакася много пред образом пречистых Богородицы, и великому чудотворцу Николе, и сродником своим Борису и Глѣ бу. И дав последнее целование великой княгини Агренѣ не Ростиславне, и прием благословение от епископа» (Повесть о разорении Рязани Батыем). Прощальное целование – это очищение души от обид и грехов, это свидетельство о готовности идти на смертный бой и о вере во встречу с супругой в будущей жизни. Поражение в битве осознается древнерусским книжником как наказание за грехи: «И не оста во граде ни един живых, вси равно умроша и едину чашу смертную пиша. Нѣ сть бо ту ни стонюща, ни

плачуща: и ни отцу и матери о чадах, или чадом о отци и матери, ни брату о брате, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертви лежаща. И сия вся наиде грех ради наших!» (Повесть о разорении Рязани Батыем).

Когда рязанский богатырь Евпатий Коловрат вступает в бой с войском Батия, неприятелю кажется, что это мертвые восстали: «Татарове мняша, яко мертви востаха!» (Повесть о разорении Рязани Батыем). Мотив бессмертного полка, небесного воинства, который поддерживает сражающихся, проходит через все русские воинские повести.

Завершается горестная миссия Ингваря Ингоревича и само повествование погребением князя Фёдора Юрьевича, возвращая читателя к началу событий – перенесению иконы Николы Корсунского, дающему надежду и духовную силу на обновление земли Рязанской, поскольку прибытие чудотворного образа Николы – великий знак того, что «посѣ ти Богъ люди своих, и не забы дѣ ло руку своею» (Горбунова Л. Г., Александров С. С. 2023. 52-58). На месте старого города появляется новый град, лучше прежнего: «И обнови землю Резаньскую, и церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утѣ ши, и люди собра. И бысть радость христианом: их же избави Богъ рукою своею крѣ пкою от безбожнаго царя Батия» (Повесть о разорении Рязани Батыем).

«Сказание о Мамаевом побоище» несет воспоминание о походе Батия на Рязань и русскую землю. Нашествие Мамай воспринимается как наказание за грехи, а предстоящая битва – как духовная брань с антихристом: «Попущением Божиимъ за грѣ хы наша, от навождения диаволя въздвижесе князь от вѣсточныа страны, имянем Мамай, еллинъ сый вѣ роу, идоложрецъ и иконоборецъ, злый христьянский укоритель. И начать подстрѣ кати его диаволь и вниде въ сердце его напасть роду христьянскому, и наустити его, како разорити православную вѣ ру и оскверньнити святаыа церкви и всему христьянству хоцеть покорену от него быти, яко бы ся не славило Господне имя в людех его» (Сказание о Мамаевом побоище). Великий князь Димитрий

Иванович призывает всех князей русских собраться на праздник Успения Пресвятой Богородицы в Коломне, а сама Куликовская битва происходит в другой богородичный праздник – Рождество Пресвятой Богородицы. На помощь русским князьям приходит также небесное воинство, как и в Повести о Житии Александра Невского, во главе с благоверными князьями Борисом и Глебом: «На высокоѣ мѣ сте стоя, видѣ ти облакъ от вѣстока великъ зѣ ло изрядно приа, аки нѣ какия плѣки, к западу идущѣ. От полуденныя же страны приидоша два уноши, имуща на себѣ свѣ тлыи багряница, лица их сияюща, аки солнце, въ обоихъ рукахъ у нихъ острые мечи, и рекуще плѣковникомъ: «Кто вы повелѣ те бити отечество наше, егоже намъ Господь дарова?» И начаша ихъ сѣ щи и всѣ хъ изсѣ коша, ни единъ отъ нихъ не избысть»; «Сынове же русскыи, силою святого Духа и помощию святыхъ мученикъ Бориса и Глѣ ба, гоняще, сѣ чаху ихъ, аки лѣ съ клоняху, аки трава отъ косы постилается у русскыхъ сыновъ подъ конскыи копыта» (Сказание о Мамаевомъ побоище).

Передъ Куликовскою битвою великий князь Дмитрій обменивается съ супругою прощальнымъ целованиемъ: «Княгини же великая Евдокѣ я, и княгини Владимерова Мариа, и иныхъ православныхъ князей княгини, и многыя жены воеводскыя, и боярыни московскыя, и служниа жены ту стояще, проводы дѣ ющи, въ слезахъ и вѣсклицании сердечнемъ не могуще ни слова изрещи, отдавающе послѣ днее цѣ лование» (Сказание о Мамаевомъ побоище). Своимъ воинамъ онъ говоритъ о готовности испить съ ними общую чашу: «хощу съ вами ту же общую чашу испити и тою же смертию умрети за святую вѣ ру христіанскую!» (Сказание о Мамаевомъ побоище). Русскыи князья готовы «чаши испить» и «грозды виноградныи есть», что означаетъ ихъ готовность смертию за веру христіанскую искупить свои грѣхи и оказаться в Царствіи Небесномъ.

Во время Куликовской битвы очевидцу дается видение, которое также свидѣтельствуетъ о покровительствѣ русскыхъ воиновъ небесными силами: «Въ шестую годину сего дни видѣ хъ надъ вами небо развѣрсто, изъ негоже изыде

облакъ, яко багрянаа заря над плѣком великого князя, дрѣжашеся низко. Тѣм же облакъ исполненъ рукъ человѣческихъ, яже руки дрѣжаше по велику плѣку ово проповѣдники, ово пророчески. Въ седмый же часъ дни облакъ тѣм много вѣнцевъ дрѣжаше и опустишася над плѣком, на головы христьянскыя» (Сказание о Мамаевом побоище). Венчание воинов мученическими венцами в седьмой час, время распятия Христа, означает увеличение и усиление небесного воинства.

После победы в Куликовской битве великий князь благодарит своих воинов, павших «за землю Русскую, за веру православную» и возвращается в Москву: «Поѣдем, братье, въ свою землю Залѣскую, къ славному граду Москвѣ и сядем на своихъ вѣтчинахъ и дѣдинахъ: чести есмя себѣ достигли и славнаго имени!» (Сказание о Мамаевом побоище). Так, Москва подвигом князя Дмитрия и других русских князей возвеличена как христианский град.

Традиции воинской повести, аллюзии к древнерусским памятникам содержатся в русских национальных романах, таких, как «Капитанская дочка» А. С. Пушкина, «Война и мир» Л. Н. Толстого, «Белая гвардия» М.А.Булгакова и др. Так, в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (1863-1969) Бородинское сражение происходит 26 августа (7 сентября) в день Сретения иконы Владимирской Божией Матери, которая почитается православными людьми как заступница за Русскую землю. Перед битвой глазами Пьера Безухова показан молебен русских воинов во главе с Кутузовым перед Смоленской иконой Божией Матери. Также герой Толстого вспоминает в косых лучах солнца ополченцев под Можайском, которые надели перед сражением шапки с крестами и белые рубахи, что символизирует их готовность принять смерть за православную веру и, искупив свои грехи, войти в Царствие Небесное. Перед Бородинским сражением Пьер Безухов и Андрей Болконский, Долохов и Безухов обмениваются «прощальным целованием» (Толстой 1979. 208, 219). Благословление Дмитрий Донской в «Сказании о Мамаевом побоище»

получает от преп. Сергия Радонежского в день св. Флора и Лавра. В плену Пьер Безухов слышит от Платона Каратаева молитву св. Флору и Лавру (Толстой 1979. 53). Платон Каратаев открывает Пьеру возможность жизни по Евангельской Истине, он становится для главного героя «олицетворением духа простоты и правды», при этом в авторской речи повторяется слово «благообразие»: «...главная прелесть его рассказов состояла в том, что в его речи события самые простые, иногда те самые, которые, не замечая их, видел Пьер, получали характер торжественного благообразия» (Толстой 1979. 55).

Встречи героев романа Толстого, Андрея Болконского с Наташей, Марьи Болконской — с Николаем Ростовым, Пьера Безухова — с Платоном Каратаевым, не случайны. Судьбы героев являются частью общей судьбы русского народа, решающим событием для которого становится Бородинское сражение. Князь Николай Болконский умирает 15 августа — в день Успения Пресвятой Богородицы. Соответственно, встречи героев происходят между Успением и Рождеством Пресвятой Богородицы. Толстой особенно отмечает дату 8 сентября (21 сентября), после которой происходит встреча Безухова с Каратаевым (Толстой 1979. 41).

В романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» (1924) взятие Города показано как духовная брань между небесным воинством и сатаной. Антихристом назван Петлюра — для этого используется числовая символика: «Именно, в городскую тюрьму однажды светлым сентябрьским вечером пришла подписанная соответствующими гетманскими властями бумага, коей предписывалось выпустить из камеры № 666 содержащегося в означенной камере преступника» (Булгаков 1989. 48). Невинно убиенные на поле брани переходят в небесное воинство, видение которого дается Алексею Турбину во сне. Полковник Най-Турс и вахмистр Жилин во сне Алексея сакрализируются, сопоставляются с образом святого воина на иконе, Так, Най-Турс «был в странной форме: на голове светозарный шлем, а тело в кольчуге, и опирался

он на меч, длинный, каких уже нет ни в одной армии со времен крестовых походов. Райское сияние ходило за Наем облаком <...> Как огромный витязь возвышался вахмистр, и кольчуга его распространяла свет. Грубые его черты, прекрасно памятные доктору Турбину, собственноручно перевязавшему смертельную рану Жилина, ныне были неузнаваемы, а глаза вахмистра совершенно сходны с глазами Най-Турса - чисты, бездонны, освещены изнутри. <...> все вы у меня, Жилин, одинаковые - в поле брани убиенные» (Булгаков 1989. 53-57).

Если Город в романе Булгакова будет разрушен за грехи, то возрождение его также возможно: «Но лучше всего сверкал электрический белый крест в руках громаднейшего Владимира на Владимирской горке, и был он виден далеко <...> лодки видели его и находили по его свету водяной путь на Город, к его пристаням. Зимой крест сиял в черной гуще небес и холодно и спокойно царил над темными пологими далями московского берега, от которого были перекинuty два громадных моста. Один цепной, тяжкий, Николаевский, ведущий в слободку на том берегу, другой - высоченный, стреловидный, по которому прибегали поезда оттуда, где очень, очень далеко сидела, раскинув свою пеструю шапку, таинственная Москва» (Булгаков 1989. 40).

В роман Булгакова входит «московский текст». Мост соединяет Город с дорогой на Москву, памятник Богдану Хмельницкому рядом с первым православным храмом, Софийским собором, показывает это же направление: «...было видно, как по скале поднимались на лестницу серые, опоясанные лихими ремнями и штыками, пытались сбить надпись, глядящую с черного гранита. Но бесполезно скользили и срывались с гранита штыки. Скачущий же Богдан яростно рвал коня со скалы, пытаясь улететь от тех, кто навис тяжестью на копытах. Лицо его, обращенное прямо в красный шар, было яростно, и по-прежнему булавой он указывал в дали [на северо-восток, на Москву]» (Булгаков 1989. 200). Финал романа Булгакова дает надежду на

возрождение жизни в Городе, как это было показано в «Повести о разорении Рязани Батыем».

Диалоги однофамильца и современника М. А. Булгакова, Сергея Николаевича Булгакова, которые называются «На пиру богов» (1918), завершаются словами о вере в спасение России. Эти слова соотносятся с романом Булгакова «Белая гвардия»: «Перед самым октябрьским переворотом мне пришлось слышать признание одного близкого мне человека. Он рассказывал с величайшим волнением и умилением, как у него во время горячей молитвы перед явленным образом Богородицы на сердце вдруг совершенно явственно прозвучало: Россия спасена. Как, что, почему? Он не знает, но изменить этой минуте, усомниться в ней значило бы для него позабыть самое заветное и достоверное. Вот и выходит, если только не сочинил мой приятель, что бояться за Россию в последнем и единственно важном, окончательном смысле нам не следует, ибо Россия спасена – Богородичною силою. И об этом, поверьте, твердо знает вся православная Россия» (Булгаков С. Н. 1990. 143-144). В романе М. А. Булгакова Елена в рождественские дни обращает молитву к Пресвятой Богородице с просьбой о выздоровлении брата Алексея, принося в жертву свое личное счастье (Булгаков 1989. 210). В финале романа мир описан как богослужение: «Похоже было, что в неизмеримой высоте за этим синим пологом у царских врат служили всенощную. В алтаре зажигали огоньки, и она проступали на завесе целыми крестами, кустами и квадратами» (Булгаков 1989. 234). Часовой-красноармеец видит то же небесное воинство, что и Алексей в Турбин в начале. Заканчивается роман радостным детским сном Петьки Щеглова как началом новой жизни.

Заключение

Традиции воинской повести в романах Л. Н. Толстого и М. А. Булгакова связаны с концепцией «Москвы – Третьего Рима». Россия в отечественной

словесности показана как держава, которая вступает в духовную брань за православную веру. Общими для всех произведений являются мотивы молитвы и помощи небесных сил, заступничества Пресвятой Богородицы за русскую землю, а также символика жертвенной смерти и мотив участия в битве небесного воинства. Церковный календарь, который использует автор, обращает читателя в основном к богородичным праздникам, поскольку в русском народе живет вера в то, что Россия является уделом Пресвятой Богородицы. Жертвенная смерть воина за русскую землю и веру православную увеличивает небесное воинство, помощь небесных сил русской земле. Сожженный град восстанавливается как христианский город, еще более совершенный, чем прежний.

Литература

- 1- Александров С. С. (2018). *Александров С. С. Мотив небесного заступничества в древнерусских воинских повестях XV в.* // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. Вып. 2.
- 2- Бахтин М. М. (1979). *Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского.* М.: Художественная литература, 1979.
- 3- Булгаков С. Н. (1990). *Булгаков С. Н. На пиру богов. Pro et contra. Современные диалоги* / комм. М. А. Колерова и Н. С. Плотникова // Из глубины: Сборник статей о русской революции. Москва: Изд-во МГУ, 1990. С. 143–144.
- 4- Булгаков М. А. (1989). *Булгаков М. А. Белая гвардия. Дьяволиада. Роковые яйца. Собачье сердце.* Ленинград: Лениздат, 1989.
- 5- Горбунова Л. Г., Александров С. С. (2023). *Горбунова Л. Г., Александров С. С. «Повесть о разорении Рязани Батыем» в свете поэтики чуда* // Междисциплинарные связи при изучении литературы. Саратов, 2023. С. 52-58.
- 6- Еремин И. П. (1987). *Еремин И. П. Лекции и статьи по истории древней русской литературы.* Изд. 2-е, доп. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987.
- 7- Истрин В. М. (1922). *Истрин В.М. Очерк истории древнерусской литературы домо-сковского периода (11-13 вв.).* Пг.: Наука и школа, 1922.
- 8- Кусков В. В. (1980). *Кусков В. В. Жанры и стили древнерусской литературы 11 - первой половины 13 в.* Автореф. докт. филол. наук. М.: 1980.

- 9- Орлов А. С. (1902). *Орлов А. С. Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.)*. М.: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1902. 50 с.
- 10- *Повесть о разорении Рязани Батыем* (1997). // Литература Древней Руси. СПб.: Наука, 1997. Т. 5.
- 11- Прокофьев Н. И. (1975). *Прокофьев Н. И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв.* // Литература Древней Руси. М., 1975. Вып. 1. С. 5–39.
- 12- *Сказание о Мамаевом побоище* (1999). // Литература Древней Руси. СПб.: Наука, 1999. Т. 6.
- 13- Сперанский М. Н. (1954). *Сперанский М. Н. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности 16–17 веков (вступительная часть статьи В.Д.Кузьминой)* // ТОДРЛ. М.;Л.: Изд-во АН СССР; 1954. Т.10.
- 14- Толстой Л. Н. (1979). *Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т., М.: Худож. лит., 1979. Т. 6: Война и мир.*
- 15- Толстой Л. Н. (1979). *Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т., М.: Худож. лит., 1979. Т. 7: Война и мир.*
- 16- Трофимова Н. В. (2019). *Трофимова Н. В. Библейские цитаты в воинском повествовании XV–XVI вв.* // Наука и школа. 2019. № 2.
- 17- Трофимова Н. В. (2004). *Трофимова Н. В. Из истории древнерусской воинской повести* // Герменевтика древнерусской литературы. 2004. № 11.
- 18- Хализев В. Е. (1999). *Хализев В. Е. Теория литературы*. М.: Высшая школа, 1999.

Bibliography

- 1- Aleksandrov S. S. (2018). *Aleksandrov S. S. Motiv nebesnogo zastupnichestva v drevnerusskikh voinskikh povestiakh XV v.* // Izvestiia Saratovskogo universiteta. Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2018. T. 18. Vyp. 2.
- 2- Bakhtin M. M. (1979). *Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo*. М.: Khudozhestvennaia literatura, 1979.
- 3- Bulgakov S. N. (1990). *Bulgakov S. N. Na piru bogov. Pro et contra. Sovremennye dialogi / komm. M. A. Kolerova i N. S. Plotnikova* // Iz glubiny: Sbornik statei o russkoi revoliutsii. Moskva: Izd-vo MGU, 1990. S. 143–144.
- 4- Bulgakov M. A. (1989). *Bulgakov M. A. Belaia gvardiia. D'iavoliada. Rokovye iaitsa. Sobach'e serdtse*. Leningrad: Lenizdat, 1989.
- 5- Gorbunova L. G., Aleksandrov S. S. (2023). *Gorbunova L. G., Aleksandrov S. S. «Povest' o razorenii Riazani Batyem» v svete poetiki chuda* // Mezhdistsiplinarnye svyazi pri izuchenii literatury. Saratov, 2023. S. 52–58.

- 6- Eremin I. P. (1987). Eremin I. P. *Leksii i stat'i po istorii drevnei russkoi literatury*. Izd. 2-e, dop. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1987.
- 7- Istrin V. M. (1922). *Istrin V.M. Ocherk istorii drevnerusskoi literatury domo-skovskogo perioda (11-13 vv.)*. Pg.: Nauka i shkola, 1922.
- 8- Kuskov V. V. (1980). Kuskov V. V. *Zhanry i stili drevnerusskoi literatury 11 - pervoi poloviny 13 v.* Avtoref. dokt. filol. nauk. M.: 1980.
- 9- Orlov A. S. (1902). Orlov A. S. *Ob osobennostiakh formy russkikh voinskikh povestei (konchaia XVII v.)*. M.: Imp. O-vo istorii i drevnostei ros. pri Mosk. un-te, 1902. 50 s.
- 10- *Povest' o razorenii Riazani Batyem* (1997). // Literatura Drevnei Rusi. SPb.: Nauka, 1997. T. 5.
- 11- Prokof'ev N. I. (1975). *Prokof'ev N. I. O mirovozzrenii russkogo srednevekov'ia i sisteme zhanrov russkoi literatury XI-XVI vv.* // Literatura Drevnei Rusi. M., 1975. Vyp. 1. S. 5–39.
- 12- *Skazanie o Mamaevom poboishche* (1999). // Literatura Drevnei Rusi. SPb.: Nauka, 1999. T. 6.
- 13- Speranskii M. N. (1954). Speranskii M. N. *Povesti i skazaniia o vziatii Tsar'grada turkami (1453) v russkoi pis'mennosti 16-17 vekov (vstupitel'naia chast' stat'i V.D.Kuz'minoi)* // TODRL. M.;L.: Izd-vo AN SSSR; 1954. T.10.
- 14- Tolstoi L. N. (1979). *Tolstoi L. N. Sobr. soch.: v 22 t., M.: Khudozh. lit., 1979. T. 6: Voina i mir.*
- 15- Tolstoi L. N. (1979). *Tolstoi L. N. Sobr. soch.: v 22 t., M.: Khudozh. lit., 1979. T. 7: Voina i mir.*
- 16- Trofimova N. V. (2019). *Trofimova N. V. Bibleiskie tsitaty v voinskom povestvovanii XV–XVI vv.* // Nauka i shkola. 2019. № 2.
- 17- Trofimova N. V. (2004). *Trofimova N. V. Iz istorii drevnerusskoi voinskoi povesti // Germenevtika drevnerusskoi literatury. 2004. № 11.*
- 18- Khalizev V. E. (1999). *Khalizev V. E. Teoriia literatury*. M.: Vysshaia shkola, 1999.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Fedorova E. A. (2026). THE TRADITIONS OF THE GENRE OF THE MILITARY STORY IN RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX-XX CENTURIES. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 69-83.

DOI: 10.61186/IARLL.27.4

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/403>

سنت‌های ژانرِ روایت جنگی در ادبیات روسی سده‌های نوزدهم و بیستم

یلنا آلکسی‌یونا فیدورووا*

استاد، دانشگاه دولتی پ.گ. دمیدوف یاروسلاول

یارسلاول، روسیه

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۶)

چکیده

ژانر «روایت جنگی» گونه‌ای از ژانر تاریخی است که بنیان آن بر افسانه مردمی استوار است؛ افسانه‌ای که به مثابه واقعیت بازنمایی می‌شود. روایت جنگی دارای طرحی غایت‌مند است که به‌ویژه با ایدئولوگم (واحد ایدئولوژیک) «مسکو- روم سوم» پیوند دارد و از جهت‌گیری آموزشی و تعلیمی برخوردار است. از جمله مضامین مشترک روایت‌های جنگی می‌توان به دعای طلب یاری، انگیزه حمایت و شفاعت نیروهای آسمانی، مضمون «جام مرگ» و آیین بوسه و دایه اشاره کرد. در ساختار روایت جنگی، ژانر فولکلوریک مرثیه و ژانر مکتوب رؤیا (مکاشفه) حضور دارد و نمادپردازی مسیحی نقشی برجسته ایفا می‌کند. در «داستان نبرد مامای»، تصویر تاک انگور به‌عنوان نماد ملکوت آسمان به‌کار رفته است و نمادپردازی عددی با آیین‌های عبادی کلیسایی ارتباط دارد. در رمان «جنگ و صلح» اثر ل.ن. تالستوی، رنگ سفید به نماد قربانی کفاره‌ای بدل می‌شود و خورشید نشانه‌ای از حضور یاری الهی است. در این اثر نیز، همانند روایت‌های جنگی کهن روسی، آیین بوسه و دایه بازنمایی شده است. رمان «گارد سفید» اثر م.آ. بولگاکف. با «روایت ویرانی ریازان به‌دست باتو» همبستگی معنایی دارد. شهر در این آثار نماد روح انسانی است که در چنگال رذایل گرفتار آمده است. ویرانی کی‌یف در رمان بولگاکف، در چارچوب اندیشه‌های قدیس آگوستین، به‌منزله پایان نظم کهن و گذار به نظمی نوین و کامل‌تر تلقی می‌شود؛ نظمی که با «متن مسکویی» پیوند دارد. دعای یلنا که در رمان بولگاکف خطاب به حضرت مریم مقدس ادا می‌شود، مستجاب می‌گردد و زندگی به برادر او بخشیده می‌شود. روسیه در سنت ادبی بومی، به‌عنوان سرزمین منسوب به حضرت مریم مقدس، و به مثابه دولتی مسیحی بازنمایی می‌شود که تحت حمایت نیروهای آسمانی قرار دارد.

واژگان کلیدی: روایت جنگی، ایدئولوگم (واحد ایدئولوژیک)، موتیف (درون‌مایه)، نماد، ل.ن. تالستوی، م.آ. بولگاکف.

1. E-mail: sole11@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7756-2499>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

THE INTERCULTURAL CORRESPONDENCES OF ZOOMORPHISMS IN PERSIAN AND RUSSIAN FAIRY TALES

Komleva Elena Valerievna^{1*}

Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia.

(date of receiving: September, 2024; date of acceptance October 2025)

Abstract

A comparative analysis of zoomorphic metaphors in Persian and Russian fairy tales is carried out. The relevance of this study is determined by the importance of studying fairy tales for their preservation as a national, folk cultural, and linguistic heritage. The novelty of the work lies in the comparative analysis of the texts of fairy tales belonging to the Persian and Russian language continuums and different traditions of their cultural origin. The material for the study consisted of Persian and Russian folk and original fairy tales based on the zoomorphic representation of fairy tale characters. Persian fairy tales are studied with the help of translations into Russian published in the famous collection of Persian fairy tales published in Moscow by the Eastern Literature publishing house in 1958. The source for the translations was Persian fairy tales from newspapers, magazines, and collections published in Iran. Despite the cultural originality of Persian and Russian fairy tales, the commonality of their division into everyday tales, fairy tales, and tales about animals is noted. The structural similarity of Persian and Russian fairy tales is based on the presence of a beginning, plot development, and a denouement that does not have an unambiguous interpretation and encourages the reader to further reflection. The plot similarity is manifested in the names of the zoomorphic characters themselves, their possession of positive and negative qualities, and their ability to transform into human images. The fairytale-allegorical form of the narrative, based on images of animals, allows us to focus the reader's attention on such vices as greed, stupidity, envy, and talkativeness, which enhances the educational potential of the fairy tale. Despite the similarity of some plot lines and characteristics, the originality of Russian and Persian fairy tales is manifested in a special national flavor, in endowing animal images with different cultural meanings, characters, actions, and attitudes towards each other. The research material gives a clear idea of the division of zoomorphic images presented in the texts of Persian and Russian fairy tales into three groups: completely equivalent, partially equivalent, and original. In this regard, the work analyzes the similarities and differences of zoomorphisms using examples from text sources.

Keywords: Fairy Tale, Zoomorphism, Metaphor, Comparison, Equivalent, Analogue.

1. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-4290-9293>

* Corresponding author.

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ СООТВЕТСТВИЯ ЗООМОРФИЗМОВ В ПЕРСИДСКИХ И РУССКИХ СКАЗКАХ

Комлева Елена Валерьевна^{1*}

Доцент, Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

(дата получения: сентябрь 2024 г., дата принятия октябрь 2025 г.)

Аннотация

Проводится сопоставительный анализ зооморфных метафор в персидских и русских сказках. Актуальность данного исследования определяется важностью изучения сказок для их сохранения как национального, народного культурно-языкового наследия. Новизна работы состоит в сопоставительном анализе текстов сказок, принадлежащих к персидскому и русскому языковым континуумам, разным традициям их культурного происхождения. Материалом для исследования послужили персидские, русские народные и авторские сказки, основанные на зооморфическом представлении персонажей сказок. Персидские сказки при этом изучаются с помощью переводов на русский язык, опубликованных в известном сборнике персидских сказок, вышедшем в Москве в издательстве «Восточная литература» в 1958 году. Источником для переводов послужили персидские сказки из газет, журналов, сборников, вышедших в свет в Иране. Несмотря на культурную самобытность персидских и русских сказок, отмечается общность их разделения на бытовые, волшебные и сказки о животных. Структурное сходство персидских и русских сказок основывается на наличии зачина, развитии сюжета, развязки, не обладающей однозначностью трактовки, и побуждающей читателя к дальнейшему размышлению. Сюжетное сходство проявляется в наименовании самих зооморфных персонажей, обладании ими положительными и отрицательными качествами, в их способности превращаться в человеческие образы. Сказочно-аллегорическая форма повествования, основанная на образах животных, позволяет заострить внимание читателя на таких пороках как алчность, глупость, зависть, болтливость, что усиливает воспитательный потенциал сказки. При сходстве некоторых сюжетных линий и характеристик персонажей, самобытность русских и персидских сказок проявляется в особом национальном колорите, в наделении образов животных разными культурными смыслами, характерами, поступками, отношением друг к другу. Исследовательский материал дает четкое представление о делении зооморфных образов, представленных в текстах персидских и русских сказок, на три группы: полностью эквивалентные, частично эквивалентные, самобытные. В этой связи в работе анализируются сходства и отличия зооморфизмов с привлечением примеров из текстовых источников.

Ключевые слова: сказка, зооморфизм, метафора, сравнение, эквивалент, аналог.

1. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-4290-9293>

* Ответственный автор.

Введение

Изучение сказок не теряет своей актуальности. Тексты сказок неоднократно попадали в фокус внимания филологов, педагогов, методистов, культурологов, психологов. Так, например, монография В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки», впервые опубликованная в 1928 году, пережила уже несколько переизданий (Пропп 2021), что свидетельствует об интересе читателей к анализу структурных элементов сюжетно близких сказок. Изучению сказок разных типов в начальной школе посвящает учебное пособие К. П. Шестипалова (Шестипалова 2021), психологические и культурологические аспекты образа Бабы Яги описываются в коллективной монографии И. В. Вачковым, А. Е. Ноговицыным, В. И. Пономаревой (Вачков 2023), сказки А. С. Пушкина, переведенные на китайский язык, исследуются на предмет прагматической адаптации при переводе У. Цзинвэнь (Цзинвэнь 2017). Список работ, в которых сказка является объектом научного исследования, может быть продолжен. Наличие обширной научно-теоретической базы, посвященной разностороннему изучению текста сказки объясняется, по всей видимости, тем, что сказка является ценным источником этнографического знания, исторических сведений, народной мудрости, воспитательного потенциала. Сказка, наряду с колыбельной песней, относится к речевому произведению, которое с первых дней рождения ребенка, сопровождает его детские годы. Сказка, рассказанная мамой, бабушкой, няней, дает ребенку не только первые представления о жизни, но и формирует его картину мира, включающую, мировосприятие, мироощущение, мировоззрение.

Объектом нашего исследования являются сказки о животных, независимо от их принадлежности к народному фольклору или перу одного автора. Цель исследования определяется как выявление разноуровневых межкультурных соответствий зооморфизмов в текстах персидских и русских сказок.

Основными методами исследования являются дедуктивный подход, т.е. направление изучения от исследовательского материала к деталям анализа, позволяющим сделать выводы, обобщения, компаративный анализ, который дает богатый материал для понимания сходств и различия сказок разных народов. Материал для исследования отбирался методом сплошной выборки. Материалом для исследования послужили персидские, русские народные и авторские сказки с зооморфическим представлением персонажей сказок. Персидские сказки при этом изучаются с помощью переводов на русский язык, опубликованных в известном сборнике персидских сказок, вышедшем в Москве в издательстве «Восточная литература» в 1958 году (Персидские сказки 1958). Источником для переводов на русский язык послужили персидские сказки, заимствованные из газет, журналов, сборников фольклорных текстов, вышедших в свет в Иране. Новизна работы состоит в сопоставительном анализе текстов сказок, принадлежащих к персидскому и русскому языковым континуумам, разным традициям их культурного происхождения, но основанных на схожих зооморфных образах персонажей.

Основная часть

Классификация исследуемого объекта является, как известно, одной из важных ступеней его изучения. В этой связи важна для данного исследования классификация сказок по содержательному признаку, чтобы избежать неточности толкования самого объекта исследования, который выше обозначен как «сказки о животных». Вопрос об общей классификации сказок является дискуссионным, о чем свидетельствует их многообразие (Миллер 1893, Аарне 1911, Пропп 2021, Афанасьев 2020, Овчинникова 2003). Не вдаваясь в детали этого вопроса в рамках данной научной работы, отметим, что всеми исследователями, так или иначе, признается деление всего корпуса текстов сказок на сказки с чудесным содержанием, сказки бытовые, сказки о

животных (Пропп 2011.13). Это деление принимают и составители сборника персидских сказок, на что указывает оглавление сборника, включающее волшебные сказки, бытовые сказки, сказки о животных (Персидские сказки 1958. 511). При этом в сказках животным придаются черты характера, образ мыслей и поведения человека. В сказках о животных люди и животные делят статус главных героев, как, например, в сказке «Старушка» (Персидские сказки 1958. 462). Интересно, в данной связи, аналогичное деление сказок по содержательному признаку, данное А. Н. Афанасьевым в его сборнике сказок (Афанасьев 2020) и отнесение сказки «О рыбаке и рыбке» к сказкам о животных, а не к бытовым сказкам или сказкам с чудесным содержанием (Пропп 2021. 13).

Поскольку вопрос о происхождении сказок, принадлежащих разным народам, до конца не решен, остается открытым и вопрос о сходстве сюжетов сказок, появившихся в разных частях земного шара при исторически доказанных фактах, об отсутствии коммуникации между этими народами. Названия сказок с зооморфными персонажами меняются, претерпевают изменения и атрибуты действующих лиц, но не меняются их функции, что и становится основой компаративного анализа. Отметим, что в данном случае под функцией вслед за В. Я. Проппом мы понимаем поступок персонажа, определенный с точки зрения его значимости для развития сюжетной линии сказки (Пропп 2021. 41). Именно функция как поступок персонажа, его действия служит основой для компаративного анализа иранских и русских сказок. Наш исследовательский материал показывает, что зоонимические персонажи совершают схожие действия: хитрят, обманывают, помогают ближнему, обладают схожими чертами характера, например, излишней доверчивостью, проявляют зависть, полны доброты и т.д. Хронотоп сказок очень прост из-за ограничения пространства, включающего исключительно место обитания (проживания) животных – персонажей сказок. Сюжеты как

последовательность событий в русских и иранских сказках с зооморфными персонажами также обнаруживают совпадения. Отметим незамысловатость сюжета сказки. Сюжет имеет очень короткую экспозицию типа: «Было так или не было, а кроме бога никого не было» (Персидские сказки 1958. 494). Завязка также отличается компактностью изложения: «Однажды над степью летел воробей. Вдруг он увидел: на поле мужчины и женщины собирают хлопок» (там же). Кульминация как развитие событий, как правило, имеет форму диалога, в репликах которого раскрываются взаимоотношения персонажей, их психологические качества, противоречия между другими героями сказок, столкновения с трудными обстоятельствами. Краткая заключительная часть сюжета, в которой сообщается о настоящей судьбе персонажа: «Слуги так и сделали, и воробей зажил в клетке, лакомясь сладостями и попивая щербет и розовую воду» (там же. 497). Эпилог, который в очень сжатой, содержательно концентрированной форме описывает дальнейшие события, связанные с жизнью персонажа: «Сказка кончилась, а воробей до своего гнезда не долетел» (там же). Несмотря на лапидарность изложения, такой эпилог побуждает к сложным размышлениям, которые в случае с воробьем, как главным героем сказки, дает отчетливое представление о печальном продолжении жизни воробья за стенами золотой клетки, которая предстает как символ окончания свободной жизни. Аналогичную композицию мы встречаем и в русских сказках, так сказка «Звери в яме» (Афанасьев <https://ru.wikisource.org/wiki>) имеет такую же краткую экспозицию: «Шла свинья в Питер богу молиться» и завязку: «Попадается ей волк навстречу» кульминация также представляет собой диалогическое единство, где через речевые портреты раскрываются психологические образы персонажей. Сказку венчает краткий, но емкий эпилог, побуждающий читателя к дальнейшему размышлению: «Осталась лиса одна-одинёхонька в яме; вылезла ль она оттудова или и теперь там сидит, право, не ведаю» (там же).

Отсутствия точных сведений об источнике происхождения сказок, на что уже указывалось выше, не противоречит тому, что сказки о животных дают читателю представление об эволюции человека, жизнь которого всегда сопровождалась встречами с животным миром, но характер этих встреч менялся, о чем свидетельствуют и сюжеты сказок о животных. В таких сказках наш исследовательский материал позволяет выделить три крупные сюжетные разновидности. К первой из них, по всей видимости, к самой старой разновидности, относятся сказки о многообразии животного мира. Появление таких сказок является следствием того, что человек был охотником, наблюдал за повадками животных, их образом жизни. Так, русская сказка «Про глухаря» (Добрые сказки для самых маленьких 2007. 121) рассказывает, почему глухарь зимует под снегом, как он питается, по какой причине птица получила такое название. Такие сказки расширяют представление ребенка о животном мире. Ярким образцом сказок о животных, в которых отдельное животное является главным персонажем, стали сказки русского писателя М. М. Пришвина (Пришвин <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru>). Он, умело придавая животным олицетворение, не «выхватывал» из привычного природного окружения, а напротив, через это окружение еще детальнее, еще глубже раскрывал неповторимый зооморфный образ. Одной из популярных и любимых детьми сказок является сказка «Беличья память» (Пришвин <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru/belichya-pamyat>). Уже само название придает белке – главной героине сказки – антропоморфные черты, поскольку память ассоциируется всегда со свойствами нервной системы человека. Лексема «память» в названии текста сказки становится основой метафорического образа белки как живого существа, обладающего интеллектуальными свойствами. Несмотря на малоформатность текста, он обнаруживает два плана повествования – реальный и сказочный. Оба плана повествования начинает сам рассказчик. В начале текста автор вводит

читателя в реальный сюжет из собственной жизни, делится наблюдениями за животным: «Сегодня, разглядывая на снегу следы зверушек и птиц, вот что я по этим следам прочитал: белка пробилась сквозь снег в мох, достала там с осени спрятанные два ореха, тут же их съела – я скорлупки нашел. Потом отбежала десяток метров, опять нырнула, опять оставила на снегу скорлупу и через несколько метров сделала третью полазку» (Пришвин <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru/belichya-pamyat>). Далее автор сам же прерывает реальность сюжета, восклицая: «Что за чудо? Нельзя же подумать, чтобы она чуяла запах ореха через толстый слой снега и льда. Значит, помнила с осени о своих орехах и точное расстояние между ними». Наименование происходящего «чудом» придает сказочность всему сюжету повествования, а белке – антропоцентрический образ, который автор еще более усиливает дальше, указывая на то, что для него самого явилось наиболее удивительным: «Но самое удивительное – она не могла отмеривать, как мы, сантиметры, а прямо на глаз с точностью определяла, ныряла и доставала. Ну как было не позавидовать беличьей памяти и смекалке!» (там же). При явном отсутствии в тексте упоминания о волшебстве, совершаемого волшебниками, описанные свойства памяти белки предстают как сверхъестественные, благодаря чему текст получает «оттенок» сказочного волшебства.

В иранских сказках мы не обнаруживаем сказок с одним героем – животным, которому подчинено все повествование, раскрывающее его природные особенности, состояние и перемены в нем, знакомя, тем самым читателя с миром животных. Исследовательский материал располагает сказками, также рассказывающими об особенностях сразу нескольких хищных или домашних животных. Так, например, сказка про шакала «Куцый шакал» (Персидские сказки 1958. 488), в которой освещаются повадки этого животного, его образ жизни, также знакомит читателя с природным миром, но данная сюжетная линия не является единственной, она вплетается в другую,

усложняя сюжет, в котором появляются другие животные, люди, описываются их сложные взаимоотношения. В этой связи речь о подобных сказках пойдет далее, в разделе, посвященном иной разновидности сюжета.

Свидетельством тому, что эволюционируя, человек от охоты пришел к занятию скотоводством, являются сказки со второй разновидностью сюжета. В таких сказках персонажами выступают животные, прирученные человеком. Ярким примером служит персидская сказка «Старушка» (Персидские сказки 1958. 462). Сказка повествует о том, как в дом пожилой женщины из-за сильной непогоды попеременно стучатся и просятся на ночлег воробей, курица, ворона, осел, собака, осел. В развязке сюжета каждое из животных попросило хозяйку дома остаться навсегда и приносить ей посильную пользу. Сюжет сказки раскрывает незамысловатым образом историю о том, как человек, приручив животных, занялся их разведением и перешел от присваивающего хозяйства к производящему. Главным героем этих сказок является человек, который сначала помог животным, а затем они стали его верными помощниками. Тесное взаимодействие человека с животным на благо человека описывается и русским писателем П. П. Ершовым в сказке «Конек-Горбун» (Ершов 2013).

Сказки, где главные герои – животные, рассказывают с помощью образов животных о людях, отличаются от двух первых разновидностей с простым развитием сюжета, усложнением сюжета, наличием нескольких сюжетных линий, и обозначаются нами как сказки с третьей сюжетной разновидностью. Данные сказки свидетельствуют о развитии фольклорного художественного мышления, с чем связано усложнение зооморфических образов, которыми наделяются животные. Животные обладают способностью общаться друг с другом и с людьми, проявляя при этом свои положительные и отрицательные качества, играть на музыкальных инструментах, готовить еду, вести домашнее хозяйство. Данные сказки мы обозначаем как сказки с сюжетом третьей

разновидности. Метафорическими человеческими образами наделялись в первую очередь животные, которые обитали в местности проживания рассказчиков сказок. Очевидно, что это обстоятельство объясняет отсутствие в русских народных сказках персонажей в образе тигра, жирафа, обезьяны, слона. В иранских сказках героями, в этой связи, являются шакал, волк, лиса, курица, коза, воробей, мышь, медведь, лев. В русских сказках зооморфические образы героев представлены такими животными как волк, лиса, петух, журавль, медведь, заяц, курица, тетерев, дятел, коза. Межкультурными зооморфизмами в сказках, таким образом, становятся лиса, волк, мышь, медведь, курица, коза. Ограниченность объема научной статьи не позволяет рассмотреть все межкультурные зооморфные соответствия в текстах сказок, поэтому мы остановимся на наиболее частотных из них.

Интересна межкультурная особенность, прослеживающаяся в русских и иранских сказках: зооморфические персонажи часто представлены сообществом, состоящим из лисы, медведя и волка. При этом лиса – наиболее частотный персонаж русских сказок. Так в первом томе сборника сказок А. Н. Афанасьева представлено девяносто четыре сказки, в пятнадцати из них лиса является главным героем (Афанасьев <https://ru.wikisource.org/wiki>). В сборнике «Персидские сказки» раздел сказок о животных включает девятнадцать сказок. В пяти сказках из девятнадцати лиса играет роль главного персонажа (Персидские сказки. 1958). В качестве примера рассмотрим персидскую сказку «Лиса-Шейх» (Персидские сказки. 1958. 475). Сказку начинает типичная экспозиция: «Было так или не было, а кроме бога никого не было» (там же). Уже в завязке дается характеристика главного героя: «Жила-была лиса, большая плутовка. Всегда-то она хитрила, всегда окольными путями бегала – говорят, даже кишки в брюхе у нее и те, не прямо шли, а вкривь, да вкось петляли. Всю жизнь она только и делала, что разными хитростями ловила птиц и поедала их» (там же). Здесь же указывается на отношение других

персонажей к лисе, что делает ее психологический портрет еще более исчерпывающим: «Постепенно все звери узнали ее и перестали ей верить. Как заметят ее издали, так – бросаются прочь, пока не убегут на целый фарсанг» (Там же.). Петух – один из персонажей сказки – задает вопрос, который также характеризует лисицу: «...что это за плутовство и хитрость» (там же. 476). Несмотря на то, что хитрость лисы стала ее визитной карточкой, петух, баран, волк, медведь, осел поддаются на ее уловки. В ходе развития сюжета звери делятся для ночлега на две группы: волк, медведь, лиса и петух, баран, осел. Принцип такого разделения, который, как указывалось выше, пересекается и с русскими сказками, точно определить трудно. По всей видимости, в окружение лисы попадают звери, которые не могут быть ее «гастрономической» добычей. Окружение лисицы, также как и она сама, не отличающееся чистотой нравов, поддается на ее предложение съесть петуха, барана и осла, которые в итоге выходят победителями из злой интриги. В развязке сказки петух, баран и осел возвращаются к своим хозяевам, а на лису, волка, медведя люди бросились с камнями и палками.

Аналогичное окружение лисицы, состоящее из волка и медведя, мы встречаем в русской сказке «Звери в яме» (Афанасьев <https://ru.wikisource.org/wiki/>). В сказках пересекается и мотив, который побудил животных отправиться в путь: «Шла свинья в Питер богу молиться» (там же), в персидской сказки персонажи отправляются в паломничество (Персидские сказки 1958. 477). Дорога, ведущая к местам паломничества, не очистила души персонажей сказки от злых помыслов. Эквивалентность сюжетов заключается в том, что в русской сказке животные также проголодались, утомились и попали в яму, где вынуждены были провести некоторое время. Яма, в которую попали звери, является символом безвыходности положения. В таком положении оказываются персонажи, идущие на поводу хитрости и коварства, позволяющие этим качества завладеть разумом. Из ямы не может быть

спасения. С помощью хитрости лисицы были съедены все звери, даже волк. Лисица осталась в яме одна, перехитрив саму себя. Эпилог рассказывает о том, что лисица так и сидела в яме «одна-одинехонька» (Афанасьев <https://ru.wikisource.org/wiki>). Сопоставление этих двух сказок позволяет выявить аналогичную тему – противоборство сильных животных и слабых, в ходе раскрытия которой обнаруживаются схожие черты зооморфных персонажей. За определенными персонажами закрепились соответствующие характеристики: хитрость – за лисой, глупость – за медведем, способность на подлость – за волком. Компаративный анализ указывает и на эквивалентность идеи персидской и русской сказок. Главная идея, пронизывающая анализируемые сказки, может быть сформулирована следующим образом: паломничество к святым местам должно начинаться с искреннего покаяния, которое позволяет не только обозначить собственные недостатки, как это сделали персонажи сказок («Затем петух обратился к лисе и сказал: “Я ведь тоже не безгрешен, я передушил много всяких тварей: тараканов, саранчи и червяков. Пойду-ка и я с тобой в паломничество!”») (Персидские сказки 1958. 476), но признание этих недостатков. Паломничество сопряжено с принятием лишений, возникающих в пути, благодарности за скудную пищу как ниспосланную Богом. В противном случае, путь тех, кто называет себя паломниками, но при этом имеет темные помыслы в отношении к себе подобным, станет дорогой в яму, из которой нет выхода.

Осуществляя компаративный анализ сказок на предмет поиска межкультурных зооморфических соответствий, нельзя обойти вниманием сказки с самобытными образами, не имеющими эквивалентов в ином речевом континууме, послужившем основой для сопоставительного анализа.

Сказка про шакала, с названием «Куцый шакал», представляет исследовательский интерес по двум причинам: во-первых, данная сказка относится к сказкам с безэквивалентным по отношению к русским сказкам

самобытным персидским зооморфизмом. Во-вторых, сказка отличается сложностью развития сюжета из-за переплетения сразу трех намеченных выше особенностей развития сюжета сказки. Сказка вбирает в себя черты первой сюжетной линии с описанием особенности животного, например, указывает на то, что «...шакал был хитрец и ловкач, умел замести следы» (Персидские сказки 1958. 488), описываются такие повадки хищника как умение отгрызть часть собственной плоти, попавшей в капкан, чтобы сохранить себе жизнь. В анализируемой сказке обнаруживается и вторая разновидность сюжетной линии, поскольку утверждается факт приручения человеком козы, ставшей домашним животным, факт разведения кур, благодаря чему человек смог разбогатеть. Третья сюжетная линия, отличающаяся сложным психологическим взаимодействием человека и животного, проявляется в данной сказке широким описанием коварства шакала по отношению не только к человеку, доверившемуся ему, но и к себе подобным животным. Удивление вызывает не только коварство шакала, но и продуманность и изощренность его коварства, о чем свидетельствуют в тексте глаголы, принадлежащие к лексико-семантической ментальной группе. Приведем примеры из текста сказки: «Задумался шакал», «Он все еще раздумывал» (Персидские сказки 1958. 490), «и решил он» (там же 492). В исследовательском материале зооморфный образ шакала является специфическим для персидских сказок, поскольку, отличается наибольшим коварством и подлостью в сравнении с другими зооморфными персонажами, но, при этом наименьшей повторяемостью. Сказка с данным зооморфизмом фиксируется нами единожды.

Заключение

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с изучением межкультурных соответствий иранских и русских зооморфизмов в сказках, можно сделать следующие выводы. Первой межкультурной особенностью,

объединяющей иранские и русские сказки, является их схожая композиция, включающая: краткую экспозицию, компактную завязку, кульминацию, разворачивающуюся в форме диалога, через реплики которого раскрываются сами персонажи, заключительную часть, в которой сообщается о судьбе персонажа, эпилог, побуждающий читателя к размышлению. Второй особенностью является три основные разновидности зооморфных персонажей: животное как отдельный главный персонаж, животные, прирученные человеком и взаимодействующие с ним, метафорические образы животных, с помощью которых высвечиваются пороки, присущие людям. Третья межкультурная особенность состоит в усложнении сюжета сказки, основанной на зооморфных метафорах, что свидетельствует о развитии фольклорного художественного мышления, в наделении образов животных разными культурными смыслами, характерами, поступками, тонкими психологическими чертами, сложным отношением друг к другу. Четвертое межкультурное сходство состоит в четком делении зооморфных образов, представленных в текстах персидских и русских сказок, на три группы: полностью эквивалентные, частично эквивалентные, самобытные. Пятой объединяющей сказки межкультурной идеей является уважительное, искреннее отношение к вере. Шестая межкультурная особенность, присущая персидским и русским сказкам заключается в наличии национального колорита, самобытности, глубокой народной мудрости, что позволяет сказкам оставаться важным культурным наследием любого народа, сохранять воспитательный потенциал как основу для духовного развития подрастающего поколения.

Литература

- 1- Афанасьев А. Н. (2020). *Народные русские сказки*, Москва, Изд-во «Альфа-книга».
- 2- Афанасьев А. Н. *Народные русские сказки*, URL: <https://ru.wikisource.org/wiki>, дата обращения 12.08.2024.

- 3- *Добрые сказки для самых маленьких* (2007), Москва: Изд-во «Астрель».
- 4- Вячков И. В. (2023). *Жила-была Баба Яга... Психологические и культурологические аспекты*, Москва: Изд-во «Академический проект».
- 5- Ершов П. П. (2013). *Конек-горбунок*, Москва, Изд-во «Акварель».
- 6- Миллер В. Ф. (1893). *Всемирная сказка в культурно-историческом освещении*, Москва: Изд-во «Русская Мысль».
- 7- Овчинникова Л. В. (2003). *Русская литературная сказка XX века. История. Классификация. Поэтика*, Москва, Изд-во «Наука».
- 8- *Персидские сказки* / Составитель: Н. Османов. (1958). Москва: Изд-во Восточной литературы.
- 9- Пришвин М. М. *Беличья память*, URL: <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru/belichya-pamyat>, дата обращения 12.08.2024
- 10- Пропп В. (2021). *Морфология волшебной сказки*, Москва: Изд-во «Азбука».
- 11- Шестипалова К. П. (2021). *Изучение сказок разных типов в начальной школе: методическое пособие*, Москва: Изд-во «Русское слово – учебник».
- 12- Цзиньвэнь, У. (2017). *Зооморфные и фитоморфные образы в сказках А.С. Пушкина и их переводах на китайский язык* // Научный диалог, № 8.
- 13- Aarne, A. (1911). *Verzeichnis der Märchentypen* // *Folklore Fellows Communications*. N 3, Helsinki.

Bibliography

- 1- Afanas'ev A. N. (2020). *Narodnye russkie skazki*, Moskva, Izd-vo «Al'fa-kniga».
- 2- Afanas'ev A. N.. *Narodnye russkie skazki*, URL: <https://ru.wikisource.org/wiki>, data obrashcheniia 12.08.2024.
- 3- *Dobrye skazki dlia samykh malen'kikh* (2007), Moskva: Izd-vo «Astrel'».
- 4- Viachkov I. V. (2023). *Zhila-byly Baba Iaga... Psikhologicheskie i kul'turologicheskie aspekty*, Moskva: Izd-vo «Akademicheskii proekt».
- 5- Ershov P. P. (2013). *Konek-gorbunok*, Moskva, Izd-vo «Akvarel'».
- 6- Miller V. F. (1893). *Vsemirnaia skazka v kul'turno-istoricheskoi osveshchenii*, Moskva: Izd-vo «Russkaia Mysl'».
- 7- Ovchinnikova L. V. (2003). *Russkaia literaturnaia skazka XX veka. Istoriia. Klassifikatsiia. Poetika*, Moskva, Izd-vo «Nauka».
- 8- *Persidskie skazki* / Sostavitel': N. Osmanov. (1958). Moskva: Izd-vo Vostochnoi literatury.

- 9- Prishvin M. M. *Belich'ia pamiat'*, URL: <https://prishvin-mihail-mihajlovich-pisatel.larec-skazok.ru/belichya-pamyat>, data obrashcheniia 12.08.2024
- 10- Propp V. (2021). *Morfologiia volshebnoi skazki*, Moskva: Izd-vo «Azbuka».
- 11- Shestipalova K. P. (2021). *Izuchenie skazok raznykh tipov v nachal'noi shkole: metodicheskoe posobie*, Moskva: Izd-vo «Russkoe slovo – uchebnik».
- 12- Tszinven', U. (2017). *Zoomorfnye i fitomorfnye obrazy v skazkakh A.S. Pushkina i ikh perevodakh na kitaiskii iazyk* // Nauchnyi dialog, № 8.
- 13- Aarne, A. (1911). *Verzeichnis der Märchentypen* // Folklore Fellows Communications. N 3, Helsinki.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Komleva E. V. (2026). THE INTERCULTURAL CORRESPONDENCES OF ZOOMORPHISMS IN PERSIAN AND RUSSIAN FAIRY TALES. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 85-101.

DOI: 10.61186/IARLL.27.5

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/391>

هم‌ارزی‌های میان‌فرهنگی زومورفیس‌ها (جانور گونه‌ها)

در قصه‌های فارسی و روسی

یلنا والری‌یونا کوملوا^{*۱}

دانشیار دانشگاه دولتی تربیت معلم اورنبورگ،
اورنبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۴؛ تاریخ پذیرش: اکتبر ۲۰۲۵)

چکیده

در این مقاله، تحلیل تطبیقی استعاره‌های زومورفیک (جانور گونه‌ها) در قصه‌های فارسی و روسی انجام می‌گیرد. اهمیت این پژوهش از ضرورت مطالعه قصه‌ها با هدف حفظ آن‌ها به عنوان میراث ملی و مردمی فرهنگی - زبانی ناشی می‌شود. نوآوری تحقیق در تحلیل تطبیقی متون قصه‌هایی است که به دو پیوستار زبانی فارسی و روسی تعلق دارند و ریشه در سنت‌های متفاوت خاستگاه فرهنگی دارند. مواد پژوهش شامل قصه‌های فارسی، قصه‌های عامیانه و قصه‌های تألیفی روسی است که بر بازنمایی جانور گونه‌ها، شخصیت‌های قصه‌ها استوارند. قصه‌های فارسی در این پژوهش از طریق ترجمه‌های روسی منتشر شده در مجموعه شناخته شده قصه‌های فارسی، چاپ شده در سال ۱۹۵۸ در مسکو، در انتشارات «ادبیات شرقی»؛ مورد بررسی قرار گرفته‌اند. منابع این ترجمه‌ها قصه‌های فارسی منتشر شده در روزنامه‌ها، مجلات و مجموعه‌هایی بوده‌اند که در ایران به چاپ رسیده‌اند. با وجود اصالت فرهنگی قصه‌های فارسی و روسی، اشتراک آن‌ها در تقسیم‌بندی به قصه‌های عامیانه، قصه‌های جادویی و قصه‌های حیوانات مورد توجه قرار می‌گیرد. شباهت ساختاری قصه‌های فارسی و روسی مبتنی بر وجود آغاز، گسترش پیرنگ و فرجامی است که تفسیری یگانه و قطعی ندارد و خواننده را به تأمل بیشتر فرامی‌خواند. شباهت‌های روایی در نام‌گذاری شخصیت‌های جانور گونه، دارا بودن ویژگی‌های مثبت و منفی، و توانایی آن‌ها در دگردیسی به صورت‌های انسانی آشکار می‌شود. صورت روایت تمثیلی قصه‌ای که بر تصاویر حیوانی استوار است، امکان برجسته سازی رذایلی چون حرص، نادانی، حسادت و پرگویی را فراهم می‌سازد و بدین سان، ظرفیت تربیتی افسانه را تقویت می‌کند. با وجود شباهت برخی خطوط داستانی و ویژگی‌های شخصیت‌ها، اصالت قصه‌های فارسی و روسی در رنگ و بوی ملی خاص آن‌ها جلوه گر می‌شود؛ بدین معنا که تصاویر حیوانی با معانی فرهنگی، خصلت‌ها، کنش‌ها و روابط متفاوتی آراسته می‌شوند. مواد پژوهشی، تصویری روشن از تقسیم‌بندی تصاویر جانور گونه حاضر در متون قصه‌های فارسی و روسی به سه گروه ارائه می‌دهد: کاملاً معادل، تا حدودی معادل و اصیل (غیر معادل). بر همین اساس، در این مقاله شباهت‌ها و تفاوت‌های زومورفیس‌ها با استناد به نمونه‌هایی از متون مورد تحلیل قرار گرفته‌اند.

واژگان کلیدی: قصه، زومورفیس (جانور گونه‌ها)، استعاره، مقایسه، هم‌ارزی، همتایی.

1. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0001-4290-9293>; 57219025316

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

MELODIES OF RESISTANCE: A CULTURAL AND POSCOLONIAL ANALYSIS OF KURDISH AND RUSSIAN LULLABIES, BASED ON THE THEORY OF ANIA LUMBA

Moradi Maryam^{1*}

Associate Professor, Department of Russian Language and Literature

Allameh Tabataba'i University,

Tehran, Iran

(date of receiving: August 2025; date of acceptance: ноябрь 2025)

Abstract

The purpose of this study is to conduct a comparative analysis of the cultural, social, and conceptual features of Kurdish and Russian lullabies to identify their similarities and differences in the transmission of values, reflection of social reality, and use of symbolic themes. Despite cultural and historical differences, Kurdish and Russian lullabies both convey cultural values and express human feelings through rhythm, melody, and similar motifs. There are significant differences in political and social themes and in the ways of expressing cultural identity, which is due to the historical past and socio-political context of the respective societies. The research methodology is descriptive and analytical, using a comparative approach. Examples of Kurdish and Russian lullabies are collected from written sources, oral folklore, and scientific works. Within the framework of a qualitative content analysis, based on the cultural and postcolonial theory of Ania Lumba, a comparative study of the themes and socio-cultural functions of lullabies is carried out. The final conclusions highlight the main similarities and differences and explain the historical and social role of these songs in Kurdish and Russian cultures.

Keywords: Kurdish and Russian Lullabies, Cultural Reflection Theory, Postcolonial Theory of Ania Lumba, Identity, Resistance.

1. E-mail: m.moradi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0002-6652-227X>

* Corresponding author

МЕЛОДИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ: КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУРДСКИХ И РУССКИХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ АНИИ ЛУМБЫ

Моради Марьям^{1*}

Доцент кафедры русского языка и литературы,
Университет имени Алламе Табатаба'и,
Тегеран, Иран.

(дата получения: август 2025 г.; дата принятия: ноябрь 2025 г.)

Аннотация

Цель данного исследования — провести сравнительный анализ культурных, социальных и концептуальных особенностей курдских и русских колыбельных, выявить их сходства и различия в передаче ценностей, отражении социальной реальности и использовании символических тем. Несмотря на культурные и исторические различия, курдские и русские колыбельные передают культурные ценности, выражают человеческие чувства посредством ритма, мелодии и схожих мотивов. Существуют значительные различия в политической, социальной тематике, в способах выражения культурной идентичности, что обусловлено историческим прошлым и социально-политическим контекстом соответствующих обществ. Методология исследования — описательно-аналитическая, с применением сравнительного подхода. Примеры курдских и русских колыбельных собраны из письменных источников, устного фольклора и научных трудов. В рамках качественного анализа содержания, с опорой на культурологическую и постколониальную теории Ании Лумбы, проводится сравнительное изучение тематик и социально-культурных функций колыбельных песен. В выводах выделяются основные сходства и различия, а также объясняется историческая и социальная роль этих песен в культурах курдов и русских.

Ключевые слова: курдские и русские колыбельные, теория культурного отражения, постколониальная теория Ании Лумбы, идентичность, сопротивление.

1. E-mail: m.moradi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0002-6652-227X> * Ответственный автор

Введение

Сравнительный анализ колыбельных песен - как многослойных текстов, объединяющих музыку, язык и культуру - требует применения различных теорий, охватывающих культурные, языковые и социальные аспекты. В этой связи особое значение имеют следующие ключевые теоретические подходы.

1. Теория культурного отражения

Согласно этой теории, литература и искусство являются зеркалом социальных, политических и культурных реалий. В курдских колыбельных преобладают темы исторической боли, сопротивления угнетению и стремления к свободе. В русских колыбельных сильнее выражены темы спокойствия, семейных ценностей и личных мечтаний. Применение этой теории позволяет понять, каким образом колыбельные отражают социально-политические реалии двух народов.

1.1. Связь культуры и национальной идентичности

В колыбельных эта связь проявляется через исторические и социальные мотивы, тесно связанные с повседневной жизнью народа. Теоретики культуры, такие как Стюарт Холл и Реймонд Уильямс, подчёркивают, что культура - это одновременно продукт социальных процессов и фактор, формирующий личную идентичность. С. Холл утверждает, что раса - это не биологическая, а социальная конструкция, формируемая через процессы репрезентации и культурных значений (Холл 1996). Также он подчеркивает влияние медиа, образования и других культурных инструментов на воспроизводство стереотипов о расе и «других», указывая, что такие изображения усиливают концепт «инаковости», маргинализируя этнические меньшинства (Холл 1997. 223–290).

Реймонд Уильямс, как и Т. С. Элиот, трактует культуру как «целостный образ жизни», показывает, как понятие культуры развивалось в контексте

промышленности, демократии, социальной стратификации и искусства (Уильямс 2021. 33, 384). Для него традиционные концепты «высокой культуры» представляют собой недемократичные категории, навязанные господствующими классами. В обобщающем обзоре С. Холл подчёркивает междисциплинарный характер культурных исследований и их критическое взаимодействие с вопросами власти, репрезентации и идентичности (Холл 2018. 261). Этот подход служит основой для критического анализа культурных текстов.

2. Постколониальные исследования

Согласно постколониальным исследованиям, культурные продукты могут служить инструментом сопротивления доминирующим нарративам и колониальным дискурсам, анализировать культурные, политические и исторические последствия колониализма и империализма. Постколониальная теория исследует, каким образом власть формирует культурную гегемонию, идентичность и формы сопротивления в постколониальных сообществах. Один из ключевых фокусов - анализ репрезентации угнетения и сопротивления в культурных текстах.

Курдские колыбельные, часто насыщенные мотивами боли, подавления и неосуществлённых мечтаний, можно рассматривать как выражение народного сопротивления в постколониальной перспективе. С другой стороны, русские колыбельные, в которых встречаются темы переживаний войны, бедности и выживания, также поддаются интерпретации в рамках этого подхода.

Ключевые понятия в постколониальной теории

Сопротивление и голос угнетённых

Ания Лумба подчёркивает важность сопротивления в постколониальном дискурсе, особенно через призму теории субальтеров (то есть угнетённых,

маргинализированных групп). Она рассматривает фольклор, устные традиции и народные песни как ключевые формы культурного самовыражения и средства противостояния колониальному насилию (Лумба 2005. 211–217 ; 231–238).

Обзор литературы

Исследователи, изучавшие метрическую организацию и мелодику русских колыбельных песен, а также лексико-семантические категории, установили, что большинство русских колыбельных имеют размер «хорей», что соответствует игровой природе детского восприятия (Ермакова и Прокофьева 2020. 133). Ребёнок сначала воспринимает мелодику речи, затем - ритм, и лишь примерно после первого года жизни начинает различать звуковую структуру слов (Шувачкин 2004. 115, ссылаясь на Ермакову и Прокофьеву 2020. 134).

Ученые подчеркивают важность повторов и звукоимитаций в структуре русских колыбельных (Ерхунина и Николаева 2022). По мнению З. Садеги Сахлабад и Е. В. Комлева, «колыбельные песни помимо признаков принадлежности к разным культурам, обнаруживают и межкультурные особенности, проявляющиеся в их предназначенности не только самому ребенку» (Садеги и Комлева 2025. 174).

При изучении курдского фольклора следует отметить трёхтомный сборник стихов «Бессмертие в тишине» (2017) Саджада Джаханферда, «Песни родной земли» Резы Мозуни (2018), а также перевод с русского на персидский книги «Курды и Курдистан» Василия Никитина, осуществлённый Мохаммадом Гази (2004).

Азар Вализаде пишет: «Колыбельная - это боль, которую часто невозможно излечить. Это боль как отражение общества в разные эпохи - крик и бунт, рождающийся под гнётом несправедливости. Это страдание, наполненное

несбывшимися мечтами и утраченными надеждами, превращёнными в воспоминания и переданными времени. Ведь курдская литература всегда была устной, передаваемой от сердца к сердцу» (Вализаде 2007. 134–135).

Р. Моштак-Мехр и А. Фейзи анализируют различные социальные темы о тревогах женщин по поводу возможного повторного брака мужа и критики патриархальных обычаев - до противоположного принятия своей второстепенной роли в традиционном племенном обществе, рассматривают религиозные и мистические представления, критикуют власть и выражают обеспокоенность политической ситуацией, патриотизм и героизм, бедственное экономическое положение народа (Моштак-Мехр и Фейзи 2020. 89–108).

Основная часть

Русские колыбельные - «колыбельные песни» - обладают глубокой культурной значимостью и, как правило, простыми, успокаивающими мелодиями. Эти фольклорные тексты объединяют социальную и эмоциональную реальность, связывая личные переживания с более широкими культурными нарративами. Анализируя курдские колыбельные тематически, мы сталкиваемся с разнообразными культурными и историческими контекстами. Курдские колыбельные используются не только как средство привития мира детям, для выражения надежд, страхов и историй курдских общин.

В русской традиции колыбельные тесно связаны с древними верованиями. Иногда они выполняли роль защитного заклинания, обращённого к добрым духам или для отпугивания злых. В них можно встретить иносказания о смерти - не как призыв, а как магическое средство отвести зло. Темы трудностей и стойкости во многих русских колыбельных отражают суровые реалии сельской жизни, такие как бедность, нехватка продовольствия и материнская тревога. Следующая колыбельная на русском языке относится к бедности семьи:

Бай, бай, бай-люлю, / Лилю в люлю укладу, / Спи-ко, Лилюшка, усни, /
Угомон себе возьми, / Да поболе пораста, / Сон да Дрема, / По подзыбочке
брела, / К Лиле в люлюшку легла, / О, о, о, о.

Баю, баюшки, баю, / Живет Федор на краю, / Он не беден, не богат, / У него
много ребят, / Все по лавочкам сидят, / Все по корочке едят, / О, о, о-люлю.

Спи-ко, Лилюшка, усни, / Люлю, люлю, лю-лю-лю, / После банюшки-пару,
/ Не ходи по ветерку, / То настынешь и помрешь, / Во сыру землю пойдешь.

Спи-ко мила, до той поры, / Не подымай-ко головы, / После будет пора, /
Разбужу, Лиля, тебя, / Баю, баю, баю, бай, / Баю, баюшки, лю-лю, / О, о, о.

В исторические периоды потрясений, таких как война или политические репрессии, колыбельные превратились в выражение общественного мнения, в средство выражения тоски, печали или непрямого несогласия с правительством. В советское время традиционные народные элементы иногда объединялись для продвижения коллективных ценностей и объединения личных чувств с идеологическими посланиями, а русские матери также использовали колыбельные, чтобы выразить свои надежды или критику политических систем, создавая тонкую форму сопротивления или адаптации. В этой связи можно обратиться к книге Джона Б. Данлопа «Лики современного русского национализма», в которой обсуждается культурная политика советской эпохи, находившаяся под влиянием традиционных форм, таких как колыбельные, а также интеграция социалистических тем в народную культуру (Данлоп 1984).

Катриона Келли исследовала, как фольклор использовался в советской культурной политике, а также изучала противоречие между официальным видением и гибкостью личных и региональных проявлений фольклора, что отражает сохранение индивидуальности и инакомыслия. Советский режим стремился переосмыслить фольклор как инструмент формирования коллективной идентичности, соответствующей социалистическим идеалам, с

акцентом на темы труда, единства и патриотизма. На самом деле, скрытое сопротивление, присущее народным практикам, особенно в индивидуальной и частной сферах, способствует укреплению роли членов сообщества как хранителей популярной культуры. Это сопротивление помогает сохранять их личную и локальную идентичность, несмотря на давление официальных нарративов (Келли 2001).

Русские колыбельные песни отражают историческую борьбу сельских общин, включая периоды голода и политических репрессий. Это особенно проявляется в жанре «колыбельных смерти», где темы утраты и материнской тревоги переплетаются с попытками «обмануть» смерть через использование обратной психологии. В отличие от них, курдские колыбельные часто затрагивают темы тоски, изгнания и утраты, отражая сложную историю вторжений и перемещений, а также взлётов и падений курдского народа. Они сочетают в себе элементы скорби и горя с надеждой.

В курдской культуре колыбельные также адаптировались к социально-политическим изменениям. В периоды политических репрессий они становились средством выражения материнской тревоги о будущем. Тексты часто содержат тонкую критику несправедливости или мечты о свободе. Как отмечают Моштак-Мехр и Фейзи: «Анализируя колыбельные, мы можем заключить, что женщины, несмотря на своё неучастие в важных сферах общественной жизни, не оставались равнодушными к политическим проблемам своего времени и с самого начала знакомили своих детей с реалиями общества через скорбные мелодии» (Моштак-Мехр и Фейзи 2019. 97).

В этой связи рассмотрим следующие две курдские и русские колыбельные:

۱- «وه ره روله ریگات دووره و گه لیک هه ورازه / چاویکت شهینه و یه کیانت بازه / له سه ر دایکی خوت مه که وه نازه / له خودام ت له به، قه ت نه گه وزییه وه له گومیلکه ی ده خوینی

Перев. на рус.: Дитя моё, знай, впереди долгий путь / Держи глаз, как ястреб, другой, как голубь, / Для матери ребёнок - всегда милый друг, / Молю Бога, чтоб не видеть тебя в крови вокруг. (Моштак-Мехр и Фейзи 2019. 97-98).

В приведённой выше колыбельной очевидно сочетание традиционных символов, таких как сокол и ястреб, с универсальным стремлением к безопасности и миру, отражены современные потребности в улучшении качества жизни.

Русские и курдские колыбельные имеют общие черты: они выполняют двойную роль утешителя и воспитателя, размышляют о материнских трудностях и адаптируются к социально-политическим изменениям. Однако курдские колыбельные больше опираются на духовные образы, отражающие философское и духовное наследие региона, а русские колыбельные затрагивают экзистенциальные темы жизни и смерти, подчёркивая устойчивость обществ, сталкивающихся с природными и политическими невзгодами.

Рассмотрим следующую курдскую колыбельную, которая, по словам С. Джаханфарда, возникла сто лет назад и содержит культурные темы (Джаханфард 2017. 105-108):

٢- کاکه م ها کوول ئه سڤ بازه وه / ترنگه ی ته ولی تی له شیرازه وه / کاکه م وه کوول
 ئه سڤ رۆته وه / ناله ی ئه سڤی تی له که ر کوته وه / کاکه م وه کوول ئه سڤه بووره وه /
 بلاچه ی به رقه لا وه زووره وه / کاکه م ها وه کوول فیل مه سه وه / به غذا چو لیموو دا وه ده
 سه وه / کاکه م ها کوول که رگه ده نه وه / ئه سیر ئیران له رووم سه نه وه / کاکه م ها کوول
 که له شیره وه / گل خوه ی وه ناوړوو گه مه سیره وه / کاکه م هاوه کوول به هری به ځه وه /
 وه و قه یقه تار تمام زع ځه وه / کا که م ها وه کوول ئاهووتوکه وه / گل خوه ی وه ده ور
 چوار بلوکه وه / کاکه م ها وه کوول مین جه یرانه وه / ترنگه ی ته ولی تی ته یرانه وه / کا که
 م ها وه کوول شوه یمان وه / چو رووسه م گل خوه ی وه مه یدانه وه / ئه وه کاکه مه
 (کوځمه) تغه نگ ځه وه شان / ها نوای ئووردی تا وه کرماشان

Перев.: Мой брат мчится на быстром коне, / Стук копыт его слышен из Ширази, вдалеке. / Мой брат скачет на коне без седла, / Стук копыт его

слышен из Керкута, как волна. / Мой брат едет на коне цвета молнии, / Он быстр и стремителен, как ветер в полдень. / Мой брат мчится на пьяном слоне, / Багдад в его руке, словно лимон в ладоне. / Мой брат скачет на носороге, / Он вернул пленных из Рима, как в сказке о Боге. / Мой брат едет на петухе, / Патрулирует жаркий край, как в мечте. / Мой брат мчится на морском коне, / Пули в его поезде золотые, как во сне. / Мой брат скачет на коне цвета оленя, / Патрулирует четыре области, как в видении. / Мой брат мчится на кобыле Джиран, / Стук подков его слышен из Тегерана. / Мой брат скачет на Шреймане, / Как Ростам, он патрулирует поле в огне. / Это мой брат, мой сын, с винтовкой на плече, / Он движется к Керманшаху, армия в его руке.

Отражая социальные и исторические реалии, эта колыбельная рассказывает историю сопротивления, путешествий и власти, исходящей из родного языка, восхваляя брата или сына как героя. Она также указывает на исторические и географические связи курдов, на жизнь, насыщенную путешествиями, миграцией и борьбой, утверждает культурную автономию и гордость курдского народа, который стремится вернуть себе право на собственные истории и голоса. Сопротивление господству также подчеркивает историческую роль курдов в противостоянии внешним врагам и внутреннему угнетению, как, например, в таких мотивах как “возвращение иранских пленных из Рима” или “движение в поле, подобно Ростаму”.

Животные-символы, такие как лошадь, носорог и петух, олицетворяют силу, скорость и подвижность, занимая важное место в курдской культуре. Упоминание национальных и исторических героев через имя «Ростам» и исторических лошадей, таких как «Шрейман», подчеркивает глубокую связь курдской культуры с мифами и легендарными фигурами. Эта колыбельная сочетает в себе надежду и стойкость, одновременно передавая чувство гордости и тревоги, когда мать или сестра с гордостью говорят о силе, скорости и победах своего ребенка или брата: «Мой брат быстр, как молния».

Упоминание о трудностях пути, таких как «длинное ружье на плече» или «движение в поле», напоминает о жизненных испытаниях и опасностях, связанных с постоянной борьбой. Колыбельная также выполняет двойную функцию: успокаивает и сопротивляется, передавая курдские ценности и культурную идентичность будущим поколениям. Например, фраза «Мой брат мчится на кобыле Джиран / Стук подков его слышен из Тегерана» подчеркивает широту сферы деятельности и идентичности, выходящую за пределы местных границ.

Подобная идея также ярко проявляется в русских колыбельных. Взглянем на «Фабричную колыбельную» из сборника «Песни русских рабочих», изданного в 1962 г. Эта колыбельная объединяет в себе социальные реалии (труд на заводе) и идеологические стремления (борьба со злом). Песни, которые русские матери исполняли в колыбельных, работая на фабриках, звучали с грустной интонацией. Например, в одной из них мать поет своему сыну:

Ах, баиньки, баиньки, / Спи, пока ты маленький / Когда будешь подрастать,
/ Будешь горе-нужду знать, / Когда большой подрастёшь, / Ты на фабрику-
пойдёшь, / Там ты будешь работать, / Будешь денежки давать. / Работать надо
без конца ... / Ты не будь, сынок, в отца. / Он кувалдой день-ночь бьёт, / Как
получит, всё пропьёт. / Отец денежки пропьёт, / Домой с песнями придёт. /
Песни пьяные поёт. / Нам покою не даёт. / Если буду унимать, / Станет
драться, приставать. / Вот какая моя жисть / Хоть живая в гроб ложись. / Я б
живая в гроб легла, / Только бросить жаль тебя. / Днём на фабрике работаю, /
Ночью зыбку качаю.

<...> Спи пока – твой час настанет, / Будет не до сна, / Мысль твоя
работать станет / И с горячностью восстанет / Против лжи и зла. / В эти дни,
дни золотые / Юности святой, / Все задачи вековые, / Все вопросы роковые /
Встанут пред тобой. / И мечты о личном счастье / Бросишь ты тогда, / С жаром

юной, честной страсти, / Весь её отдавшись власти, / Ты пойдёшь туда, / Где собралась воедино / Мощная семья / Пролетарья исполина – / Всё растущая дружина / Рыцарей труда <...>

Две вышеупомянутые колыбельные, курдская и русская, можно рассматривать через призму амбивалентности. В курдской колыбельной мать описывает жизненные перипетии, молясь Богу о защите своего ребенка и сочетая надежду на его безопасность с беспокойством о трудностях жизненного пути. В русской колыбельной, несмотря на изображение тяжелой жизни и общества, полного угнетения, ребенок все же призывается к сопротивлению и надежде. Истоки этой колыбельной можно рассматривать как попытку институционализировать освободительные движения массового рабочего общества в 90-е годы в России, когда социал-демократы, наряду с такими пропагандистскими средствами, как газеты, журналы и листовки, активно использовали фольклорные песни с темой труда.

Колыбельные смерти и пробуждения

Ф. С. Капица, ссылаясь на исследования А. М. Мартыновой, раскрывает пугающий факт: использование языка угроз и устрашений в колыбельных песнях является отголоском древнего русского обычая, когда слабых и физически ограниченных детей убивали, избавляя их от страданий, вызванных болезнями и голодом (Капица, Колядич 2016. 44). Однако русский фольклорист В. П. Аникин утверждает, что мнение о том, будто в этих песнях мать действительно желает смерти своему ребенку, является глубоко ошибочным. Напротив, исполняя такие колыбельные, мать не только не желает смерти своему ребенку, но и борется за его жизнь и здоровье, полагаясь на свое воображение. Когда ребёнок страдает от различных болезней или, как считают русские, от злых существ, вызывающих у него плач и беспокойство, мать, чтобы избавить его от страданий, решает обмануть этих

существ. В колыбельных она иногда говорит: «ребёнок всё равно умрёт или уже мёртв». Эта интерпретация колыбельных песен перекликается со славянскими погребальными обрядами, целью которых является обман злых сил, причиняющих ребёнку боль и страдания (Аникин 1957. 91), как, например, в следующей русской колыбельной:

Бай-бай да люли! / Хоть сегодня умри. / Завтра мороз, снесут на погост. /
Мы поплачем-повоем, в могилу зароем.

Баюшки-баю, / Не ложися на краю. / Заутро мороз, / А тебя на погост.

Спи, дитя моё мило, / Будет к осени друго, / К именинам третьё, / Седни
Ванюшка помрет, / Завтра похороны, / Будем Ваню хоронить, / В большой
колокол звонить.

Заключение

Курдские колыбельные часто затрагивают темы бедности, дискриминации и вытеснения, отражая репрессивные феодальные и племенные структуры. Эти колыбельные служат средством сохранения исторической идентичности и передачи надежды на свободу. В отличие от них, русские колыбельные были переосмыслены в советское время под влиянием коллективных идеалов. Русские матери использовали эти стихи для выражения своих социальных проблем и критических замечаний.

Использование курдского языка в колыбельных, несмотря на попытки его маргинализации, стало символом культурного сопротивления. Курдские матери применяли эти песни для выражения своей идентичности и косвенной критики существующего общественного строя. Русские матери также использовали колыбельные как средство сохранения своего культурного наследия в условиях политики ассимиляции.

Колыбельные, которые чаще всего исполняются женщинами, передают как коллективные, так и личные переживания. В контексте постколониальной

теории, эти песни выступают как «голоса обездоленных», отражая стойкость и надежду в условиях социального и политического давления.

Курдские колыбельные, помимо передачи жизненного и культурного опыта, отражают темы всеобъемлющей любви и надежды. Темы сопротивления и борьбы за выживание также занимают значительное место в русских колыбельных. Анализ этих текстов демонстрирует, как данные произведения способствуют поддержанию и укреплению социальной структуры общества. Они выполняют двойную функцию: с одной стороны, отражают культурные особенности, а с другой - передают ценности сопротивления и идентичности, выступая в качестве средства противостояния господству.

Литература

- 1- Аникин В. П. (1957). *Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор: пособие для учителя*. М.: Учпедгиз РСФСР, 1957. 240 с.
- 2- Вализадех А. (2007). *Фольклорная литература в форме курдских народных сказок. С акцентом на южнокурдский диалект. Детская литература и цензура*. Мариван: журнал «Зарибар», 11 г. Т. 64, С. 131–138.
- 3- Данлоп Джон Б. (1984). *Лики современного русского национализма*. Принстон: Издательство Принстонского университета, 378 с.
- 4- Джаханфард С. (2017). *Харманейг ла би-данги. Лава-лавай далагейл курд: Тайбати навчейл Кермашан, Илам, Ханегейн ва Биджар [Бессмертие в тишине. Колыбельные курдских матерей в регионах Керманишах, Илам, Ханакин и Биджар]*, Керманшах, Дибаче. 2017, 220 с.
- 5- Ермакова А. А., Прокофьева, Л. П. (2020). *Синтетические ассоциации в немецких и русских детских колыбельных* // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. № 2, С. 131-141.
- 6- Ерхонина Д. Н., Николаева Е. В. (2022). *Основные фонетические особенности английских, русских и татарских колыбельных песен* // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. № 3(116), С. 96-102.
- 7- Капица Ф. С., Колядич, Т. М. (2016). *Русский детский фольклор: учеб. пособие*. – М.: Флинта. 518 с.
- 8- Келли К. (2001). *Переосмысление национального характера России: советский фольклор и социалистический реализм*. Славянский обзор. 60(2), С. 304–326.

- 9- Лумба Ания. (2005). *Колониализм/постколониализм*. 2-е издание. – Лондон-Нью-Йорк: Рутледж. 280 с.
- 10- Мозуни Реза. (2018). *Песни Родины*. Керманшах: Третье изд.. – Керманшах: Дибачех. 356 с.
- 11- Моштак-Мехр, Рахман, Фейзи, Амине. (2019). *Лицо курдского общества в курдских колыбельных* // Ежеквартальный журнал литературы и местных языков Ирана «Замин», № 1, Вып. 27. С. 108–189.
- 12- Никитин В. (1999). *Курды и Курдистан: исследование с политической, социологической и исторической точки зрения*. Тегеран: Дераят. Центр сохранения и публикации трудов профессора Мохаммада Гази. Переводчик: Мохаммад Гази. 600 с.
- 13- Садеги Сахлабад З., Комлева Е. В. (2025). *Межкультурные особенности адресованности фольклорных колыбельных песен (на материале русского и иранского языков)*. // Исследовательский журнал русского языка и литературы, том 13, выпуск 1. С. 173-191.
- 14- Холл Стюарт. (1996). «Раса, артикуляция и общества, структурированные по принципу доминирования» в книге «Раса, идентичность и репрезентация в образовании», под ред. Кэмерона Маккарти и Уоррена Кричлоу, Рутледж. С. 16–60.
- 15- Холл Стюарт. (1997). *Спектакль “Другого” в репрезентации: культурные репрезентации и практики означивания*, под ред. Стюарта Холла. Лондон: Изд. Сейдж. 78 с.
- 16- Холл Стюарт. (2018). *Основные эссе*, Том 1: Основы культурологии, Культурология и её теоретическое наследие, издательство Дэвида Морли, С. 261.
- 17- Уильямс Рэймонд. (2021). *Культура и общество*. Перев. Али Акбаром Масум-Бейги и Настаном Мусави. Тегеран: Негах. 574 с.

Bibliography

- 1- Anikin V. P. (1957). *Russkie narodnye poslovitsy, pogovorki, zagadki i detskii fol'klor: posobie dlia uchitel'ia*. M.: Uchpedgiz RSFSR, 1957. 240 s.
- 2- Valizadekh A. (2007). *Fol'klornaia literatura v forme kurdsikh narodnykh skazok. S aktsentom na iuzhnokurdsii dialekt. Detskaia literatura i tsenzura*. Marivan: zhurnal «Zaribar», 11 g. T. 64, S. 131–138.
- 3- Danlop Dzhon B. (1984). *Liki sovremennogo russkogo natsionalizma*. Princeton: Izdatel'stvo Prinostonskogo universiteta, 378 s.
- 4- Dzhakhanfard S. (2017). *Kharmaneig la bi-dangi. Lava-lavai dalageil kurd: Taibati navcheil Kermashan, Ilam, Khanegain va Bidzhar [Bessmertie v tishine. Kol'bel'nye kurdsikh materei v regionakh Kermanshakh, Ilam, Khanakin i Bidzhar]*, Kermanshakh, Dibache. 2017, 220 s.

- 5- Ermakova A. A., Prokof'eva, L. P. (2020). *Sinteticheskie assotsiatsii v nemetskikh i russkikh detskikh kolybel'nykh* // Izvestiia Iuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. № 2, S. 131-141.
- 6- Erkhonina D. N., Nikolaeva E. V. (2022). *Osnovnye foneticheskie osobennosti angliiskikh, russkikh i tatarskikh kolybel'nykh pesen* // Vestnik ChGPU im. I.Ia. Iakovleva. № 3(116), S. 96-102.
- 7- Kapitsa F. S., Koliadich, T. M. (2016). *Russkii detskii fol'klor: ucheb. posobie*. – M.: Flinta. 518 s.
- 8- Kelli K. (2001). *Pereosmyslenie natsional'nogo kharaktera Rossii: sovetskii fol'klor i sotsialisticheskii realizm*. Slavianskii obzor. 60(2), S. 304–326.
- 9- Lumba Ania. (2005). *Kolonializm/postkolonializm*. 2-e izdanie. – London-N'iu-Iork: Rutledzh. 280 s.
- 10- Mozuni Reza. (2018). *Pesni Rodiny*. Kermanshakh: Tret'e izd.. – Kermanshakh: Dibachekh. 356 s.
- 11- Moshtak-Mekhr, Rakhman, Feizi, Amine. (2019). *Litso kurdskogo obshchestva v kurdskikh kolybel'nykh* // Ezhekvar'tal'nyi zhurnal literatury i mestnykh iazykov Irana «Zamin», № 1, Vyp. 27. S. 108–189.
- 12- Nikitin V. (1999). *Kurdy i Kurdistan: issledovanie s politicheskoi, sotsiologicheskoi i istoricheskoi točki zreniia*. Tegeran: Deraiat. Tsentr sokhraneniia i publikatsii trudov professora Mokhammad Gazi. Perevodchik: Mokhammad Gazi. 600 s.
- 13- Sadegi Sahlabad Z., Komleva E. V. (2025). *THE INTERCULTURAL FEATURES OF THE ADDRESSING OF FOLK LULLABIES (based on Russian and Iranian languages)*. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 13(1), 173–191.
- 14- Kholi Stiuart. (1996). “*Rasa, artikuliatsiia i obshchestva, strukturirovannye po printsipu dominirovaniia*” v knige «*Rasa, identichnost' i reprezentatsiia v obrazovanii*», pod red. Kemerona Makkarti i Uorrena Krichlou, Rutledzh. S. 16–60.
- 15- Kholi Stiuart. (1997). *Spektakl' “Drugogo” v reprezentatsii: kul'turnye reprezentatsii i praktiki oznachivaniia*, pod red. Stiuarta Kholla. London: Izd. Seidzh. 78 s.
- 16- Kholi Stiuart. (2018). *Osnovnye esse*, Tom 1: Osnovy kul'turologii, Kul'turologiia i ee teoreticheskoe nasledie, izdatel'stvo Devida Morli, S. 261.
- 17- Uil'iams Reimond. (2021). *Kul'tura i obshchestvo*. Perv. Ali Akbarom Masum-Beigi i Nastaranom Musavi. Tegeran: Negakh. 574 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Moradi M. (2026). MELODIES OF RESISTANCE: A CULTURAL AND POSCOLONIAL ANALYSIS OF KURDISH AND RUSSIAN LULLABIES, BASED ON THE THEORY OF ANIA LUMBA. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 103-119.

DOI: 10.61186/IARLL.27.6

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/390>

ملودی‌های مقاومت: تحلیل فرهنگی و پسااستعماری لالایی‌های کردی و روسی بر مبنای نظریه آنیا لومبا

مریم مرادی^{*۱}

دانشیار گروه زبان روسی دانشگاه علامه طباطبائی،
تهران ایران.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲۵)

چکیده

هدف از این پژوهش، مطالعه تطبیقی ویژگی‌های فرهنگی، اجتماعی و مفهومی لالایی‌های کردی و روسی، شناسایی شباهت‌ها و تفاوت‌های آنها در انتقال ارزش‌ها، بازتاب واقعیات اجتماعی و استفاده از مضامین نمادین است. با وجود تفاوت‌های فرهنگی و تاریخی، لالایی‌های کردی و روسی هر دو ارزش‌های فرهنگی را منتقل و احساسات انسانی را از طریق ریتم، ملودی و موتیف‌های مشابه بیان می‌کنند. در این میان، تفاوت‌های قابل توجهی در مضامین سیاسی و اجتماعی و نیز بیان هویت فرهنگی وجود دارد که تحت تأثیر گذشته تاریخی و زمینه اجتماعی-سیاسی جوامع مربوطه قرار می‌گیرد. روش تحقیق توصیفی و تحلیلی با رویکردی تطبیقی است. نمونه‌هایی از لالایی‌های کردی و روسی از منابع مکتوب، فولکلور شفاهی و آثار علمی جمع‌آوری شده است. تحلیل محتوای کیفی، با تکیه بر نظریه فرهنگی و پسااستعماری آنیا لومبا، مطالعه‌ای تطبیقی از مضامین و کارکردهای اجتماعی-فرهنگی لالایی‌ها ارائه می‌دهد. نتیجه‌گیری‌های نهایی، شباهت‌ها و تفاوت‌های کلیدی را برجسته می‌کند و نقش تاریخی و اجتماعی این ترانه‌ها را در فرهنگ‌های کردی و روسی توضیح می‌دهد.

واژگان کلیدی: لالایی‌های کردی و روسی، نظریه بازتاب فرهنگی، نظریه پسااستعماری آنیا لومبا، هویت، مقاومت.

1. E-mail: m.moradi@atu.ac.ir, <https://orcid.org/0000-0002-6652-227X>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORIES AND FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELDS IN THE SYSTEM OF FUNCTIONAL GRAMMAR

Siutkina Nadezhda Pavlovna¹

Associate Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia

Shustova Svetlana Viktorovna^{2*}

Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia

(date of receiving: November, 2025; date of acceptance: January, 2026)

Abstract

The authors of this article focus on the functional approach to linguistic research in general, and one of its branches—functional grammar—in particular. The functional approach allows for the dynamic study of linguistic system mechanisms in terms of the interaction of form, content, and function, and the exploration of linguistic units within the unity of their semantic and pragmatic properties. Functional grammar examines functional-semantic categories—complex semantic and formal unities that express abstract semantic content. The categorical approach allows for the integration of units of different levels into a single semantic space. The semantic dominant, that is, categorical content, can be represented to varying degrees and extents by different linguistic means. These can be represented as a field model, which allows for a visual representation of the system of means for realizing a given category. The field approach allows us to conceptualize linguistic means as a unified system of linguistic means which, in traditional grammar, would be divided into different levels and subsystems. Here, the connecting link is not only semantics but also function. Means with a clearly defined categorical semantics constitute the center of the functional-semantic field; the weaker this semantics, the closer to the periphery the linguistic units are located. The periphery, as a rule, exhibits a more pronounced ability to intersect with other categories and fields, and here, instances of intercategory interaction at the semantic level are more frequent.

Keywords: Functional-Semantic Category, Functional-Semantic Field, Grammatical Category, Categorical Situation, Functional Approach, Functional Grammar.

1. E-mail: nad975@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>

2. E-mail: lanashust@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>

* Corresponding author

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ПОЛЯ В СИСТЕМЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ГРАММАТИКИ

Сюткина Надежда Павловна¹

Доцент, Пермский государственный национальный исследовательский
университет

Шустова Светлана Викторовна^{2*}

Профессор, Пермский государственный национальный исследовательский
университет

(дата получения: ноябрь 2025 г.; дата принятия: январь 2026 г.)

Аннотация

В фокусе внимания авторов статьи находится функциональный подход в лингвистических исследованиях в целом, и одно из направлений такого подхода – функциональная грамматика в частности. Функциональный подход позволяет изучать механизмы языковой системы в динамике, в аспекте взаимодействия формы, содержания и функции, исследовать языковые единицы в единстве семантических и прагматических свойств. В функциональной грамматике исследуются функционально-семантические категории – сложные содержательно-формальные единства, которые выражают абстрактное смысловое содержание. Категориальный подход позволяет интегрировать единицы разного уровня в одно семантическое пространство. Смысловая доминанта, то есть категориальное содержание, может быть в разной степени и объеме представлено разными языковыми средствами. Их можно представить в виде полевой модели. Она позволяет наглядно представить систему средств реализации той или иной категории. Полевой подход позволяет представить языковые средства именно как единую систему таких языковых средств, которые в традиционной грамматике оказались бы разделенными по разным уровням и подсистемам, здесь связующим звеном является не только семантика, но и функция. Средства с ярко выраженной категориальной семантикой составляют центр функционально-семантического поля, чем слабее эта семантика, тем ближе к периферии располагаются языковые единицы. На периферии, как правило, более ярко проявляется способность пересекаться с другими категориями и полями, здесь более частотны случаи межкатегориального взаимодействия на семантическом уровне.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, функционально-семантическое поле, грамматическая категория, категориальная ситуация, функциональный подход, функциональная грамматика.

1. E-mail: nad975@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>

2. E-mail: lanashust@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864> * Ответственный автор

Введение

Одним из основных методологических принципов современной лингвистики является функциональный подход, суть которого заключается в том, что языковые единицы рассматриваются не только как структурные единицы системы языка, но и как строевые элементы высказывания, в совокупности с закономерностями их функционирования в зависимости от окружающей их среды. Поэтому функциональный подход позволяет изучать механизмы языковой системы в динамике, в аспекте взаимодействия формы, содержания и функции. Такая комплексность в анализе позволяет реализовать не менее важный методологический принцип современной лингвистики, а именно экспланаторность.

Важность исследования языковой единицы именно с позиций функционализма подчеркивается Г. А. Золотовой, поскольку «на смену двустороннему критерию языковых единиц форма / значение предложен более надежный критерий с вершинами значение, функция и форма с более четким определением самих понятий» (Золотова 2006. 15). Важным фактором становится при этом не разделение «уровней», а их взаимодействие. Такой подход дает возможность исследовать единицы языка в единстве их семантических и прагматических свойств.

На подобных принципах, которые позволяют рассматривать системно-языковые элементы в процессе реализации их функционального потенциала в речи, построена функциональная грамматика А. В. Бондарко. В фокусе внимания оказываются функционально-семантические категории: «По своему существу эта грамматика является категориальной: она направлена на описание системы семантических категорий в их языковом выражении. Вместе с тем, в этой грамматике представлены и коммуникативно-речевые аспекты, тесно связанные с ее системно-языковой доминантой» (Бондарко 2002. 15).

Основная часть

В терминосистеме, предложенной в концепции А.В. Бондарко, учитываются и грамматические, и семантические, и прагматические аспекты функционирования языковых единиц. Двухнаправленный подход позволяет представить модель взаимосвязи языка и речи, поскольку рассматривается некая ментальная сущность (категориальное значение) в двух ипостасях – как система языковых средств, и как система актуализаторов категориального значения в речи.

Функциональная грамматика помимо традиционного термина *грамматическая категория* включает в себя ряд новых, а именно: функционально-семантическая категория (ФСК), функционально-семантическое поле (ФСП), категориальная ситуация (КС), категориальное значение, грамматическое единство.

Функционально-семантическая категория, на исследования которой и направлено внимание исследователей, является краеугольным камнем для нового направления грамматики. Она понимается как «обобщённое значение, представленное системой единиц различных уровней языка, которые взаимодействуют на основе общности их смысловой функции» (Бондарко 2004. 7–10). К таким категориям относятся, например, инструментальность, временная локализованность, темпоральность, таксис, каузативность, персональность, модальность, определенность и так далее, поскольку этот список не является ограниченным и исчерпывающим и может пополняться.

Фокус исследований сосредоточен на функционально-семантических категориях – сложных содержательно-формальных единствах, в основе которых могут находиться мыслительные, понятийные, грамматические категории, которые выражают некую абстрактную смысловую константу. Она позволяет интегрировать единицы разного уровня в одно семантическое пространство. Интегрирующая смысловая доминанта, то есть категориальное

содержание, может быть в разной степени и объеме представлено разными языковыми средствами. Их можно представить в виде полевой модели. Она позволяет наглядно представить систему средств реализации той или иной категории.

Полевой подход встречается не только в лингвистике, но и во многих других науках. Это объяснимо тем, что «поле» позволяет визуализировать совокупность каких-либо единиц, объединенных каким-либо общим признаком (в нашем случае, семантикой) в виде организованного пространства. Главная характеристика полевой структуры – полнота и максимальная интенсивность признаков в центре структуры и их разреженность, ослабление на периферии. Периферия обладает неравномерной насыщенностью своих секторов, она может формироваться и располагаться разными способами – она асимметрична (Адмони 1988. 77-78).

К отличительным признакам поля относят также: наличие инвентаря (набора) средств разных уровней, связанных между собой системными отношениями (входя в состав поля, средства становятся конституентами поля); наличие общего значения, которое в той или иной степени присуще его конституентам; общее значение поля не едино, оно распадается минимум на два значения, которые могут быть противоположными или полярными, каждое из этих значений образует микрополе; поле обладает неоднородной и, как правило, сложной структурой, которую можно представить в виде горизонтального и вертикального сечений (Гулыга, Шендельс 1969. 10). В современном языкознании семантическое поле определяется как совокупность языковых единиц, объединенных общностью содержания и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений.

Семантическое поле характеризуется следующими основными свойствами:

- 1) наличием семантических отношений (корреляций) между составляющими его словами;
- 2) системным характером этих отношений;
- 3)

взаимозависимостью и «взаимоопределяемостью» лексических единиц; 4) относительной автономностью поля; 5) непрерывностью обозначения его смыслового пространства; 6) взаимосвязью семантических полей в пределах всей лексической системы (всего словаря) (Кобозева 2000. 99).

А.В. Бондарко включает в фокус исследования не только семантический, но и функциональный аспект, и, следовательно, функционально-семантическое поле становится инструментом анализа в функциональной грамматике. Функционально-семантическое поле определяется следующим образом: «Это группировка разноуровневых средств данного языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих варианты определенной семантической категории. Функционально-семантическое поле (например, аспектуальности, темпоральности, таксиса и др.) рассматривается как языковое представление соответствующих семантических категорий в упорядоченном множестве разноуровневых языковых средств и их функций» (Бондарко 2002. 289).

В такой формулировке находят свое выражение функциональный, семантический и системный аспекты, что отражает сущность подхода, предлагаемого учёным. Полевой подход позволяет представить языковые средства именно как единую систему таких языковых средств, которые в традиционной грамматике оказались бы разделенными по разным уровням и подсистемам, здесь связующим звеном является не только семантика, но и функция. «Каждой языковой единице, помимо формы и значения, присуще имманентное свойство – функция, тот способ, которым она служит построению коммуниката. Характеристика каждой единицы определяется взаимообусловленностью ее формы, значения и функции» (Золотова 2001. 108).

Подобный комплексный подход к языковым явлениям позволяет наиболее полно описать и объяснить их. Поэтому единицы всех уровней языковой системы оказываются объединены в один класс, который дает исследователю

возможность рассмотреть, как связаны язык и речь. Функционально-семантические поля – «это билатеральные единства, включающие план содержания и план выражения. План содержания ФСП детерминруется соответствующей семантической категорией и ее компонентами, а план выражения представлен разнообразными языковыми средствами, служащими (в различных сочетаниях и типах взаимодействия) для реализации функций, относящихся к данной семантической сфере» (Бондарко 2002. 290).

Функционально-семантическая категория коррелирует с категориями мышления, отражая тем самым наше представление о действительности. Функционально-семантическое поле носит языковой характер, структурируется такое поле также с точки зрения языкового содержания. Поэтому рассматриваемые категории уже не понятийные, а именно языковые.

ФСП дает представление о речемыслительной деятельности. Располагая арсеналом средств, в процессе порождения речи, говорящий останавливаясь на каком-то одном из них, которое передает тот или иной оттенок категориального смысла. Более того, в высказывании, как правило, мы имеем дело с актуализацией не одной, а нескольких категорий (персональность, модальность, темпоральность, аспектуальность и т.д.).

В речи каждая из них не реализуется отдельно специальным комплексом средств, а как правило, они представляются связанным и взаимообусловленным комплексом средств, взаимодействующих на разных уровнях языковой системы. Для анализа функционально-семантических полей и механизмов их взаимодействия в речи А.В. Бондарко вводит понятие *категориальная ситуация*. Это «базирующаяся на определенной семантической категории и соответствующем функционально-семантическом поле типовая содержательная структура, представляющая собой один из аспектов передаваемой высказыванием общей сигнификативной (семантической) ситуации» (Бондарко 2002. 291). Как можно заключить из

этого определения, категориальная ситуация также имеет два аспекта – план содержания и план выражения, она рассматривается в направлении от функции к значению, что позволяет лингвистам воссоздать мыслительные процессы в ходе порождения речи. Категориальные ситуации, равно как и функционально-семантические категории пересекаются в высказывании с другими категориальными ситуациями. Это соответствует процессу мышления, механизмы которого сложны и носят комплексный характер.

Взаимодействие категорий и категориальных ситуаций носит системный характер и имеет свои закономерности. Эти закономерности проявляются как в языковой системе, так и в процессе речевой деятельности. Задача лингвистов состоит в том, чтобы выявить и описать их, а также понять соответствующие механизмы мыслительно-речевой деятельности.

Таким образом, функциональная грамматика определяется как системная, она носит интегральный характер, в отличие от традиционных формальных грамматик, задачей которых было представить реестр грамматических формантов, реализующих то или иное грамматическое значение. Здесь грамматика имеет принципиально другие, более комплексные задачи. Сам объект исследования гораздо шире, это «системно-языковые основания грамматики, охватывающие упорядоченное множество грамматических единиц, классов и категорий, их структуру и их связи с лексикой, включают и заложенные в данной системе закономерности функционирования языковых средств, реализующиеся в процессах мыслительно-речевой деятельности» (Бондарко 2002. 293). Для сравнения обратимся к цитате Л.В. Щербы: «с одной стороны, все индивидуальное, существующие в памяти как таковое и по форме никогда не творимое в момент речи – лексика, и с другой стороны – все правила образования слов, форм слов, групп слов и других языковых единств высшего порядка – грамматика. И тот и другой отдел, само собой разумеется, со своей семантикой» (Щерба 2004. 51). Не отрицая факта наличия

семантического значения не только у лексической, но и грамматической подсистемы языка, тем не менее вопрос об интеграции этих двух подсистем на основании их семантического и функционального взаимодействия, Л.В. Щербой еще не ставится. В функциональной грамматике интегральный подход становится основой исследования.

Поэтому принципиальное отличие от традиционной грамматики, требующее функционального подхода, потребовало пересмотра и понятия *грамматическая категория*. В функциональной грамматике предлагается оперировать термином *грамматическое единство*. Оно охватывает «различные типы категорий и разрядов в сфере грамматики. Рассматриваемые единства характеризуются определенными инвариантными признаками (семантическими и / или структурными). В каждом единстве выделяются элементы целого и отношения между ними, т.е. речь идет о множестве элементов, обладающем определенной структурой» (Бондарко 2002. 305). Грамматическое единство, как следует из определения, также носит более системный характер и в большей степени отражает функциональную направленность анализа, чем грамматическая категория.

В результате такого укрупнения грамматики в фокус ее внимания попадает «всё то, что взаимодействует с собственно грамматическими системами в области контекста, целостного текста, речевой ситуации, а также лексики <...>. Все эти элементы, взаимодействующие с системным ядром грамматики, формируют ту среду, в которой существуют категории морфологии и синтаксиса» (Бондарко 2002. 295-296). Такой грамматический подход захватывает не только саму языковую единицу, но и ее окружение, которое отвечает за межкатегориальное взаимодействие. «Исходно-семантический анализ позволяет выйти за пределы «простых и явных» языковых средств, давно изучавшихся грамматикой (грамматических форм с их морфемными элементами и определённых типов синтаксических конструкций), и обратиться

к изучению средств более сложных, связанных с взаимодействием разноуровневых элементов» (Бондарко 2002. 299).

Системно-функциональная грамматика с четко выраженной категориальной доминантой перспективна в силу своей универсальности – функционально-семантические категории обнаруживаются в любом языке, естественным образом отличаться будет лишь система актуализирующих ее средств и способы реализации межкатегориального взаимодействия. Под редакцией А.В. Бондарко в свое время вышла серия работ под общим названием «Теория функциональной грамматики» (ТФГ), в которых последовательно анализировались функционально-семантические категории. Так, аспектуальность, временная локализованность, таксис рассмотрены в (ТФГ 1987), темпоральность, модальность в (ТФГ 1990), персональность, залоговость в (ТФГ 1991), субъектность, объектность, определенность / неопределённость представлены в (ТФГ 1992).

Существует множество работ, посвященных отдельным категориям, так, например категория временной локализованности на материале армянского языка в сопоставительном аспекте с русским языком представлена в (Козинцева 1991), категория таксиса, на материале нескольких языков, рассматривается в (Архипова 2023), на материале славянских языков в (Таксис в славянских языках 2024), категория каузативности (Шустова 2021), категория инструментальности (Меньшакова, Рябкин, Шустова 2025; Яркова 2024; 2025), категория эмотивной каузативности (Афанасьева 2023). Кроме того, с развитием корпусной лингвистики открываются ещё более широкие перспективы. Данные корпусов дают новый толчок для развития функциональной грамматики, поскольку позволяют работать с большим количеством контекстов, позволяют фиксировать реальные употребления языковых единиц, отслеживать динамические изменения в их функционировании, что воссоздаёт более точную картину того, как та или иная категория реализуется в речи.

Заключение

Зародившаяся более тысячи лет назад в умах философов идея о категориях была воспринята многими науками и получила тем самым подтверждение своей состоятельности для научного анализа. В лингвистике категориальный подход безусловно занял важное место в грамматике, научное представление о строе любого языка невозможно без описания морфологических и синтаксических категорий, составляющих его систему.

В теории функциональной грамматики синтезированы не только грамматический и семантический, но и прагматический подходы. К достижениям функциональной грамматики относится разработка понятийно-терминологического аппарата, который отражает функциональную и семантическую направленность как принципиальную основу в исследованиях этой школы. Кроме того, в этой школе решается вопрос о природе понятийных категорий — это надязыковые категории, некий ментальный субстрат, который может быть актуализирован в языке с помощью разноуровневых средств. Лингвистам для изучения подвластны именно они. Актуализаторы категориального значения можно представить как полевую структуру. Средства с ярко выраженной категориальной семантикой составляют центр функционально-семантического поля, чем слабее эта семантика, тем ближе к периферии располагаются языковые единицы. При этом на периферии, как правило, более ярко проявляется способность пересекаться с другими категориями и полями, здесь более частотны случаи межкатегориального взаимодействия на семантическом уровне.

Литература

- 1- Адмони В.Г. (1988). *Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики*. Ленинград: Наука: Ленингр. отд-ние. 238 с.
- 2- Архипова И. В. (2023). *Таксис и межкатегориальное взаимодействие*. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет. 178 с.

- 3- Афанасьева А. А. (2023). *Амбивалентность в функционировании эмотивных каузативов* // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Т. 17, № 2. С. 91-96.
- 4- Бондарко А.В. (2002). *Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка* / Рос. академия наук. Ин-т лингвистических исследований. М.: Языки славянской культуры. 736 с.
- 5- Бондарко А.В. (2004). *Теоретические проблемы русской грамматики*. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербургский государственный университет», 208 с.
- 6- Гулыга Е.В. Шендельс Е.И. (1969). *Грамматико-лексические поля в современном немецком языке*. М.: Просвещение. 184 с.
- 7- Золотова Г.А. (2001). *Грамматика как наука о человеке* // Русский язык в научном освещении. № 1. с. 107–113.
- 8- Золотова Г.А. (2006). *О возможности грамматической науки* // Вопросы языкознания, № 3, с. 14–21.
- 9- Кобозева И.М. (2000). *Лингвистическая семантика*. М.: Эдиторал УРСС. 352 с.
- 10- Козинцева Н.А. (1991). *Временная локализованность действия и ее связи с аспектальными, модальными и таксисными значениями*. Ленинград: Наука. 142 с.
- 11- Меньшакова Н.Н., Рябкин С. А., Шустова С. В. *Актуализация категории инструментальности во фразеологизмах* // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 4-2. С. 193-198.
- 12- *Таксис в славянских языках. Типологический анализ*. (2024). В 2-х томах / Отв. ред. В. С. Храковский, А. Барентсен. М.: Издательский Дом ЯСК. 832 с.
- 13- ТФГ. (1987). – *Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектальность. Временная локализованность. Таксис*. Л.: Наука. 348 с.
- 14- ТФГ (1990). – *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность*. Ленинград: Наука. 264 с.
- 15- ТФГ (1991). – *Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость*. Санкт-Петербург: Наука. 371 с.
- 16- ТФГ (1992). – *Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределённость*. Санкт-Петербург: Наука. 305 с.
- 17- Щерба Л.В. (2004). *Языковая система и речевая деятельность*. Изд. 2-е, стереотипное. М.: Едиториал УРСС. 432 с.
- 18- Шустова С.В. (2021). *Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход*. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС. 248 с.

- 19- Яркова В. В. (2024). Особенности функционирования глаголов поля речи в аспекте актуализации инструментальности // Гуманитарные исследования. История и филология. № 15. С. 53-64.
- 20- Яркова В. В. Дефиниционный анализ глаголов инструментальной семантики // Евразийский гуманитарный журнал. 2025. № 2. С. 10-25.

Bibliography

- 1- Admoni V.G. (1988). *Grammaticheskii stroi kak sistema postroeniya i obshchaya teoriya grammatiki*. Leningrad: Nauka: Leningr. otd-nie. 238 s.
- 2- Arkhipova I. V. (2023). *Taksis i mezhkategorialnoe vzaimodeistvie*. Novosibirsk: Novosibirskii gosudarstvennii pedagogicheskii universitet. 178 s.
- 3- Afanaseva A. A. (2023). *Ambivalentnost v funktsionirovanii emotivnikh kauzativov* // Aktualnie problemi filologii i metodiki prepodavaniya inostrannikh yazikov. T. 17, № 2. S. 91-96.
- 4- Bondarko A.V. (2002). *Teoriya znacheniya v sisteme funktsionalnoi grammatiki: Na materiale russkogo yazika* / Ros. akademiya nauk. In-t lingvisticheskikh issledovani. M.: Yaziki slavyanskoi kulturi. 736 s.
- 5- Bondarko A.V. (2004). *Teoreticheskie problemi russkoi grammatiki*. SPb.: Izd-vo «Sankt-Peterburgskii gosudarstvennii universitet», 208 s.
- 6- Guliga Ye.V. Shendels Ye.I. (1969). *Grammatiko-leksicheskie polya v sovremennom nemetskom yazike*. M.: Prosveshchenie. 184 s.
- 7- Zolotova G.A. (2001). *Grammatika kak nauka o cheloveke* // Russkii yazik v nauchnom osveshchenii. № 1. s. 107–113.
- 8- Zolotova G.A. (2006). *O vozmozhnosti grammaticheskoi nauki* // Voprosi yazikoznaniya, № 3, s. 14–21.
- 9- Kobozeva I.M. (2000). *Lingvisticheskaya semantika*. M.: Editorial URSS. 352 s.
- 10- Kozintseva N.A. (1991). *Vremennaya lokalizovannost deistviya i yee svyazi s aspektualnimi, modalnimi i taksisnimi znacheniyami*. Leningrad: Nauka. 142 s.
- 11- Menshakova N.N., Ryabkin S. A., Shustova S. V. *Aktualizatsiya kategorii instrumentalnosti vo frazeologizmax* // Sovremennaya nauka: aktualnie problemi teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnie nauki. 2025. № 4-2. S. 193-198.
- 12- *Taksis v slavyanskikh yazikakh. Tipologicheskii analiz*. (2024). V 2-kh tomakh / Otv. red. V. S. Khrakovskii, A. Barentsen. M.: Izdatelskii Dom YaSK. 832 s.
- 13- TFG. (1987). – *Teoriya funktsionalnoi grammatiki. Vvedenie. Aspektualnost. Vremennaya lokalizovannost. Taksis*. L.: Nauka. 348 s.
- 14- TFG (1990). – *Teoriya funktsionalnoi grammatiki. Temporalnost. Modalnost*. Leningrad: Nauka. 264 s.

- 15- TFG (1991). – *Teoriya funktsionalnoi grammatiki. Personalnot. Zalogovost.* Sankt-Peterburg: Nauka. 371 s.
- 16- TFG (1992). – *Teoriya funktsionalnoi grammatiki. Subektnost. Obektnost. Kommunikativnaya perspektiva viskazivaniya. Opredelennost / neopredelyonnost.* Sankt-Peterburg: Nauka. 305 s.
- 17- Shcherba L.V. (2004). *Yazikovaya sistema i rechevaya deyatel'nost.* Izd. 2-e, stereotipnoe. M.: Yeditorial URSS. 432 s.
- 18- Shustova S.V. (2021). *Funktsionalnie svoistva kauzativnykh glagolov: dinamicheskii podkhod.* Izd. 3-e. M.: Yeditorial URSS. 248 s.
- 19- Yarkova V. V. (2024). *Osobennosti funktsionirovaniya glagolov polya rechi v aspekte aktualizatsii instrumentalnosti* // Gumanitarnie issledovaniya. Istoriya i filologiya. № 15. S. 53-64.
- 20- Yarkova V. V. *Definitsionnyi analiz glagolov instrumentalnoi semantiki* // Yevraziiskii humanitarnii zhurnal. 2025. № 2. S. 10-25.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Siutkina N. P. & Shustova S. V. (2026). FUNCTIONAL-SEMANTIC CATEGORIES AND FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELDS IN THE SYSTEM OF FUNCTIONAL GRAMMAR. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 121-135.

DOI: 10.61186/IARLL.27.7

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/137>

مقوله‌های کارکردی-معنایی و حوزه‌های کارکردی-معنایی در نظام دستور

زبان کارکردی

نادژدا پاولوونا سیوتکینا^۱

دانشیار، دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرِم،
پرِم، روسیه.

سوتلانا ویکتورونا شوستووا^۲*

استاد، دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرِم،
پرِم، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۶)

چکیده

کانون توجه نویسندگان این مقاله، رویکرد کارکردی در پژوهش‌های زبان‌شناختی به‌طور کلی، و یکی از شاخه‌های این رویکرد، یعنی دستور زبان کارکردی، به‌طور خاص است. رویکرد کارکردی امکان بررسی سازوکارهای نظام زبانی را در پویایی آن و در چارچوب تعامل صورت، محتوا و کارکرد فراهم می‌سازد و این امکان را می‌دهد که واحدهای زبانی در پیوند میان ویژگی‌های معنایی و کاربردشناختی آن‌ها مورد مطالعه قرار گیرند. در دستور زبان کارکردی، مقوله‌های کارکردی-معنایی بررسی می‌شوند؛ این مقوله‌ها واحدهایی پیچیده و دوسویه از حیث محتوا و صورت هستند که محتوای معنایی انتزاعی را بیان می‌کنند. رویکرد مقوله‌ای امکان یکپارچه‌سازی واحدهای سطوح مختلف زبانی را در یک فضای معنایی واحد فراهم می‌آورد. سیطره معنایی یا به عبارت دیگر، محتوای مقوله‌ای، می‌تواند با درجات و گستره‌های متفاوت به وسیله ابزارهای گوناگون زبانی بازنمایی شود. این ابزارها را می‌توان در قالب الگوی حوزه‌ای (میدانی) ترسیم کرد؛ الگویی که امکان نمایش عینی نظام ابزارهای تحقق یک مقوله خاص را فراهم می‌سازد. رویکرد حوزه‌ای اجازه می‌دهد ابزارهای زبانی نه به صورت عناصر پراکنده در سطوح و خرده‌نظام‌های مختلف -آن‌گونه که در دستور زبان سنتی مشاهده می‌شود- بلکه به عنوان یک نظام واحد از ابزارهای زبانی در نظر گرفته شوند؛ نظامی که پیونددهنده عناصر آن نه تنها معنا، بلکه کارکرد نیز هست. ابزارهایی که دارای معنای مقوله‌ای بارز هستند، مرکز حوزه کارکردی-معنایی را تشکیل می‌دهند و هرچه این معنا ضعیف‌تر باشد، واحدهای زبانی به پیرامون حوزه نزدیک‌تر می‌شوند. در ناحیه پیرامونی، معمولاً قابلیت هم‌پوشانی با دیگر مقوله‌ها و حوزه‌ها آشکارتر می‌شود و موارد تعامل میان مقوله‌ای در سطح معنایی با بسامد بیشتری مشاهده می‌گردد.

واژگان کلیدی: مقوله کارکردی-معنایی، حوزه کارکردی-معنایی، مقوله دستوری، وضعیت مقوله‌ای، رویکرد کارکردی، دستور زبان کارکردی.

1. E-mail: nad975@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3099-8102>

2. E-mail: lanaschust@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8318-7864>

* نویسنده مسئول
نوع مقاله: علمی-پژوهشی

THE LITTLE MAN IN AN AGE OF SOCIAL DISASTER (BASED ON A.G. VOLOS'S NOVEL "KHURRAMABAD")

Chetina Elena Mikhailovna^{1*}

Associate Professor, Perm State National Research University,
Perm, Russia

Badiei Khamseh Fard Hananeh Sadat²

PhD Student, Perm State National Research University,
Perm, Russia

(date of receiving: October, 2025; date of acceptance: December 2025)

Abstract

This article explores the traditional Russian literary image of the "little man," as portrayed in Andrei Volos's novel "Khurramabad." The work traces the fates of socially vulnerable people in the post-Soviet space. The authors of the article analyze the vectors of development and transformation of the heroes. Through the prism of three key characters – **Nizom**, **Nikolai Yamninov**, and **Rakhmatulla** – the work reveals three different paths of existence for the "little man" in an era of catastrophe: moral degradation and loss of self under the pressure of circumstances; the acquisition of inner resilience and rebellion against the new "masters of life"; and spiritual resistance to chaos through fidelity to beauty and creative work. The article argues that A. Volos, developing the classical tradition, demonstrates the versatility and ability of the "little man" not only to be a victim of history but also to make moral choices, maintain human dignity, and grow spiritually in inhumane conditions.

Key words: Contemporary Prose, "Little Man", Andrey Volos, "Khurramabad", Post-Soviet Space, Social Catastrophe, Moral Problems, Moral Choice.

1. E-mail: chetina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0659-8862>

* Corresponding author

2. E-mail: hannane.Badiei@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9013-224X>

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК В ЭПОХУ СОЦИАЛЬНЫХ КАТАСТРОФ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА А. Г. ВОЛОСА «ХУРРАМАБАД»)

Четина Елена Михайловна^{1*}

Доцент, Пермский государственный национальный исследовательский
университет
Пермь, Россия

Бадией Хамсех Фард Хананех Садат²

Аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский
университет,
Пермь, Россия

(дата получения: октябрь 2025 г.; дата принятия: декабрь 2025 г.)

Аннотация

Статья посвящена исследованию традиционного для русской литературы образа «маленького человека», представленного в романе Андрея Волоса «Хуррамабад». В произведении прослеживаются судьбы социально незащищенных людей на постсоветском пространстве. Авторы статьи анализируют векторы развития и трансформации героев. Через призму трёх ключевых персонажей – **Низома, Николая Ямнинова и Рахматуллы** – в работе раскрываются три различных пути существования «маленького человека» в эпоху катастроф: моральная деградация и потеря себя под давлением обстоятельств; обретение внутренней стойкости и бунт против новых «хозяев жизни»; духовное противостояние хаосу через верность красоте и созидательному труду. В статье высказывается тезис, что А. Волос, развивая классическую традицию, показывает многогранность и способность «маленького человека» не только быть жертвой истории, но и совершать моральный выбор, сохранять человеческое достоинство и духовно возрастать в бесчеловечных условиях.

Ключевые слова: Современная проза, «маленький человек», Андрей Волос, «Хуррамабад», постсоветское пространство, социальная катастрофа, нравственные проблемы, моральный выбор.

1. E-mail: chetina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0659-8862>

* Ответственный автор

2. E-mail: hannane.Badiei@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9013-224X>

Введение

Тема «маленького человека» занимает особое место в русской литературе, начиная с эпохи Пушкина и Гоголя. Этот образ на протяжении веков сохраняет актуальность, отражая не только социальное положение индивида, но и глубинные морально-философские процессы, происходящие в обществе. В произведениях классиков XIX века «маленький человек» предстает как жертва обстоятельств, беззащитный перед властью и судьбой, но вместе с тем – как носитель нравственной силы, человеческого достоинства и способности к духовному сопротивлению.

Современная литература, сформировавшаяся в эпоху постсоветских катастроф, возвращается к этой теме, придавая ей новые смыслы. Во время распада империй, этнических конфликтов и социальных потрясений писатели конца XX – начала XXI века обращаются к судьбе человека, лишённого опоры в мире, утратившем устойчивость. Одним из ярких представителей этой линии является Андрей Волос, чьё творчество обращено к судьбам жителей Средней Азии и драматическим изменениям социокультурного пространства в переходный период.

Роман А. Волоса *«Хуррамабад»* (2000) стал одним из самых значительных произведений о постсоветском Востоке, в котором пересекаются темы памяти, изгнания, национальной идентичности и человеческой стойкости. Центральное место в этом произведении занимает фигура «маленького человека» – героя, оказавшегося лицом к лицу с исторической катастрофой. На фоне гражданской войны, разрушения привычных связей и ценностей автор исследует, как человек сохраняет или утрачивает внутренний стержень и нравственные ориентиры.

В отличие от классической традиции, где «маленький человек» чаще всего предстал в пассивной роли страдальца, Волос показывает широкий спектр его состояний – от морального падения до духовного возрождения. Судьбы

Низома, Николая Ямнинова и Рахматуллы воплощают три возможных пути существования личности в мире хаоса: деградацию под давлением обстоятельств, внутреннее сопротивление и моральный рост.

Актуальность исследования обусловлена не только обращением к традиции, но и её переосмыслением в новых исторических реалиях. В эпоху социальных и политических кризисов проблема сохранения человеческого достоинства приобретает особое значение. Анализируя образы героев романа «Хуррамабад», можно проследить, как в постсоветской прозе трансформируется понятие «маленького человека» – от социального типа к рефлексизирующему герою.

Цель данной статьи – рассмотреть, как А. Волос развивает и обновляет традиционный образ «маленького человека» в контексте осмысления эпохи социальных катастроф. Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- 1) Определить связь образа «маленького человека» в романе «Хуррамабад» с классической литературной традицией.
- 2) Проанализировать особенности художественного воплощения этой темы через образы Низома, Николая Ямнинова и Рахматуллы.
- 3) Показать, как в прозе А. Волоса реализуется гуманистический потенциал классической традиции, отражающей веру в духовную силу простого человека.

Таким образом, обращение к роману А. Волоса позволяет выявить, каким образом современная литература осмысляет судьбу человека в мире утраченных нравственных и социальных ориентиров, продолжая и одновременно преобразуя вечную тему русской культуры – тему «маленького человека».

Основная часть

Роман Андрея Волоса «Хуррамабад» – одно из ключевых произведений о постсоветской Средней Азии, в котором на фоне этнических конфликтов,

распада империи и гражданской войны раскрываются человеческие судьбы, часто трагические и незаметные. В центре внимания А. Волоса – «маленькие люди» – простые, незащищенные, беспомощные перед лицом истории. Через образы *Низома*, *Николая Ямнинова* и *Рахматуллы* автор раскрывает разные формы существования маленького человека в условиях социальных катастроф.

В русской литературной традиции «маленький человек» представлен как персонаж социально неприметный, лишённый богатства и влияния в обществе. Он часто оказывается в центре трагических или комических обстоятельств, в которых проявляются как его беспомощность, так и внутренняя нравственная сила. «Мал этот человек именно в социальном плане, поскольку занимает одну из нижних ступенек иерархической лестницы. Его место в обществе мало или вовсе незаметно. Человек считается «маленьким» еще и потому, что мир его духовной жизни и притязаний также до крайности узок, обеднен, наполнен всевозможными запретами. Для него не существует исторических и философских проблем. Он пребывает в узком и замкнутом круге своих жизненных интересов» (Шурупова 2014. 120). Е.М.Сокол при описании «маленького человека» в творчестве Гоголя и писателей «натуральной школы» уделяет особое внимание социальным проблемам, в частности, бедности. Современные литературоведы традиционно рассматривают этого героя русской классики как жертву социальных обстоятельств (Сокол 2003. 22). «Маленький человек действительно влачит жалкое существование в «подвале» иерархической лестницы. Однако поскольку «маленькие люди» могут быть причислены к разным слоям общества, сфера их социального действия заметно расширяется» (Гусейнова 2020. 242). М. Эпштейн расширяет контекст понимания и рассматривает образ «маленького человека» как тип литературного героя, восходящий к «аутическому архетипу». Исследователь акцентирует внимание на молчании и косноязычии героев Гоголя и Чехова, их отчужденности от «пугающего мира» (Эпштейн 2014. 120).

С.Г.Бочаров, анализируя тип «маленького человека» в широком историко-культурном контексте, доказывает новаторство русских писателей XIX века. «Именно Пушкин ввел в большую русскую литературу фигуру маленького человека, с его «маленькой», незащищенной и угрожаемой, но человечески-полноценной жизнью, с его человеческой (количественно и качественно) мерой перед большими силами истории и судьбы» (Бочаров 1985. 138). Исследователь доказывает, что с этим образом связана одна из магистральных линий в русской литературе: «Пушкин – Гоголь – Достоевский».

Развивая наблюдения С.Г.Бочарова о художественном новаторстве классиков XIX века, можно проследить, как традиция “маленького человека” переосмысливается в постсоветской прозе. Современные исследователи представляют различные варианты осмысления и художественного воплощения данного литературного типа в русской литературе. Е.В.Алексеевич отмечает расширение семантики и функционального спектра типа «маленького человека» в современной прозе. «В постмодернистской эстетике образ «маленького человека» приобретает абсурдные черты и маргинализируется, отражая утрату традиционных ценностей и моральное разложение общества» (Алексеевич 2024. 90). О.М.Кириллина сопоставляет трактовки «маленького человека» в женской прозе, особое внимание уделяет психологическим проблемам героев, связанным с детством (Кириллина 2010).

Тема «маленького человека» актуально и художественно выразительно представлена в романе «Хуррамабад». Творчество Андрея Волоса, на наш взгляд, недостаточно освещено в современном литературоведении; нуждаются в осмыслении проблемы типологии и обновления классических традиций. Представляя обзор критических работ, посвященных творчеству писателя, Бадией Хамсах Фард отмечает необходимость исследования философской системы писателя и специфики воплощения «восточных» персонажей (Бадией 2024.103).

Историческая катастрофа конца XX века усиливает уязвимость человека: он не управляет событиями, но именно через него раскрываются истинные последствия перемен. «Маленький человек» в романе А. Волоса – это не только социально незначимый персонаж, но и субъект морального выбора, душевного сопротивления или, наоборот, пример моральной деградации. Автор, ориентируясь на классические традиции, показывает героя, совершающего нравственный выбор в эпоху социальных катаклизмов.

Роман «Хуррамабад» состоит из ряда рассказов, описывающих трагические события в Таджикистане. Рассказ «Первый из пяти» посвящён судьбе Низома – простого тракториста, который оказывается вовлечён в гражданскую войну. Через его судьбу автор показывает, как война превращает человека в наёмника, соучастника преступлений. Это повествование том, как «маленький человек», попавший в жернова истории, теряет нравственные ориентиры, а с ними и самого себя.

Низом: деградация во время военных действий

Низом – сельский тракторист, мечтающий о мирной жизни и «Жигулях» для семьи. Он честен, прост, но плохо понимает, что происходит вокруг него. Автор прослеживает его жизненный путь – от пахаря до наёмника, соучастника преступлений. *«Я жрать должен, нет? Детей кормить должен, нет? Кто плотит, там и воюю...»* (Волос 2005. 264).

А. Волос рисует предысторию Низома как череду "везений", кажущейся устойчивости и социальных успехов:

«Они жили в кишлаке под Рухсором... раис приказал записывать на него трудодни... уже стал полноценным трактористом...» (Волос 2005. 251).

С юных лет Низом жил в системе простых понятий: труд – заработок – уважение. Он не мечтал о карьере или богатстве, его целью был собственный

трактор – показатель стабильности, труда, востребованности. Он трудился с раннего возраста, и в этом видел своё счастье. Его путь – путь маленького, но честного человека, который верит: если стараться, жизнь вознаградит.

Однако в этой уверенности уже таится уязвимость. Автор с иронией подчёркивает: «ему повезло», «это тоже было везение» – как бы предсказывая, что везение закончится. Низом живёт по инерции. Его мир – это мир без выбора, но с иллюзией стабильности. После службы в армии герой возвращается в кишлак – и видит, что привычная реальность исчезла. Ему не дали обещанный трактор, исчезают знакомые, а вокруг начинают говорить о политике и демократии, но тракторист не понимает происходящего:

«...поэты читали стихи о бабочках, но всем было ясно, что на самом деле поэты хотели сказать что-то не о бабочках и цветах, а о народе...» (Волос 2005. 253).

Низом ощущает: прежняя система рушится, а новая не имеет для него смысла; мир становится непонятным, пугающим. Герой не в состоянии осмыслить перемены – он пассивный участник социального распада. Писатель подчёркивает недоумение «маленького человека»: «...а правда, почему всё так, а не иначе?..». Это порог осознания, первая трещина в картине мира. Прежде, чем подчиниться «большим людям», герой пытается вести привычный образ жизни. «...его все еще не покидала безнадежная уверенность, что если упрямо двигаться по одному и тому же заведенному кругу, то и жизнь, быть может, в один прекрасный день закрутится по-прежнему» (Волос 2005. 254). Автор прослеживает путь Низома к утрате себя, к деградации. Его «маленькость» здесь – в интеллектуальной и моральной беспомощности перед новой реальностью.

Символично, что с самого начала рассказа героя характеризует отвращение к мясу: «Его звали Низом, а прозвище у него было «постник», потому что

он никогда не ел мяса: когда предлагали, его худое неровное лицо невольно кривилось. Честно говоря, в детстве он ни разу не наедался досыта, но и тогда в рот не брал мясного; его воротило, а старуха Фариджа-биби сказала, что у мальчика хорошая густая кровь, а вот желчь маленько подкачала — жидковата: поэтому от мяса ему и впрямь один вред» (Волос 2005. 251).

Прозвище «постник» задаёт образ физически и духовно уязвимого человека. Мясо – в литературной символике – знак силы, грубости, плотского. Отказ от него – отказ от агрессии, от природы войны. Его физиологические особенности (слабая желчь, как сказано в тексте) подчёркивают неспособность к насилию, внутреннюю уязвимость. Это метафорическое предзнаменование будущей трагедии: Низом оказывается в ситуации, к которой он не приспособлен ни морально, ни физически. Его «маленькость» – не только в социальной уязвимости, но и в неспособности сопротивляться, размышлять, выбирать. Герой, сломленный и озлобленный, превращается в орудие насилия, винтик катастрофы. А. Волос не оправдывает его, но демонстрирует трагедию человека, который не выдержал давления истории. Низом-постник – пример того, как «маленький человек» может окончательно пасть в условиях социальной катастрофы.

Николай Ямнинов: изгнанный и униженный

В центре рассказа «Дом у реки» – Николай Ямнинов, русский инженер, живущий в Таджикистане, который неожиданно для себя оказывается в ситуации социального и нравственного «умаления». Он становится лишним, чужим, нежеланным в краю, где провёл большую часть жизни. Его вытесняет новая реальность, где у него больше нет ни прав, ни будущего. Этот рассказ представляет трагедию русских людей в Средней Азии, которые не могут защитить себя в изменившемся мире.

Фрагмент, в котором Николай стоит на лоджии и сбрасывает решётку в кусты, раскрывает его внутреннюю трагедию – разрушение мечты, крушение его мироустройства. Дом, который он строил семь лет, становится символом утраченного смысла жизни:

«Дом у реки – это была его давняя мечта... Он убил семь лет...Только эти стены, в которые он вложил самого себя» (Волос 2005. 288).

Николай Ямнинов – человек труда, инженер, привыкший планировать, исправлять, созидать. Для него дом – это не просто здание, а воплощение порядка, стабильности, надежды на будущее. Он не мечтает о богатстве или власти – он хочет тишины, покоя, тепла, в которое однажды вернутся жена и дети.

«Когда-нибудь жизнь войдёт в прежние берега... Конечно же, они вернутся...» (Волос 2005. 289).

В этом фрагменте – иллюзия «маленького человека» в момент катастрофы: он отказывается верить в необратимость происходящего, надеется, что всё вернётся на круги своя. Но мир уже разрушен, и он – одинокий строитель среди руин. Сцена, в которой он откручивает решетку и бросает ее, ломая георгины, – это акт разрушения собственной иллюзии:

«Он бросил решетку вниз... и поморщился...Впрочем, это уже не имело никакого значения» (Волос 2005. 290).

Герой осознаёт: всё, во что он вкладывал душу, – больше не нужно никому, даже ему самому. Георгины, задавленные железом, – символ уюта и жизни, разрушенных тяжелой реальностью. Николай не способен встроиться в новый хаотичный мир, где нет места для тихой и основательной жизни. Писатель

создаёт его образ с сочувствием: человек труда, совестливый и стойкий, оказывается чужим на своей земле.

Повествователь показывает эволюцию героя, который отказывается продать дом за бесценок, несмотря на давление новых хозяев города. Накапливаемое внутреннее напряжение Николая, не желающего быть жертвой, приводит к тому, что герой меняется. Он остаётся в городе, из которого все уезжают, выламывается из уготованных ему социальных рамок и решается на отчаянный бунт. *«Они шагали по городу — шагали не быстро и не медленно, а так, как ходят в Хуррамабаде люди, когда идут по делу, — и Ямнинов, занятый своими тяжелыми и злыми мыслями, только угукал иногда, поддерживая разговор»* (Волос 2005. 281).

Герой злится, в нём нарастает чувство несправедливости и готовность к конфликту. Это уже не привычное для «маленького человека» пассивное принятие судьбы, а внутренний вызов. Автор акцентирует внимание на эмоциональном состоянии героя: *«Весь день он старался не вспоминать, не вспоминать, не вспоминать... гнал от себя то, что произошло вчера, потому что сердце стыло и останавливалось... Но теперь он был готов к встрече — и чувствовал себя с ними на равных»* (Волос 2005. 291).

Николай преодолевает страх и становится воином, готовым покарать врагов и умереть. Изгнанный со своей земли человек преодолевает собственную уязвимость и становится хозяином своей судьбы. Таким образом, на примере Николая Ямнинова писатель показывает, что даже «маленький человек» в ситуации крайнего давления способен преобразиться, проявить моральную стойкость. В этом – важный гуманистический смысл рассказа.

«Сирийские розы» – лиричная и философски насыщенная глава романа. Главный герой – Рахматулла, восточный крестьянин, выращивающий редкие розы. В тяжелых условиях он остаётся человеком: хранителем красоты и добра. Рассказ повествует о духовной стойкости «маленького человека»,

который, несмотря на страх и разруху, хочет делиться красотой, быть человеком среди окружающих его «хищников».

Рахматулла: духовный рост во тьме

Садовник Рахматулла – светлый и трогательный образ, позволяющий верить в будущее Хуррабада. Восточный крестьянин, он живёт в гармонии с природой, выращивает розы и верит в силу красоты. Один из ключевых эпизодов, раскрывающих внутренний мир Рахматуллы, – это сцена его утренней работы в саду под взглядом хозяина Карима: *«Стоило оказаться в поле зрения Карима, как возникало тягостное, похожее на страх ощущение...»* (Волос 2005. 308).

Карим – человек власти, Рахматулла – человек земли. Их отношения построены на молчаливом подчинении. Данная социальная установка привычна для Рахматуллы, который смиренно принимает законы выживания. История Рахматуллы композиционно и содержательно дополняет предыдущий рассказ «Дом у реки», где наблюдалось заострение антитезы: «маленький человек» – новые хозяева жизни. Сюжетные линии переплетаются: враг Ямнинова – племянник Карима. Возникает новый спектр ассоциативных связей, связанных с противопоставлением человека и «волков» – преступников, захвативших власть. Автор постепенно возвышает образ садовника, который преодолевает инерцию существования и находит внутреннюю силу – в ритме жизни и труда:

*«Кетмень поднимался и падал... между двумя ударами кетменя...
между двумя шагами...»* (Волос 2005. 310).

Ритмика текста отражает созерцательный восточный мир, в котором человек – часть природы. Рахматулла не стремится победить мир – он вживается в него, ухаживает за ним, делает его лучше. Его жизнь – между

ударами кетменя, между арыками и корнями деревьев, между заходом солнца и ранним утром. Герой существует в согласии с землёй.

«Он снова неторопливо поплевал на ладони... Кетмень вонзался в землю с коротким аханьем...» (Волос 2005. 310).

Работа для него – не наказание и выживание, а созидательный труд. Следующий фрагмент ещё полнее раскрывает Рахматуллу как человека, живущего в ритме земли, среди несправедливости, но не теряющего внутренней опоры: *«Солнце весело играло на листве...»* (Волос 2005. 321).

Забота садовника о яблонях, размышления о цветении, о купоросе, о навозе – это миропонимание человека, для которого земля – живая, значимая сущность. Он спорит с Каримом, потому что чувствует, что землю надо лечить, оберегать. Его страх за сына, которого он прячет от мобилизации, показывает восточное, тихое сопротивление катастрофе: он не бунтует, но защищает своё, насколько может. Его философия проста: человек должен остаться человеком – хотя бы у себя дома. В разговоре с Хуршедом Рахматулла рассказывает притчу о Харута и Марута – падших ангелах. Эта история – оправдание маленьких людей, не сумевших остаться «чистыми» в нечистом мире. Он говорит: «даже ангелы не справились бы – что уж говорить о нас». В словах садовника – философское обоснование восточной терпимости, снисходительности, мудрости.

Андрей Волос рисует Рахматуллу как носителя тихой правды и светлой человечности. Этот «маленький человек», в котором жива великая душа труда и терпения, противопоставлен хаосу и насилию не словами, а своим ежедневным движением кетменя, заботой о розах, вниманием к воде и земле.

Следующий эпизод, в котором Рахматулла ухаживает за розами и рассуждает о своей жизни, раскрывает его как человека, способного воспринимать красоту как ценность, не имеющую практической пользы:

«А всё же ему почему-то приятнее всего ухаживать именно за розами...» (Волос 2005. 345).

Розы – бесполезные в быту, не дающие плодов – становятся символом абсолютной красоты, которую хранит Рахматулла. Это и есть его форма духовной жизни в мире, где правят голод и страх. Контраст между Рахматуллой и его более удачливым родственником Иномом подчёркивает, что богатство не делает человека счастливым. Ином – обеспечен, но зол, отдалён, недружелюбен. А Рахматулла – беден, но полон внутреннего достоинства и уважаем в своей общине. Его «лёгкая рука», которую ценят соседи, – это не только народное поверье, но метафора духовной щедрости и светлого присутствия.

Финальная сцена показывает Рахматуллу в ситуации, где он мог бы почувствовать себя униженным (Карим упрекает его за отказ от чая), но он сохраняет мягкость, искренность и скромное достоинство. Он не спорит, не оправдывается – он говорит просто и правдиво. Здесь проявляется внутренняя свобода «маленького человека», который несет красоту и надежду в мире, где царит грубая сила. Он хочет поделиться розами – как светом и любовью.

Эпизод, в котором Рахматулла беседует с Хуршедом и срывает розу, представляет собой духовную кульминацию его образа. Он сидит на чапане, мечтая о пище и покое, но его разум в это же время устремлён к вечному и непостижимому.

«Она так прекрасна, что, наверное, бессмертна... А красота её — так же непостижима...» (Волос 2005. 363).

Рахматулла думает о розе не как садовник, а как поэт и народный философ. Он осознаёт, что красота не имеет цели, не даёт пользы, но именно поэтому она – высшее проявление Божьей воли. Он не может насытиться её ароматом,

но хочет подарить её другому – Кариму. Это акт нравственного величия «маленького человека», который способен делиться прекрасным. Он хочет сказать: *«Вот розы, Карим-ака, пусть они порадуют ваше сердце»* (Волос 2005. 364).

Это символический жест доброты, мира и красоты. Герой не может спасти мир, но может предложить розу жестокому Кариму. И в этом – его сила. «Никогда, никогда не достичь красоты!» – думает он. Но он всё равно идёт к ней, ухаживает за цветами и хранит красоту. Его бедность не мешает ему быть щедрым, он остается духовно свободным. В образе Рахматуллы представлены идеи гуманизма: герой становится воплощением духовности, сохраняющейся среди разрушающегося мира.

Заключение

Тема «маленького человека», имеющая глубокие корни в русской литературной традиции, в прозе Андрея Волоса получает новое, современное осмысление. В романе *«Хуррамабад»* автор не просто продолжает классическую линию, заложенную Пушкиным, Гоголем, Достоевским, но и переносит её в иную историко-культурную плоскость – постсоветскую эпоху распада, насилия и нравственной неопределённости. В центре повествования оказываются простые люди, столкнувшиеся с катастрофой, перед лицом которой рушатся привычные формы жизни, связи, ценности. Именно на этом фоне проявляется их внутренняя суть – способность к деградации, сопротивлению или духовному росту.

А. Волос показывает, что в экстремальных условиях «маленький человек» перестаёт быть лишь объектом сочувствия или социальной жалости. Он превращается в субъект истории, способный делать моральный выбор, а значит – сохранять человеческое достоинство даже тогда, когда все внешние опоры утрачены. Эта мысль определяет гуманистическую основу романа.

На примере Низома, Николая Ямнинова и Рахматуллы писатель выстраивает своеобразную триаду человеческих судеб, отражающих разные модели существования личности в мире катастрофы. Низом – образ падения, нравственной гибели, когда человек, не выдержав давления обстоятельств, становится соучастником разрушения. Ямнинов – пример сопротивления человека, в котором гнев и чувство справедливости пробуждают мужество и волю к действию. Рахматулла – образ духовного преодоления, кроткого, но внутренне сильного человека, для которого сохранение красоты и добра становится формой противостояния злу. Эти три линии демонстрируют многоуровневость феномена «маленького человека» и богатство его нравственного потенциала.

Таким образом, А. Волос утверждает: даже в мире насилия и распада существует пространство внутренней свободы – то духовное измерение, где человек способен оставаться человеком. Это делает образ «маленького человека» в романе *«Хуррамабад»* воплощением нравственной устойчивости, способности личности сохранять душевное равновесие в эпоху разрушений.

Роман А. Волоса становится своеобразной хроникой человеческого выживания в постсоветской реальности. Его герои – простые люди, несущие в себе память, совесть, способность к любви и состраданию. Именно через них автор говорит о будущем культуры, в которой «маленький человек» остаётся хранителем духовных ценностей, вытесняемых прагматизмом и насилием.

В этом заключается современное звучание классической темы и её непреходящее значение для русской литературы: через судьбу «маленького» раскрывается величие человеческого духа.

Литература

- 1- Алексеевич Е. В. (2024). *Семантика и функциональный спектр литературного типа «маленького человека» в русской прозе рубежа XX – XXI вв* // Красноярский гос. пед. ун-т / Сибирский филологический форум. Т. 29. № 4. С. 90-101.
- 2- Алексеевич Е. В. (2022). *Трансформация образа «маленького человека» в рассказах М. Веллера из цикла «Легенды Невского проспекта» Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машиерова», Витебск Ученые записки. Том 36. С. 171–175.*
- 3- Бадией Хамсех Фард Х. С. (2024). *Творчество Андрея Волоса в современном литературоведении и критике* // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Т. 16, вып. 4. С. 103–113.
- 4- Бочаров С. Г. (1985). *О художественных мирах*. М.: Сов. Россия, 1985. –296 с.
- 5- Волос А. Г. (2005). *Хуррамабад*. М.: Зебра Е. 480 с.
- 6- Гусейнова Н. Н. (2020). *Образы «маленького» человека и «лишнего» человека в литературе XIX века* // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 9. № 3 (32). С. 241–245.
- 7- Кириллина О.М. (2010). *Маленький человек в "женской" прозе*. Русская словесность. № 4. С. 38-43.
- 8- Сокол Е.М. (2003). *«Маленький человек» в творчестве русских писателей 1840-х годов в свете христианской традиции: От Гоголя-к Достоевскому*: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Мос. гос. област. ун-т. М. 24 с.
- 9- Шурупова О. С. (2014). *Образ «маленького человека» в петербургском и лондонском текстах* // Вестник Череповецкого государственного университета, № 4 (57). С.120–123.
- 10- Эпштейн М. (2005). *«Маленький человек в футляре: синдром Баимачкина-Беликова* // Вопросы литературы, № 6. С. 193–203.

Bibliography

- 1- Alekseevich E. V. (2024). *Semantika i funktsional'nyi spektr literaturnogo tipa «malen'kogo cheloveka» v russkoi proze rubezha KhKh – KhKhI vv* // Krasnoiariskii gos. ped. un-t / Sibirskii filologicheskii forum. T. 29. № 4. S. 90-101
- 2- Alekseevich E. V. (2022). *Transformatsiia obraza «malen'kogo cheloveka» v rasskazakh M. Vellera iz tsikla «Legendy Nevskogo prospekta» Uchrezhdenie obrazovaniia «Vitebskii gosudarstvennyi universitet imeni P.M. Mashierova», Vitebsk Uchenye zapiski. Tom 36. S. 171–175.*

- 3- Badiei Khamsekh Fard Kh. S. (2024). *Tvorchestvo Andreia Volosa v sovremennom literaturovedenii i kritike* // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya. T. 16, vyp. 4. S. 103–113.
- 4- Bocharov S. G. (1985). *O khudozhestvennykh mirakh*. M.: Sov. Rossiia, 1985. –296 s.
- 5- Volos A. G. (2005). *Khurramabad*. M.: Zebra E. 480 s.
- 6- Guseinova N. N. (2020). *Obrazy «malen'kogo» cheloveka i «lishnego» cheloveka v literature X I X veka* // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. T. 9. № 3 (32). S. 241–245.
- 7- Kirillina O.M. (2010). *Malen'kii chelovek v "zhenskoi" proze*. Russkaia slovesnost'. № 4. - S. 38-43.
- 8- Sokol E.M. (2003). «*Malen'kii chelovek*» v tvorchestve russkikh pisatelei 1840-kh godov v svete khristianskoi traditsii: Ot Gogolia-k Dostoevskomu: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.01.01 / Mos. gos. oblast. un-t. M. 24 s.
- 9- Shurupova O. S. (2014). *Obraz «malen'kogo cheloveka» v peterburgskom i londonskom tekstakh* // Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta, № 4 (57). S. 120–123.
- 10- Epshtein M. (2005). «*Malen'kii chelovek v futliare: sindrom Bashmachkina-Belikova* // Voprosy literatury, № 6. S. 193–203.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Chetina E. M. & Badiei Khamseh Fard H. S. (2026). THE LITTLE MAN IN AN AGE OF SOCIAL DISASTER (BASED ON A.G. VOLOS'S NOVEL "KHURRAMABAD"). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 137-155.

DOI: 10.61186/IARLL.27.8

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/397>

انسان کوچک در عصر فاجعه‌های اجتماعی (بر اساس رمان «خرم‌آباد» اثر آ. گ. ولوس)

یلنا میخائیلونا چتینا^{۱*}

دانشیار گروه ادبیات روسی، دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم،
پرم، روسیه.

حنانه سادات بدیعی خمه‌فرد^۲

دانشجوی دکتری، دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم،
پرم، روسیه.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به بررسی تصویر سنتی «انسان کوچک» در ادبیات روسیه می‌پردازد؛ تصویری که در رمان «خرم‌آباد» اثر آندری ولوس بازنمایی شده است. در این اثر، سرنوشت انسان‌های آسیب‌پذیر از نظر اجتماعی، در فضای پسا شوروی ترسیم می‌شود. نویسندگان مقاله به تحلیل مسیرهای تحول و دگرگونی شخصیت‌ها می‌پردازند. از رهگذر بررسی سه شخصیت کلیدی (نظام، نیکلای یامنینیف و رحمت‌الله) سه شیوه متفاوت از زیست «انسان کوچک» در عصر فاجعه‌های اجتماعی آشکار می‌گردد: فروپاشی اخلاقی و ازخودبیگانگی تحت فشار شرایط؛ دستیابی به استقامت درونی و طغیان علیه «اربابان جدید زندگی»؛ و سرانجام، مقاومت معنوی در برابر آشوب از طریق وفاداری به زیبایی و کار خلاقانه. در این مقاله این دیدگاه مطرح می‌شود که آ. ولوس با تداوم سنت کلاسیک ادبیات روس، چند بُعدی بودن شخصیت «انسان کوچک» را نشان می‌دهد و اثبات می‌کند که او نه تنها قربانی تاریخ است، بلکه قادر است دست به انتخاب اخلاقی بزند، کرامت انسانی خویش را حفظ کند و حتی در شرایط غیرانسانی، به تعالی معنوی دست یابد.

واژگان کلیدی: نثر معاصر، «انسان کوچک»، آندری ولوس، «خرم‌آباد»، فضای پسا شوروی، فاجعه اجتماعی، مسائل اخلاقی، انتخاب اخلاقی.

1. E-mail: chetina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0659-8862>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

2. E-mail: hannane.Badiei@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9013-224X>

EMOTIONAL AND ASSESSMENT COMPONENT IN THE LANGUAGE IMAGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN AND CHINESE MEDIA SPACE

Bednenko Yulia Igorevna^{1*}

Assistant professor, Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia

(date of receiving: November, 2025; date of acceptance: January, 2026)

Abstract

Artificial intelligence has ceased to be a technology of the future and has now permeated all spheres of society. Consequently, the topic of artificial intelligence is increasingly falling under the close scrutiny of the media. However, behind seemingly similar headlines in Russian media discourse, there lie important distinctive features in how the topic is presented. The empirical basis for this study consisted of 30 headlines from Russian media outlets. The results revealed that Russian discourse is characterized by a pragmatic adaptation to existing challenges. The topic of integration into alternative international structures, such as BRICS and alliances with China and Belarus, takes center stage in Russian media discourse. An analysis of emotionally evaluative language (e.g., "helps," "more effective," "threat") demonstrates its pragmatic focus and a distinct undertone of concern. As a result, a complex image of artificial intelligence is formed: on the one hand, it is a serious external challenge, and on the other, it is a key tool for modernization, solving domestic problems, and strengthening positions within friendly strategic alliances. In contrast, Chinese media discourse frames artificial intelligence as a strategic national project aimed at consolidating the country's position as a global technology leader, which emphasizes a unique "Chinese approach" to the development of this technology.

Keywords: Media Discourse, Artificial Intelligence, Comparative Analysis, Linguistic Worldview, National Narrative, Linguistics.

1. E-mail: Bednenko.yuliya@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5208-5540>

* Corresponding author

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В ЯЗЫКОВОМ ОБРАЗЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ

Бедненко Юлия Игоревна^{1*}

Преподаватель, Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

(дата получения: ноябрь 2025 г.; дата принятия: январь 2026 г.)

Аннотация

Искусственный интеллект перестал быть технологией будущего, на данный момент охвачены все сферы жизни общества. Тема искусственного интеллекта всё чаще оказывается под пристальным вниманием со стороны СМИ. За похожими заголовками в российском медиадискурсе скрываются важные особенности раскрытия темы. Эмпирическую основу исследования составили 30 заголовков российских СМИ. Результаты показали, что российский дискурс представлен прагматичной адаптацией к имеющимся вызовам. В российском медиадискурсе тема интеграции в альтернативные международные структуры, такие как БРИКС и союз с Китаем и Беларусью, занимает центральное место. Анализ эмоционально-оценочной лексики (например: «помогает», «эффективнее», «угроза») демонстрирует её прагматическую направленность и оттенок озабоченности. В итоге формируется комплексный образ искусственного интеллекта: с одной стороны, это серьезный внешний вызов, а с другой — ключевой инструмент для модернизации, решения внутренних задач и укрепления позиций в рамках дружественных стратегических союзов. В китайском медиадискурсе искусственный интеллект репрезентируется в качестве стратегического национального проекта, нацеленного на укрепление позиций страны в качестве мирового технологического лидера, что подчеркивает уникальный, «китайский путь» развития данной технологии.

Ключевые слова: медиадискурс, искусственный интеллект, сопоставительный анализ, языковая картина мира, национальный нарратив, лингвистика.

1. E-mail: Bednenko.yuliya@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5208-5540>

* Ответственный автор

Введение

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется активным внедрением и использованием компьютерных технологий (Палийчук 2022. 72). Мы наблюдаем увеличение научного интереса к проблематике инаковости, идентичности и восприятия «другого» в социокультурном и языковом пространстве (Шустова, Крупский 2025. 4). В каждом языке заключена история и развитие народа, его опыт и способ восприятия действительности (Малахова, Шустова. 43). Одним из ключевых понятий в когнитивной лингвистике является концепт, который имеет сложную структуру (Саакян 2023. 35). Эта структура включает ядро и периферию, состоящую из ассоциаций, эмоциональных и ценностных компонентов.

Искусственный интеллект на сегодняшний день является одной из наиболее динамично развивающихся областей науки и техники, оказывающей все большее влияние на различные аспекты жизни человека (Бедненко 2025. 32). Искусственный интеллект представляется не просто технологией, а активным, одушевлённым существом, способным оказать влияние на человечество, принести ему или гибель, или необыкновенное развитие (Клементьева 2022. 18). На современном этапе развития научной мысли нет сомнения в том, что эмоция является неотъемлемой составляющей сущности человека, оказывающей влияние на его деятельность и отношения с окружающей действительностью (Бай Линсяо 2023. 59). Одними из главных источников информации на сегодняшний день являются СМИ. Современный медиадискурс характеризуется многообразием приемов, средств и особенностями вербальной реализации, к которым можно отнести лексическое разнообразие, эмоционально-экспрессивные средства, интертекстуальность, приемы речевого воздействия (Шалгина, Зеленина 2019. 44). В связи с этим, представляется важным понять, как репрезентуется концепт ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ в современном медиадискурсе.

Основная часть

Для исследования были проанализированы 30 заголовков российских СМИ в интернет-пространстве. Поиск осуществлялся в поисковой системе google.com 07.10.2025 г., выбран раздел «Новости». Ключевое словосочетание определено, как «Искусственный интеллект», рассматривались все результаты за последний месяц. По итогам анализа выявлено, что две трети заголовков освещают искусственный интеллект в положительном или нейтральном ключе, акцентируя внимание на практическую пользу внедрения искусственного интеллекта в повседневную жизнь человека. Все заголовки разделены на тематические блоки.

1. РИСКИ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ

В условиях, когда искусственный интеллект может принимать решения, возникает вопрос о нашей ответственности за его действия (Бедненко 2025. 108). Примеры данного блока говорят о том, что искусственный интеллект представляется как осознаваемый вызов, на который уже есть реакция или ищутся решения. Явно прослеживается тема необходимости контроля со стороны государства, а значит риски переводятся в плоскость задач. Осознание угроз сочетается с желанием сохранить ключевые позиции в руках человека.

[1] Уфимцы – за маркировку искусственного интеллекта. Почему жители города больше хотят общаться с «живыми» сотрудниками?

[2] Люди больше не могут отличить голос ИИ от голоса реального человека.

[3] Физику преподает Эйнштейн, пьесы разбирает Чехов: заменит ли искусственный интеллект учителей.

[4] Искусственный интеллект хотят взять под контроль.

[5] Угроза человечеству или гарантия безопасности? В Совбезе обсудили будущее ИИ.

[6] Искусственный интеллект как новая реальность кибербезопасности.

[7] Дочь Робина Уильямса пожаловалась на ролики с актером, созданные ИИ.

[8] Компьютерный ужас Голливуда. Американских кинозвезд напугала Тилли Норвуд — актриса, созданная искусственным интеллектом.

[9] О сути здравого смысла и применимости его в искусственном интеллекте.

[10] РУВИКИ внедряет технологии искусственного интеллекта для обновления энциклопедии. Роль экспертов остается в центре работы с контентом.

Центральную тему большинства заголовков характеризует лексика, связанная с противопоставлением «человеческого» («живые сотрудники» [1], «реальный человек» [2], «эксперты» [10], имена исторических личностей [3] и представителей творческих профессий [7, 8]) и «искусственного» (ИИ [2,5,7], «голос ИИ» [2], «актриса, созданная искусственным интеллектом» [8], «ролики, созданные ИИ» [7]). Кроме того, лексика в данной группе носит эмоционально окрашенный негативный тон («угроза» [5], «ужас [8]», «напугала [8]», «пожаловалась» [7], «здравый смысл» [9], «контроль» [4]).

2. ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС

Основными нарративами данного блока является фокус на оптимизацию, трансформацию и легитимность. Заголовки демонстрируют практическую пользу в повседневной жизни и в ключевых для страны секторах экономики.

[11] ИИ стал самой преобразующей технологией десятилетия, и ни для кого не секрет, что он помог цепочкам поставок стать более эффективными.

[12] ИИ для малого бизнеса: как нейросети помогают компаниям работать эффективнее.

[13] Больше половины россиян поддержали использование искусственного интеллекта в банковской сфере.

[14] Искусственный интеллект в фармацевтике: от миллионов молекул до революции в клинических исследованиях.

[15] Искусственный интеллект помогает составить правильное меню для пациентов с больным желудком.

[16] Презентован первый отраслевой документ по ИИ: «Белая книга» Искусственный интеллект в сфере транспорта и логистики.

[17] Как искусственный интеллект помогает создавать визуалы для SMM.

[18] Медучреждения в регионах стали охотнее использовать медицинские изделия с искусственным интеллектом.

Отметим, что в данной группе преобладают слова с очевидной позитивной коннотацией: «помог» [11], «помогает» [15, 17], «поддержали» [13], «преобразующая технология» [11], «эффективными» [11]. Использование искусственного интеллекта является необходимым условием для повышения конкурентоспособности бизнеса и развития различных отраслей экономики.

3. ОБРАЗОВАНИЕ И ПОДДЕРЖКА ТАЛАНТОВ

Данный блок демонстрирует системную стратегию формирования кадрового потенциала в России в сфере искусственного интеллекта.

[19] Начался конкурс «Креативное Поколение» – федеральный хакатон креативных ИИ-проектов.

[20] Холмские школьники научились проектировать ИИ-агентов.

[21] При участии МИФИ прошёл марафон «Знание.Первые» по технологиям искусственного интеллекта для молодёжи Ненецкого округа.

[22] В Коврове открыли клуб, где детей учат пользоваться искусственным интеллектом.

[23] Альфа-Банк стал генеральным партнером направления ИИ олимпиады «Я – профессионал».

[24] Более половины учителей информатики в России хотят освоить работу с искусственным интеллектом.

[25] 19-летний стартапер разработает системы памяти на основе ИИ.

Заголовки данной группы охватывают такие вопросы, как массовое просвещение, ранняя профориентация, выявление талантов, подготовка кадров. В описании преобладают глаголы «начался» [19], «научились» [20], «открыли» [22], «хотят освоить» [24]. Это всё указывает на динамичность и развитие системы подготовки кадров для обеспечения технического суверенитета России в сфере искусственного интеллекта.

4. ГОСУПРАВЛЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Эта группа заголовков демонстрирует системный подход к интеграции искусственного интеллекта в систему международного, государственного и регионального управления.

[26] Опыт Амурской области по применению искусственного интеллекта предложили тиражировать в регионах.

[27] В работу Ситуационного центра губернатора будет внедрен искусственный интеллект.

[28] Алгоритмы у власти: как искусственный интеллект получает политический и административный статус.

[29] Белоруссия планирует вместе с Китаем заняться искусственным интеллектом.

[30] На форуме о будущем городов БРИКС обсудили роботизацию и искусственный интеллект.

Лексика данной группы в заголовках становится официально-деловой. Присутствуют термины, характерные для отчётов и стратегий («тиражировать опыт» [26], «внедрен в работу» [27]). Упоминаются конкретные страны и объединения («Белоруссия», «Китай» [29], «БРИКС» [30]). Дискурс данной

группы указывает на то, что Россия активно строит собственную экосистему искусственного интеллекта, интегрированную в дружественные международные структуры.

Важно отметить, что в исследуемом материале отсутствует лексика, связанная с «языком вражды». Речевая агрессия в качестве яркого экспрессивного средства достаточно активно влияет на читателей, формируя отрицательное восприятие личностей, фактов или событий, создавая при этом оценки массового сознания (Фомичева 2023. 79). Ярких отрицательных эмоциональных оценок зафиксировано не было, что говорит о преобладании нейтральных коннотаций.

Также были проанализированы 30 заголовков китайских СМИ в интернет-пространстве. Поиск осуществлялся в китайской поисковой системе baidu.cn 09.10.2025 г., выбран раздел «Новости». По итогам анализа все заголовки были разделены на 4 блока.

1. РИСКИ И ЭТИЧЕСКИЕ ДИЛЕММЫ

В данный блок отнесены заголовки, связанные с вопросами рисков и этики. Для него оказались характерны следующие черты: привлечение авторитетных мнений для снятия напряжения в обществе; культура рассматривается как неприкосновенная человеческая территория; постановка открытых вопросов для обсуждения; наличие ответов на имеющиеся вызовы со стороны государственного регулирования.

[1] Глава Банка Англии призвал с открытостью оценивать возможности и риски ИИ (英国央行行长敦促以开放态度审视人工智能的机遇与风险).

[2] Член ФРС Дейли: нет свидетельств массового замещения рабочих мест ИИ (美联储官员戴利:没有看到人工智能大规模取代工作的证据).

[3] С приходом ИИ: отнимет ли он работу у людей? (AI来了,会抢走人类工作吗?_新闻频道_央视网(cctv.com)).

[4] Может ли искусственный интеллект быть «автором»? (人工智能可否成为“作者”).

[5] Кинокритика сегодня | Чэнь Юй: ИИ не творит, а производит (今日影评 | 陈宇:人工智能不是创造,而是制造).

[6] Цю Тин | Применение и вызовы искусственного интеллекта в китайской живописи тушью (丘挺|人工智能在中国水墨画中的应用与挑战).

[7] ИИ — это возможность и вызов: эксперты建议需要从各方面强化监管需
усилить регулирование по всем направлениям (人工智能是机遇更是挑战
专家建议需要从各方面强化监管).

[8] Битва человечества с ИИ! «Создатель ИИ» представил трейлер с
субтитрами (人类大战人工智能!《A.I.创世者》发布中字预告).

[9] «Искусственный интеллект: возможности и вызовы времени», четвертая
серия «Долгий путь» (《人工智能:时代的机遇和挑战》第四集《远行》).

Лексика в данной группе структурирует риски: «не творит, а производит»
[5], «возможности и риски» [1], «открытость» [1], «регулирование» [7].
Вопросы о замещении рабочих мест и авторстве поднимаются, но сразу
сопровождаются смягчающими контекстами («нет свидетельств» [2],
«эксперты предлагают» [7]).

2. ЭКОНОМИКА И БИЗНЕС

Для данного блока характерны следующие черты: глобальная
интегрированность; региональное воплощение национальной стратегии;
смещение акцента «угрозы» на «перспективы»; прослеживается в действии
стратегия «капитализм с китайской спецификой» — частные инновации
признаются, но конечная цель и рамки их применения задаются государством
для обеспечения качественного развития всей нации.

[10] Акции IBM выросли в премаркете на фоне соглашения с Anthropic о
корпоративном ПО на базе ИИ (IBM股价盘前大涨
与Anthropic达成企业级人工智能软件合作协议).

[11] Экономическая политика Трампа зависит от инвестиций в ИИ, эксперты предупреждают о росте рисков (特朗普经济政策依赖人工智能投资, 专家警告风险加剧).

[12] OpenAI представляет AgentKit для помощи разработчикам в создании и развертывании ИИ-агентов (OpenAI推出AgentKit, 助力开发者构建并部署人工智能智能体).

[13] Для ускорения внедрения ИИ в Сычуани подписано 13 крупных промышленных проектов (推动人工智能加速落地, 四川签约13个重大产业项目).

[14] Быстрое развитие ИИ открывает новые возможности для занятости (人工智能快速发展 打开就业新空间).

[15] Шэньчжэнь: ускорение высококачественного развития и высокоуровневого применения ИИ (深圳:加快推动人工智能高质量发展、高水平应用).

[16] 5G, ИИ, центры обработки данных... Новая инфраструктура способствует качественному экономическому и социальному развитию (5G、人工智能、数据中心.....新型基础设施建设赋能经济社会高质量...).

[17] Открытие новых горизонтов в сфере культуры и туризма с помощью искусственного интеллекта (用人工智能打开文旅新空间).

Лексика данного блока носит прагматичный характер с ориентацией на рост и внедрение: «внедрение» [13], «развитие» [14], «ускорение» [15], «высококачественное развитие» [15], «промышленные проекты» [13], «новая инфраструктура» [16], «открывает новые возможности для занятости» [14].

3. ГОСУПРАВЛЕНИЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

В данном блоке собраны заголовки, связанные с инициативами и мнениями государственных структур в отношении использования искусственного интеллекта. Демонстрируется активно работающая система внутреннего

регулирования, а также участие Китая в формировании повестки на международном уровне.

[18] Китайское правительство предложило, чтобы «ИИ+» вышел на уровень ООН (中国政府提出,“人工智能+”登上联合国).

[19] Объединение усилий через «ИИ+» для создания новой картины разумного добра и глобальной выгоды (以“人工智能+”凝聚合力共绘智能向善、全球共赢新蓝图).

[20] Мнение Госсовета о глубоком внедрении инициативы «ИИ+» (国务院关于深入实施“人工智能+”行动的意见).

[21] ЕС представил первую в мире всеобъемлющую версию «Закона об ИИ» для регулирования ИИ (全球首部全面监管AI欧盟版《人工智能法案》出炉).

[22] Ориентация на человека, многостороннее управление: предложение Китая по глобальному управлению ИИ (以人为本、多方共治,为全球人工智能治理提供中国方案).

[23] Реализация «Инициативы по глобальному управлению ИИ» и укрепление глобального управления искусственным интеллектом (落实《全球人工智能治理倡议》加强人工智能全球治理).

[24] Пекин добавил 3 одобренные генеративные ИИ-услуги, завершившие процесс регистрации (北京市新增3款已完成备案的生成式人工智能服务).

[25] Силы Китая в области цифровой безопасности превращают чертежи управления ИИ в глобальное благо (中国数字安全力量,正在把人工智能治理蓝图变成全球普惠).

В данной группе в заголовках представлена по большей части идеологическая и геостратегическая лексика: «Госсовет» [20], «глобальное управление» [23], «предложение Китая» [22], «ориентация на человека» [22], «разумное добро» [19], «глобальное благо» [25].

4. ОБРАЗОВАНИЕ И ПОДДЕРЖКА ТАЛАНТОВ

В данный блок вошло меньшее количество заголовков, тем не менее, тема представлена, а это означает планомерный интерес к вопросам образования в данной сфере. Технологический суверенитет невозможен без подготовки национальных кадров, которые способны применять и создавать технологии в рамках китайской системы ценностей.

[26] Китай продвигает междисциплинарное обучение «ИИ+X» — перспективы занятости в сфере ИИ повышают популярность специальностей (我国推动“AI+X”跨界人才培养 人工智能就业前景让相关专业热度...).

[27] Запуск ежегодного конкурса ИИ 2025! 3 направления, 5 категорий наград — ищем лидеров эпохи «ИИ+» (2025人工智能年度评选启动! 3大维度5类奖项, 正在寻找AI+时代领航者).

[28] Он — основоположник области искусственного интеллекта в Китае (他, 中国人工智能领域奠基者).

[29] План действий «Искусственный интеллект + образование» опубликован в провинции Шэньси (陕西“人工智能+教育”行动计划出炉).

[30] Провинция Хэбэй будет развивать ключевые сценарии применения искусственного интеллекта в образовании (河北将培育人工智能教育重点应用场景).

Ключевыми терминами данной группы являются «междисциплинарное обучение» [26], «план действий» [29], «сценарии применения» [30], «основоположник» [28], что указывает на системный подход к подготовке кадров.

Осуществив сопоставительный анализ русского и китайского медиадискурса, можно выявить как сходные, так и отличающиеся черты, которые отражают специфику двух стран в отношении искусственного интеллекта на современном этапе.

Оба дискурса организуются вокруг идентичных тематических блоков. Это говорит о том, что данная тема одинаково представлена и требует осмысления

во всех ключевых сферах жизни общества. И в российских, и в китайских СМИ доминируют нейтрально-позитивные коннотации. Искусственный интеллект представляется как инструмент для решения практических задач. Кроме того, в обоих медиадискурсах присутствует необходимость внимательного регулирования в данной сфере, риски не отрицаются и вопросы этики осознаются. Необходимо отметить, что в заголовках отсутствуют фразеологизмы, хотя принято считать, что фразеологизмы являются мощным средством языкового воздействия (Зубарева, Хамадиев 2023. 59).

Заключение

В российском медиадискурсе акцент чаще ставится на внутренние задачи (опыт Амурской области, Холмские школьники), также поднимаются вопросы интеграции в альтернативные структуры. Обсуждается сотрудничество в рамках БРИКС, с Беларусью, Китаем. Эмоционально-оценочная лексика российского медиадискурса носит практический характер, чаще отмечаются взволнованность («Помогает», «эффективнее», «угроза», «хотят общаться с “живыми”».)

В китайском медиадискурсе акцент ставится на международное лидерство («ИИ+» на уровень ООН», «глобальное управление ИИ»). Также происходит позиционирование страны как создателя норм и поставщика «китайского решения» для глобального управления.

В китайском дискурсе присутствует идеологически-окрашенная лексика («Качественное развитие» (高质量发展), «глобальная выгода» (全球共赢), «разумное добро» (智能向善).

Таким образом, российский медиадискурс представляет искусственный интеллект как мощный внешний вызов и инструмент, который необходимо адаптировать для решения внутренних проблем, повышения эффективности и интеграции в дружественные международные альянсы.

Китайский медиадискурс представляет искусственный интеллект как национальный проект и шанс для утверждения страны в качестве глобального технологического лидера, добавляя к вопросу «китайскую специфику».

Литература

- 1- Бай Линсяо (2023). *Категория эмотивности в философии и лингвистике* // Гуманитарные исследования. История и филология. № 10. С. 59-64.
- 2- Бедненко Ю. И. (2025). *Репрезентация концепта «Искусственный интеллект» в национальном корпусе русского языка* // Евразийский гуманитарный журнал. № 1. С. 30-41.
- 3- Бедненко Ю. И. (2025). *Искусственный интеллект и проблема сознания: философские и лингвистические аспекты* // Гуманитарные исследования. История и филология. № 1. С. 103-113.
- 4- Зубарева Е. О., Хамадиев М. И. (2023). *Репрезентация концептосферы migration в английской фразеологии* // Миграционная лингвистика. № 5. С. 59–70.
- 5- Клементьева А. А. (2022). *К вопросу о функционировании термина искусственный интеллект в современном научном и публицистическом дискурсе* // Мир русского слова. № 4. С. 14-23.
- 6- Малахова Е. В., Шустова С. В. (2023). *Репрезентация концептов МИГРАЦИЯ / МИГРАНТ во фразеологии русского языка* // Миграционная лингвистика. № 5. С. 43–58.
- 7- Палийчук Д. А. (2022). *Корпусные технологии в лингвистических исследованиях* // Гуманитарные исследования. История и филология. № 6. С. 72–79.
- 8- Саакян А. А. (2023). *Репрезентация концепта МИГРАЦИЯ в национальном корпусе русского языка* // Миграционная лингвистика. № 5. С. 35–42.
- 9- Фомичева Я. А. (2023). *Модель ассоциативно-вербального поля категории «язык вражды»* // Гуманитарные исследования. История и филология. № 10. С. 79–92.
- 10- Шалгина Е. А., Зеленина Т. И. (2019). *Репрезентация концепта "милосердие" в паремиях (на материале французского миграционного медиадискурса)* // Миграционная лингвистика. №1. С. 43-55.
- 11- Шустова С. В., Крупский З. Д. (2025). *Языковая репрезентация концепта autre в словарях* // Миграционная лингвистика. № 7. С. 4–20.

Bibliography

- 1- Bai Linsiao (2023). *Kategoriia emotivnosti v filosofii i lingvistike* // Gumanitarnye issledovaniia. Istoriia i filologiya. № 10. S. 59-64.
- 2- Bednenko Iu. I. (2025). *Reprezentatsiia kontsepta «Iskusstvennyi intellekt» v natsional'nom korpuse russkogo iazyka* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 1. S. 30-41.
- 3- Bednenko Iu. I. (2025). *Iskusstvennyi intellekt i problema soznaniia: filosofskie i lingvisticheskie aspekty* // Gumanitarnye issledovaniia. Istoriia i filologiya. № 1. S. 103-113.
- 4- Zubareva E. O., Khamadiev M. I. (2023). *Reprezentatsiia kontseptosfery migration v angliiskoi frazeologii* // Migratsionnaia lingvistika. № 5. S. 59–70.
- 5- Klement'eva A. A. (2022). *K voprosu o funktsionirovanii termina iskusstvennyi intellekt v sovremennom nauchnom i publitsisticheskom diskurse* // Mir russkogo slova. № 4. S. 14-23.
- 6- Malakhova E. V., Shustova S. V. (2023). *Reprezentatsiia kontseptov MIGRATsIIa / MIGRANT vo frazeologii russkogo iazyka* // Migratsionnaia lingvistika. № 5. S. 43–58.
- 7- Paliichuk D. A. (2022). *Korpusnye tekhnologii v lingvisticheskikh issledovaniakh* // Gumanitarnye issledovaniia. Istoriia i filologiya. № 6. S. 72–79.
- 8- Saakian A. A. (2023). *Reprezentatsiia kontsepta MIGRATsIIa v natsional'nom korpuse russkogo iazyka* // Migratsionnaia lingvistika. № 5. S. 35–42.
- 9- Fomicheva Ia. A. (2023). *Model' assotsiativno-verbal'nogo polia kategorii «iazyk vrazhdy»* // Gumanitarnye issledovaniia. Istoriia i filologiya. № 10. S. 79–92.
- 10- Shalgina E. A., Zelenina T. I. (2019). *Reprezentatsiia kontsepta "miloserdie" v paremiiakh (na materiale frantsuzskogo migratsionnogo mediadiskursa)* // Migratsionnaia lingvistika. №1. S. 43-55.
- 11- Shustova S. V., Krupskii Z. D. (2025). *Iazykovaia reprezentatsiia kontsepta autre v slovoriakh* // Migratsionnaia lingvistika. № 7. S. 4–20.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Bednenko Y. I. (2026). EMOTIONAL AND ASSESSMENT COMPONENT IN THE LANGUAGE IMAGE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE RUSSIAN AND CHINESE MEDIA SPACE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 157-172.

DOI: 10.61186/IARLL.27.9

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/398>

مؤلفه عاطفی - ارزشی در تصویر زبانی هوش مصنوعی در فضای رسانه‌ای

روسیه و چین

یولیا ایگوریونا بدنینکو^{*}

استادیار، دانشگاه دولتی علوم انسانی روسیه،

مسکو، روسیه

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۶)

چکیده

هوش مصنوعی دیگر فناوری آینده محسوب نمی‌شود و در حال حاضر تمامی عرصه‌های زندگی اجتماعی را دربر گرفته است. موضوع هوش مصنوعی هر روز بیشتر در کانون توجه رسانه‌ها قرار می‌گیرد. در پس تیتراهای به‌ظاهر مشابه در گفتمان رسانه‌ای روسیه، ویژگی‌های مهمی از نحوه‌ی بازنمایی این موضوع نهفته است. مبنای تجربی این پژوهش را ۳۰ عنوان خبری از رسانه‌های روسیه تشکیل می‌دهد. نتایج نشان می‌دهد که گفتمان روسی با رویکردی عمل‌گرایانه به سازگاری با چالش‌های موجود می‌پردازد. در گفتمان رسانه‌ای روسیه، مسئله ادغام در ساختارهای بین‌المللی جایگزین، نظیر بریکس، و همچنین اتحاد با چین و بلاروس، جایگاهی محوری دارد. تحلیل واژگان عاطفی - ارزشی (برای نمونه: «کمک می‌کند»، «کارآمدتر»، «تهدید») جهت‌گیری عمل‌گرایانه آن‌ها و نوعی لحن نگرانی را نشان می‌دهد. در نتیجه، تصویری چندوجهی از هوش مصنوعی شکل می‌گیرد: از یک‌سو، این فناوری به‌عنوان یک چالش جدی خارجی مطرح می‌شود و از سوی دیگر، به‌مثابه ابزاری کلیدی برای نوسازی، حل مسائل داخلی و تقویت جایگاه کشور در چارچوب اتحادهای راهبردی دوستانه تلقی می‌گردد. در گفتمان رسانه‌ای چین، هوش مصنوعی به‌عنوان یک پروژه راهبردی ملی بازنمایی می‌شود که هدف آن تحکیم موقعیت این کشور به‌عنوان رهبر جهانی فناوری است؛ امری که بر مسیر توسعه منحصربه‌فرد و «راه چینی» این فناوری تأکید دارد.

واژگان کلیدی: گفتمان رسانه‌ای، هوش مصنوعی، تحلیل تطبیقی، تصویر زبانی جهان، روایت ملی، زبان‌شناسی.

^{*} نویسنده مسئول 1. E-mail: Bednenko.yuliya@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0008-5208-5540>

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

MANIFESTATION OF INTERFERENCE IN RUSSIAN SPEECH OF TAJIK LANGUAGE NATIVES

Odinaeva Maftuna Tolibovna^{1*}

PhD Student, Tajik National University,

Dushanbe, Tajikistan

(date of receiving: May 2025; date of acceptance November 2025)

Abstract

The article discusses the manifestation of the phenomenon of interference in Russian language classes. The phenomenon of interference arises as a result of interlingual interaction in conditions of a language environment that is different for the student when studying a language other than their native one. This is a complex psycholinguistic phenomenon caused at the level of linguistic consciousness by the overlap of models of two different languages. Interference is a natural phenomenon when learning and using multiple languages, and understanding this phenomenon can help one better learn and use languages. The study of the phenomenon of interference is of great importance for the methodology of teaching non-native and foreign languages. To select a system of exercises to eliminate interference in the Russian speech of bilinguals, it is necessary to understand the mechanism of its occurrence. If we consider the phenomenon of interference in the context of the linguistic aspect, then this may mean the influence of one language on another during their interaction. It occurs when two or more languages come into contact or interact with each other in a particular environment, such as in multilingual societies or in bilingual education. A methodological consideration of interference from a linguistic perspective allows us to better understand how different languages interact with each other and how this process can influence language interaction, learning, and communication. A teacher working with Tajik students must select a system of exercises for mastering grammatical categories of the Russian language that will help students avoid the influence of their native language in reproducing Russian speech, taking into account the grammatical features of the language being studied. Depending on the difficulties Tajik students experience in mastering the Russian language, various types of interference influence of the native language on the target language arise. Accordingly, in Russian language lessons, students should be given the types of tasks and exercises that will help them acquire the skills of correct Russian speech.

Keywords: Interference, Bilingualism, Native Tajik Speaker, Russian Language Classes, Multilingualism, Russian Speech Culture, Native Language.

1. E.mail: maftuna.odinaeva@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0001-0147-6364>

* Corresponding author

ПРОЯВЛЕНИЕ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ В РУССКОЙ РЕЧИ НОСИТЕЛЕЙ ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКА

Одинаева Мафтунa Толибовна^{1*}

Аспирант, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан

(дата получения: май 2025 г., дата принятия ноябрь 2025 г.)

Аннотация

В статье говорится о проявлении явления интерференции на занятиях русского языка. Явление интерференции возникает в результате межъязыкового взаимодействия условиях иной для обучающегося языковой среды, при изучении другого, неродного языка. Это сложное психолингвистическое явление, обусловленное на уровне языкового сознания наложением моделей двух разных языков. Интерференция является естественным явлением при обучении и использовании нескольких языков, и понимание этого явления может помочь лучше освоить и применять языки. Изучение явления интерференции имеет большое значение для методики преподавания иностранных языков. Для выбора системы упражнений по устранению интерференции в русской речи билингвов необходимо уяснить механизм ее возникновения. Если рассматривать явление интерференции в контексте языкового аспекта, то это может означать влияние одного языка на другой при их взаимодействии. Это происходит, когда два или более языка соприкасаются или взаимодействуют друг с другом в определенной среде, например, в многоязычных обществах или при билингвальном обучении. Методическое рассмотрение интерференции в языковом аспекте позволяет лучше понять, как различные языки взаимодействуют между собой и как этот процесс может влиять на языковое взаимодействие, обучение и коммуникацию. Учитель, работая с таджикскими учащимися, должен подбирать такую систему упражнений по усвоению грамматических категорий русского языка, которая поможет учащимся избежать влияния родного языка в воспроизведении русской речи, учитывая грамматические особенности изучаемого языка. В зависимости от того, какие трудности испытывают таджикские учащиеся при усвоении русского языка, возникают различные виды интерферентного влияния родного языка на изучаемый язык. Соответственно, на уроках русского языка следует давать учащимся такие виды заданий и упражнений, которые помогут им получить навыки правильной русской речи.

Ключевые слова: интерференция, билингвизм, носитель таджикского языка, занятия по русскому языку, многоязычие, культура русской речи, родной язык.

1. E.mail: maftuna.odinaeva@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0001-0147-6364>

* Ответственный автор

Введение

У народов разных национальностей в результате установления регулярных экономических и культурных отношений возникает необходимость в овладении языком соседнего народа. С развитием общества, с ростом производительных сил связи между народами усиливаются, растет подвижность населения и, следовательно, развивается потребность в распространении билингвизма.

С каждым днем всё больше возрастают духовные запросы граждан, которые не ограничиваются рамками своей национальной культуры, что стимулирует развитие билингвизма. С точки зрения социальных наук билингвизм отражает процесс аккультурации, происходящий у носителей двуязычия.

Методологической основой данного исследования послужили положения психолингвистики, теории межъязыковой интерференции, контрастивной лингвистики и методики преподавания русского языка как неродного. Исследование носит комплексный характер и опирается на сочетание теоретических и эмпирических методов.

Применение комплексной методологии позволило выявить характер и причины межъязыковой интерференции в русской речи таджикских билингвов, определить наиболее уязвимые грамматические категории и обосновать методически целесообразную систему упражнений, направленную на минимизацию влияния родного языка при формировании русской речи учащихся.

Основная часть

Ярким примером взаимовлияния и взаимопроникновения являются русский и таджикский языки. Наши народы в течение длительного времени живут по соседству друг с другом, имеют общую историю, поэтому естественно, что в словарном составе этих языков появилось много заимствований.

Билингвизм оказывает влияние на развитие современных литературных языков. В зависимости от объективной необходимости знания второго языка находится и вопрос изучения этого языка в школе. В таджикской школе, где обучение на родном языке ведется в объеме программы средней школы, дети успешно овладевают знаниями основ наук на таджикском языке.

Развитие билингвизма в таджикских школах происходит через разрешение противоречий как лингвистических, так и методических.

Очевидно, если родители желают обучать своих детей на русском языке с первого класса в условиях отсутствия русской языковой среды, педагогически целесообразно постепенно готовить детей к такому обучению. Для этого необходимо не только сохранить в учебном плане родной язык как предмет изучения и через него подготовить ребенка к восприятию неродного языка, но и научно, и в плане лингвистическом, и в плане педагогическом определить оптимальные сроки перехода на русский язык обучения.

Благоприятствует хорошему знанию родного и русского языков создание необходимых условий для овладения этими языками. Можно только приветствовать намерение ученых языковедов и психологов, работающих по проблеме двуязычия, исследовать вопросы психологического механизма двуязычия с целью выработки наиболее рациональной методики обучения языка. Это было бы серьезной помощью для наших практиков, для специалистов, работающих в области методики обучения русскому и родному языкам (Блягоз 1977. 38).

Билингвизм, как языковое состояние, может оказывать существенное воздействие на проявление языковой интерференции. Интерференция - это влияние одного языка на другой в результате их соприкосновения в сознании билингва. Она может проявляться на разных уровнях языка: фонетическом, морфологическом, синтаксическом, лексическом и пр. (Ахманова 1965. 121).

Воздействие билингвизма может варьироваться в зависимости от различных факторов, таких как уровень владения каждым из языков, возраст начала изучения второго языка, степень подверженности воздействию одного языка на другой и другие психолингвистические аспекты (Галазов 1982. 47).

Проявление интерференции связано с тем, что при билингвизме билингв (человек, владеющий двумя языками) имеет опыт и навыки в обоих языках, и его сознание может смешивать элементы обоих языков, что может привести к ошибкам и неточностям (БЭС 1998. 69).

Интерференция является естественным явлением при обучении и использовании нескольких языков, и понимание этого явления может помочь лучше освоить и применять языки.

Изучение явления интерференции имеет большое значение для методики преподавания неродных и иностранных языков. Для выбора системы упражнений по устранению интерференции в русской речи билингвов необходимо уяснить механизм ее возникновения (Закирьянов 1984. 19).

Если рассматривать явление интерференции в контексте языкового аспекта, то это может означать влияние одного языка на другой при их взаимодействии. Это происходит, когда два или более языка соприкасаются или взаимодействуют друг с другом в определенной среде, например, в многоязычных обществах или при билингвальном обучении.

Методическое рассмотрение интерференции в языковом аспекте позволяет лучше понять, как различные языки взаимодействуют между собой и как этот процесс может влиять на языковое взаимодействие, обучение и коммуникацию (Вайнрайх 1972. 51).

Учитель, работая с таджикскими учащимися, должен подбирать такую систему упражнений по усвоению грамматических категорий русского языка,

которая поможет учащимся избежать влияния родного языка в воспроизведении русской речи, учитывая грамматические особенности изучаемого языка.

В зависимости от того, какие трудности испытывают таджикские учащиеся при усвоении русского языка, возникают различные виды интерферентного влияния родного языка на изучаемый язык. Соответственно, на уроках русского языка следует давать учащимся такие виды заданий и упражнений, которые помогут им получить навыки правильной русской речи.

Для учителей важно учитывать интерференцию в русской речи таджикских учащихся при разработке методик обучения и коррективке интерференционных ошибок. Специальные упражнения и подходы могут помочь минимизировать негативное влияние интерференции и сделать процесс изучения более эффективным.

Таджикский язык относится к индоевропейской языковой семье, к иранской группе. Сегодня таджикский язык входит в группу новоиранских языков.

Структура языка характеризуется специфическими особенностями на уровне всей системы. Дадим самую общую характеристику этих свойств по работе Б.В.Миллер (Миллер 1954. 37).

Фонетическая система. В таджикском языке 6 гласных и 24 согласных звука. Имеются звуки, отсутствующие в русском языке.

Лексико-семантическая система. Словарный фонд таджикского языка включает большое количество лексем персидского и арабского происхождения.

Грамматический строй. В целом грамматический строй таджикского языка флективно-аналитический. Именные части речи в современном таджикском языке утратили развитую систему словоизменения. В именной

парадигме имеет место только противопоставление прямой (исходной) и косвенной форм, которые сопровождаются служебными словами – предлогами и послелогом (агглютинативные формы). Грамматическое значение слова выражается аналитическим способом.

В таджикском языке отсутствуют самостоятельные категории рода и падежа. Падежные значения передаются синтаксически. Распространенным способом грамматической связи является *изафет* – сочетание определяемого слова с постпозитивным определением при помощи аффикса, восходящего этимологически к местоимению *который*. Например: *китоб-и хуб*, где *китоб* – «книга», *и* – аффикс, *хуб* – «хороший» - *хорошая книга*.

В современном таджикском языке достаточно сложная система глагольных форм. Грамматическое значение глаголов передается с помощью сложных аналитических форм. Временные грамматические значения тесно связаны с видовыми грамматическими значениями. Сами категории времени и вида также передаются сложными аналитическими формами.

Например: *читать – читает – читал – будет читать*.

тадж. *хондан – у мехонад – хонда - мехонад*.

В синтаксисе наблюдается фиксированный порядок слов и тенденция к эргативности в разных вариантах.

В таджикском языке 5 наклонений глагола – изъявительное, повелительное, сослагательное, предположительное и особая форма наклонения – неочевидное (аудитивное), на фоне которого выделяются формы перфекта. Последние два отсутствуют в русском языке (Касымова 1985.11).

Приведем различия в грамматическом строе таджикского и русского языков.

Таблица. Различия в грамматическом строе

№ п/п	РУССКИЙ ЯЗЫК	ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК
1.	Есть категория рода у именных частей речи. Для имени прилагательного родовые формы зависят от существительного, с которым оно согласуется.	Нет категории рода.
2.	Есть категория падежа. Падежные окончания указывают на грамматическое значение именных частей речи. Падежные формы могут использоваться с предлогами и без них. Некоторые падежные парадигмы включают омонимичные падежные окончания.	Нет категории падежа. Грамматическое значение именных частей речи выражается аналитически. Имеет место противопоставление прямой (исходной) и косвенной формы имен, которые образуются с помощью служебных слов.
3.	У русского глагола есть категория наклонения. В русском языке три формы наклонения – изъявительное, сослагательное, повелительное, которые могут употребляться в исконном и переносном значениях.	В таджикском языке у глагола есть категория наклонения. Таджикский глагол образует пять форм наклонения – изъявительное, повелительное, сослагательное, предположительное и аудитивное. Формы наклонения образуются аналитически.
4.	В русском языке у глагола есть категория времени. У глагола три временные формы – настоящего, прошедшего и будущего. Образование форм настоящего и будущего (простого или сложного) зависят от вида глагола.	В таджикском языке есть категория времени у глагола. Временные формы чаще используются в своем исходном значении.

№ п/п	РУССКИЙ ЯЗЫК	ТАДЖИКСКИЙ ЯЗЫК
5.	В русском языке есть категория вида. Кроме вида, глагол характеризуется способами глагольного действия.	В таджикском языке категории времени и вида глагола представляют сложный структурно-семантический комплекс, грамматические значения времени и вида глагола тесно связаны между собой.
6.	В русском языке способы грамматической связи слов в словосочетании – согласование, управление и примыкание.	В таджикском языке есть особая форма связи – изафет, то есть сочетание определяемого с постпозитивным определением с помощью служебных слов. Изафет отсутствует в русском языке.
7.	В русском предложении свободный порядок слов.	В таджикском языке фиксированный порядок слов, с тенденцией эргативности (выражению пассивного залога).

Как видно из таблицы, различия между русской и таджикской грамматиками характеризуются, во-первых, отсутствием отдельных категорий и грамматических явлений в отдельном языке, во-вторых, более разветвленной системой грамматических форм разных частей речи, в-третьих, выполнением разных функций отдельными грамматическими формами в русской и таджикской речи.

Учитель, работая с таджикскими учащимися, должен разрабатывать такую систему упражнений по усвоению грамматических категорий русского языка, которая поможет учащимся избежать влияния родного языка в воспроизведении русской речи, учитывая грамматические особенности изучаемого языка.

В зависимости от того, какие трудности испытывают таджикские учащиеся при усвоении русского языка, возникают различные виды интерферентного влияния родного языка на изучаемый язык. Соответственно, на уроках русского языка следует давать учащимся такие виды заданий и упражнений, которые помогут им получить навыки правильной русской речи. Рассмотрим виды интерференции и сформулируем методические рекомендации учителям для работы по устранению интерференции в русской речи таджикских учащихся.

С точки зрения источника интерференции выделяются следующие ее типы: интерференция, осуществляемая со стороны родного (доминирующего) языка в направлении иностранного; вторичная интерференция - интерференция со стороны иностранного языка, изучавшегося первым; внутриязыковая, или смешанная интерференция - взаимодействие навыков внутри изучаемого иностранного языка. В основе внутриязыковой интерференции лежит тот факт, что "новые, впервые формирующиеся навыки пользования материалом и механизмами иностранного языка стихийно сопоставляются в сознании говорящего и деформируются под влиянием ранее сформированных навыков" (Чойбонова 2009. 160). Внутриязыковая интерференция обычно проявляется в генерализации правил и гиперкоррекции;

Обратная интерференция, или интеркаляция, - интерференция (обычно контролируемая) со стороны иностранного языка на родной (Кузьмина 2009. 228).

Интерференция - это не всегда прямое вмешательство элементов одного языка в другой, иногда последствием интерференции является просто обеднение речи говорящего на иностранном языке. Чаще всего это происходит из-за неупотребления определенных форм или конструкций, которые отсутствуют в его родном языке, но присутствуют в изучаемом. Такой тип интерференции называется скрытой, или косвенной интерференцией.

Интерференция, в результате которой происходит нарушение системы и нормы неродного языка называется явной, или прямой (Ковылина 1991. 24).

Результатом языковой интерференции нередко является нарушение взаимопонимания между людьми в процессе их речевого общения, однако интерференция может вызывать не только отрицательные, но положительные эффекты. Такая интерференция называется положительным переносом, или транспозицией. Она обусловлена тем, что во время порождения или восприятия текста на неродном языке в сознании коммуниканта реализуются универсальные, общетипологические свойства языков, которые не оказывают отрицательного влияния на результат. Положительный перенос может проявляться на следующих уровнях: на уровне речемыслительной деятельности: чем большим количеством языков человек владеет, тем более развиты его речемыслительные механизмы; на уровне языка: сходные лингвистические явления переносятся на иностранный язык и облегчают тем самым его усвоение; на уровне учебных умений, которыми учащийся овладел при изучении родного и первого иностранного языков; на уровне социокультурных знаний (особенно при изучении второго иностранного языка и наличии близости западноевропейских культур (Павлова 1987.11).

Изучение интерференции с точки зрения ее коммуникативного эффекта представляется чрезвычайно важным, оно позволяет предвидеть ошибки и облегчить задачу их исправления. Так, в основе одной из классификаций интерференции лежит степень понимания речи билингва (в широком понимании этого слова) носителем языка. С этой точки зрения выделяется следующие типы интерференции: интерференция, затрудняющая понимание (в этом случае, понимание общего речевого намерения говорящего сохраняется); интерференция, нарушающая понимание (понимание и общее намерение говорящего неравнозначны); интерференция, препятствующая пониманию (полное непонимание) (Вишневская 1985.12).

Интерференцию следует отличать от таких явлений, как переключение кодов, конвергенция, смешанный язык.

Переключение кодов - это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой. В отличие от интерференции, при переключении кодов происходит не изменение одного языка под влиянием другого, а полная смена языка. Переключение кодов может быть вызвано сменой адресата, изменением роли говорящего или сменой темы общения (Багана, Хапилина, 2010. 28).

Конвергенция - возникновение у нескольких языков общих свойств, сближение этих языков вследствие длительных языковых контактов. Некоторые современные лингвисты трактуют конвергенцию как частный случай интерференции - "сближение планов содержания языковых знаков двух языков при сохранении их материальных различий"(Багана, Хапилина, 2010.28).

Смешанный язык - это язык, возникший в результате негенетического сближения двух языков и составленный из различных частей этих языков. При этом лексика обычно заимствована из одного языка, а большая часть грамматики - из другого. Смешанный язык отличается от пиджина (Пиджин (англ. pidgin) - упрощённый язык, который развивается как средство общения между двумя или более группами, не имеющими общего языка тем, что его появление вызвано не наличием языкового барьера, а стремлением определенной национальной группы к самоидентификации.

Таким образом, многообразие определений термина "интерференция", множество его различных типологических классификаций говорит о том, что лингвистическая интерференция - явление многоплановое и еще не до конца изученное. Полное описание явления интерференции возможно только тогда, когда учитываются не только лингвистические, но экстралингвистические факторы (Михайлов 1989. 27).

Различия между русской и таджикской грамматиками характеризуются, во-первых, отсутствием отдельных категорий и грамматических явлений в отдельном языке, во-вторых, более разветвленной системой грамматических форм разных частей речи, в-третьих, выполнением разных функций отдельными грамматическими формами в русской и таджикской речи.

Учитель, работая с таджикскими учащимися, должен подбирать такую систему упражнений по усвоению грамматических категорий русского языка, которая поможет учащимся избежать влияния родного языка в воспроизведении русской речи, учитывая грамматические особенности изучаемого языка.

Заключение

В зависимости от того, какие трудности испытывают таджикские учащиеся при усвоении русского языка, возникают различные виды интерферентного влияния родного языка на изучаемый язык. Соответственно, на уроках русского языка следует давать учащимся такие виды заданий и упражнений, которые помогут им получить навыки правильной русской речи.

Интерференция в русской речи таджикских учащихся - это явление, при котором структуры, лексика и грамматика русского языка могут подвергаться влиянию структур и особенностей таджикского языка из-за влияния, которое первый язык оказывает на изучение второго языка. Такое явление типично для многих многоязычных обществ, и оно может сказываться на разных аспектах русской речи у таджикских учащихся.

Примеры интерференции в русской речи таджикских учащихся:

Фонетика и произношение: Звуки русского языка, которых нет в таджикском языке, могут быть искажены или заменены на близкие звуки из родного языка. Например, звук [ы] в русском языке может быть заменен на [и].

Грамматика и синтаксис: Структуры предложений и грамматические конструкции тоже могут подвергаться интерференции. Например, порядок слов может быть искажен, если он отличается в двух языках. Также могут возникать ошибки в использовании падежей, времен и других грамматических категорий.

Лексика и семантика: Таджикская лексика может использоваться в русской речи, даже если есть аналогичные слова на русском языке. Иногда это может привести к неправильному пониманию или неверному использованию слов.

Прагматика и коммуникация: Культурные различия между русским и таджикским языками могут также влиять на прагматику и коммуникацию. Например, уровень вежливости или обращение к собеседнику может варьироваться в зависимости от языка общения.

Уровень языковой компетенции: Уровень владения русским языком таджикскими учащимися может варьироваться, и это также может оказывать влияние на интерференцию. Те, кто более глубоко владеет русским языком, могут испытывать меньше интерференции.

Для учителей важно учитывать интерференцию в русской речи таджикских учащихся при разработке методик обучения и корректировке интерференционных ошибок. Специальные упражнения и подходы могут помочь минимизировать негативное влияние интерференции и сделать процесс изучения более эффективным.

Литература

- 1- Ахманова О.С. (1965). *Словарь лингвистических терминов*. М.: Изд-во Советская энциклопедия., -606 с.
- 2- Багана Ж., Хапилина Е. В. (2010). *Контактная лингвистика*. М.: Изд-во БелГУ, 138 с. 28.
- 3- Блягоз З.У. (1977). *Двуязычие и культура русской речи*. Майкоп, 194 с.
- 4- БЭС. (1998). *Языкознание*. М., 1998

- 5- Вайнрайх У. (1972). *Одноязычие и многоязычие. Новое в лингвистике*. - Вып. 6. Языковые контакты. М., С. 25-60.
- 6- Вишневская Г. М. (1985). *Интерференция и акцент*. АКД. Иваново,.
- 7- Галазов, А.Х., Сукунов, Х.Х. (1982). *Лингвометодические проблемы преодоления интерференции при обучении русскому языку Текст.* / А.Х. Галазов, Х.Х. Сукунов. Орджоникидзе, 75 с.
- 8- Закирьянов К.З. (1984). *Двуязычие и интерференция*. Учебное пособие. Уфа: изд. БГУ.
- 9- Касымова С.Дж. (1985). *Грамматическая интерференция в русской речи таджиков (на материале глагола)*. АКД. Душанбе. 24 с.
- 10- Ковылина, Л.Н. (1991). *Синтаксическая интерференция и способы ее изучения*. АКД. Алма-ата. 24 с.
- 11- Кузьмина С.Е. (2009). *Проявления «обратной» интерференции в речи билингва (на материале русского и английского языков*. Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Вып. 4. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, С.27–233.
- 12- Миллер Б.В. (1954). *Краткий очерк грамматики таджикского языка*. Таджикско-русский словарь. М.
- 13- Михайлов, М.М. (1989). *Двуязычие: проблемы, поиски* / М.М. Михайлов. - Чебоксары, 160 с.
- 14- Павлова, Л. П. (1987). *О фонетических критериях при определении места слоговой границы* // Русский язык за рубежом, № 4. С. 11-20.
- 15- Чойбонова Б.М. (2009). *Влияние межъязыковой и внутриязыковой интерференций на формирование ошибок в речи обучаемых*. Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ. №11. С. 157-162.

Bibliography

- 1- Akhmanova O.S. (1965). *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. M.: Izd-vo Sovetskaia entsiklopediia, -606 s.
- 2- Bagana Zh., Khapilina E. V. (2010). *Kontaktnaia lingvistika*. M.: Izd-vo BelGU, 138 s. 28.
- 3- Bliagoz Z.U. (1977). *Dvuiazychie i kul'tura russkoi rechi*. Maikop, 194 s.
- 4- BES. (1998). *Iazykoznanie*. M., 1998
- 5- Vainraikh U. (1972). *Odnioazychie i mnogoiazychie. Novoe v lingvistike*. - Vyp. 6. Iazykovye kontakty. M., С. 25-60.
- 6- Vishnevskaiia G. M. (1985). *Interferentsiia i aktsent*. AKD. Ivanovo,.

- 7- Galazov, A.Kh., Sukunov, Kh.Kh. (1982). *Lingvometodicheskie problemy preodoleniia interferentsii pri obuchenii russkomu iazyku Tekst.* / A.Kh. Galazov, Kh.Kh. Sukunov. Ordzhonikidze, 75 s.
- 8- Zakir'ianov K.Z. (1984). *Dvuiazychie i interferentsiia*. Uchebnoe posobie. Ufa: izd. BGU.
- 9- Kasymova S.Dzh. (1985). *Grammaticheskaiia interferentsiia v russkoi rechi tadzhikov (na materiale glagola)*. AKD. Dushanbe. 24 s.
- 10- Kovylyina, L.N. (1991). *Sintaksicheskaiia interferentsiia i sposoby ee izucheniia*. AKD. Alma-ata. 24 s.
- 11- Kuz'mina S.E. (2009). *Proiavleniia «obratnoi» interferentsii v rechi bilingva (na materiale russkogo i angliiskogo iazykov*. Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N.A. Dobroliubova. Vyp. 4. Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. –Nizhnii Novgorod: NGLU im. N.A. Dobroliubova, S.27–233.
- 12- Miller B.V. (1954). *Kratkii ocherk grammatiki tadzhikskogo iazyka*. Tadzhiksko-russkii slovar'. M.
- 13- Mikhailov, M.M. (1989). *Dvuiazychie: problemy, poiski* / M.M. Mikhailov. - Cheboksary, 160 s.
- 14- Pavlova, L. P. (1987). *O foneticheskikh kriteriiakh pri opredelenii mesta slogovoi granitsy* // Russkii iazyk za rubezhom, № 4. S. 11-20.
- 15- Choibonova B.M. (2009). *Vliianie mezh"iazykovoi i vnutriiazykovoi interferentsii na formirovanie oshibok v rechi obuchaemykh*. Vestnik Buriatskogo gosuniversiteta. Ulan-Ude. №11. S. 157-162.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Odinaeva M. T. (2026). MANIFESTATION OF INTERFERENCE IN RUSSIAN SPEECH OF TAJIK LANGUAGE NATIVES. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 173-189.

DOI: 10.61186/IARLL.27.10

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/377>

ظهور پدیده تداخل زبانی در گفتار روسی گویشوران زبان تاجیکی

مفتونه طالبیونا ادینایوا^{*}

دانشجوی دکتری، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان

(تاریخ دریافت: مه ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲۵)

چکیده

در این مقاله به بررسی نمود پدیده تداخل زبانی در فرایند آموزش زبان روسی پرداخته می‌شود. پدیده تداخل در نتیجه تعامل میان زبانی در شرایط یک محیط زبانی متفاوت از زبان مادری زبان آموز و در جریان یادگیری زبانی دیگر، یعنی زبان غیرمادری پدید می‌آید. این پدیده، فرایندی پیچیده و روان‌زبان‌شناختی است که در سطح آگاهی زبانی، ناشی از هم‌پوشانی و تداخل الگوهای دو زبان متفاوت می‌باشد. تداخل زبانی پدیده‌ای طبیعی در فرایند آموزش و کاربرد هم‌زمان چند زبان است و درک صحیح آن می‌تواند به فراگیری مؤثرتر و به‌کارگیری بهتر زبان‌ها کمک کند. بررسی پدیده تداخل از اهمیت بسزایی در روش‌شناسی آموزش زبان‌های خارجی برخوردار است. برای انتخاب نظامی کارآمد از تمرین‌ها به‌منظور کاهش و رفع تداخل در گفتار روسی دوزبانه‌ها، ضروری است که سازوکار شکل‌گیری این پدیده به‌طور دقیق تحلیل شود. اگر پدیده تداخل در چارچوب جنبه زبانی بررسی شود، می‌توان آن را به‌عنوان تأثیر یک زبان بر زبان دیگر در جریان تعامل میان آن‌ها تعریف کرد. این وضعیت، زمانی رخ می‌دهد که دو یا چند زبان در یک محیط مشخص با یکدیگر تماس و تعامل داشته باشند؛ برای مثال، در جوامع چندزبانه یا در نظام‌های آموزشی دوزبانه. بررسی روش‌شناختی تداخل در بُعد زبانی امکان درک عمیق‌تر چگونگی تعامل زبان‌ها با یکدیگر و تأثیر این فرایند بر ارتباط زبانی، آموزش و کنش ارتباطی را فراهم می‌سازد. معلم زبان روسی در کار با زبان‌آموزان تاجیک‌زبان باید نظامی از تمرین‌ها را برای آموزش مقوله‌های دستوری زبان روسی انتخاب کند که به فراگیران کمک نماید تا با در نظر گرفتن ویژگی‌های دستوری زبان مورد مطالعه؛ از تأثیر زبان مادری در بازتولید گفتار روسی پرهیز کنند. بسته به نوع دشواری‌هایی که زبان‌آموزان تاجیک‌زبان در فرایند یادگیری زبان روسی تجربه می‌کنند، گونه‌های متفاوتی از تأثیر تداخلی زبان مادری بر زبان مقصد شکل می‌گیرد. از این رو، در کلاس‌های زبان روسی باید انواعی از تکالیف و تمرین‌ها ارائه شود که به زبان‌آموزان در کسب مهارت‌های گفتار صحیح و معیار زبان روسی یاری رساند.

واژگان کلیدی: تداخل زبانی، دوزبانگی، گویشور زبان تاجیکی، آموزش زبان روسی، چندزبانگی، فرهنگ گفتار روسی، زبان مادری.

1. E.mail: maftuna.odinaeva@bk.ru; <https://orcid.org/0009-0001-0147-6364>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

LEXICOGRAPHIC DESCRIPTORS OF SEMANTICS OF ADJECTIVES DERIVED FROM ZOONYMS IN MODERN RUSSIAN

Luo Zhengjin^{1*}

PhD Student, Belarusian State University of Foreign Languages,
Minsk, Belarus

(date of receiving: September, 2025; date of acceptance: November, 2025)

Abstract

The paper focuses on the study of descriptors used in lexicographic definitions of adjectives derived from zoonyms in modern Russian. Based on the data from two editions of the explanatory dictionary (*Dictionary of Modern Russian Literary Language* and *Great Academic Dictionary of the Russian Language*) and with the help of definitional analysis, it is revealed that lexicographers, firstly, regularly use the descriptor 'относящийся к' (relating to) following the principle of a unified description of a general word-formation meaning. Secondly, driven by the necessity to exhaustively define numerous senses of the derived words under consideration (e.g., *рыбий хвост*, *рыбий суп*, *рыбий корм*, *рыбья натура человека*, etc.), and to clarify the contextual modifications of the relation between the derived adjective and its attributed word (possession, goal, use, instrumental application, similarity, etc.), they widely apply descriptor-modifiers ('принадлежащий', 'сделанный из', 'приготовленный из', etc. (more than 30)), which differ in the frequency of their use in definitions.

Key words: Desubstantival Adjective, Zoonym, Word Definition, Descriptor, Modification.

1. E-mail: a470243764@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-3334-1379>

* Corresponding author

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ДЕСКРИПТОРЫ СЕМАНТИКИ ОТЗООНИМНЫХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Ло Чжэнцзинь^{1*}

Аспирант, Белорусский государственный университет иностранных языков,
Минск, Беларусь

(дата получения: сентябрь 2025 г.; дата принятия: ноябрь 2025 г.)

Аннотация

Данная статья посвящена описанию дескрипторов, используемых в лексикографических дефинициях прилагательных, образованных от названий животных в современном русском языке. На материале двух изданий толкового словаря (Словарь современного русского литературного языка и Большой академический словарь русского языка) с помощью дефиниционного анализа выявляется, что лексикографы следуют, во-первых, принципу единого описания, отражающего регулярность общего словообразовательного значения производных, используя дескриптор «относящийся к». Во-вторых, стремясь полностью раскрыть многочисленные смыслы, передаваемые производным словом (*рыбий хвост*, *рыбий суп*, *рыбий корм*, *рыбья натура человека* и др.), и испытывая необходимость уточнения под влиянием контекста типа связи между прилагательным и определяемым им словом (посессивность, цель, использование, инструментальность, подобие и др.), составители словаря широко применяют более 30 дескрипторов-модификаторов ('принадлежащий', 'сделанный из', 'приготовленный из' и т.д.), различающихся частотностью своего употребления в дефинициях.

Ключевые слова: отсубстантивные прилагательные, зооним, словарная дефиниция, дескриптор, модификация.

1. E-mail: a470243764@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-3334-1379>

* Ответственный автор

Введение

Отсубстантивные имена прилагательные, значительное число которых составляют адъективные слова, образованные на базе названий животных, занимают важное место в системе лексики современного русского языка и играют существенную роль в расширении словарного запаса русского языка, способствуя усилению его выразительных возможностей, обогащая язык новыми значениями и служа важным инструментом для выражения различных оттенков и нюансов. В Русской грамматике-1970 и Русской грамматике-1980 под ред. Н.Ю. Шведовой отсубстантивные имена прилагательные, будучи образованными с помощью суффиксов *-ый, -ий, -ов-, -ин(ый), -н -*, и т.д., предстающих в производных в разных морфемных вариантах (*-ачий, -ичий, -овий* и др.), имеют в основном суффиксальную структуру. В этих авторитетных изданиях они описываются как имеющие значение: «признак, относящийся к предмету, явлению, названному мотивирующим словом», «относящийся к тому, свойственный тому, что названо мотивирующим словом», «свойственный, присущий (реже - принадлежащий тому, кто назван (что названо) мотивирующим словом)» (РГ-1970, РГ-1980, с. 269-270).

Мы полагаем, что семантика отсубстантивных прилагательных, в системе которых нами делается акцент на отзоонимных дериватах, не исчерпывается указанными значениями. Более того, самими авторами Русской грамматики-1980 подчеркивается, что эти значения «способны к самым разнообразным конкретизациям общего значения отношения, причем эти различия выявляются лишь в контексте» (РГ-1980, с. 277). Данное утверждение авторы сопровождают также примечанием, что «значительное количество словоупотреблений, однако, не укладывается в приведенные рубрики» (РГ-1980, с. 270). Правомерно предположить, что общее значение отношения или

связи с исходными производящими базами модифицируется под влиянием знаний говорящих о называемых животных, их внешнем виде, повадках и т.д., а также их практической ценности и возможности использования человеком (ср. параметр *relation to people* в семантической дескрипции названий животных у А. Вежбицкой (Wierzbicka, 1985)) и приобретает в зависимости от типа исходных единиц более конкретные словообразовательные значения. С проверкой этой гипотезы и связана основная цель статьи - раскрыть путем дефиниционного анализа способы лексикографической дескрипции значений адъективных слов, производных от зоонимов в современном русском языке. Полученные данные также позволят частично решить ряд задач, связанных с искусственным интеллектом, в частности, совершенствовать системы интеллектуального поиска и автоматического генерирования текста, основанные на четком и точном представлении связей слов, их семантики и словообразовательных возможностей.

Основная часть

Материал для исследования получен из «Словаря современного русского литературного языка» - БАС 1 (1948–1965) и «Большого академического словаря русского языка» - БАС 3¹ (2004) и составил в общей сумме 449

1. У толкового словаря русского языка известны 3 издания: Первое издание – это Словарь современного русского литературного языка. М.-Л., 1948–1965, Т. 1–17. В 1975 году по инициативе Ф. П. Филина было принято решение о переиздании словаря. Второе издание предполагалось сделать двадцатитомным с объемом более 120 000 слов. Эта идея осуществилась в виде планируемого и частично опубликованного третьего издания, подготовка которого началась с 2004 года Институтом лингвистических исследований РАН и еще продолжается. В настоящее время БАС-3 - Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А. С. Герд. - М.-СПб.: Наука, 2004 - продолжающееся издание).

лексических единиц,¹ из которых 267 прилагательных зафиксированы в обоих изданиях словаря.

Уже на этом этапе отбора материала стали очевидными некоторые различия между БАС 1 и БАС 3. Они касаются решения серьезного для лексикографов вопроса регистрации производных слов, в данном случае фиксации образований от зоонимов. При общем решении включения этих единиц в словник обоих изданий словаря между ними наблюдаются некоторые разночтения. Наряду с совпадением в регистрации большинства дериватов (60 % зафиксировано в обоих изданиях), в БАС 1 мы находим *актиниевый*, *аргамачный*, но нет *беркутиный*. В БАС 3 находим *антилопий*, но нет *битюговый* и др.

1. В это число вошли в качестве одной единицы суффиксальные варианты типа *аистиный* – *аистовый*, *жавороночный* – *жаворонковый* – *жавороночий*, *тюлений* – *тюленевый*, *улитковый* – *улиточный* и др. (всего 42 исходных зоонима, от которых образованы 94 деривата). Благодаря тождеству их основных значений, описываемых в словарях как «то же, что...» (например: *улитковый* ... *улиточный* '1. То же, что улитковый'), мы рассматриваем их как варианты одного слова. Привлекает внимание также то обстоятельство, что в разных изданиях БАС фиксируется зачастую только одна форма: это имеет место в случае *анчоусный*, *барсучий*, *жирафовый*, зафиксированных в БАС 1, в то время как в БАС 3 приводятся обе формы: *анчоусный* и *анчоусовый*, *барсучий* и *барсуковый*, *жирафий* и *жирафовый*. В НКРЯ фиксируется только одна форма (например, *бизоний*, *выхухолевый* и отсутствует *бизоновый*, *выхухолый*). Между суффиксальными вариантами, образованными от одной и той же исходной единицы, могут существовать некоторые семантические различия (ср. *анчоусный* 'приготовленный из анчоусов, с анчоусами или так, как анчоусы'; *анчоусовый* 'относящ. к анчоусу, анчоусам (в 1 знач.) *Анчоусовый промысел*'; см. также *черепаший*, *черепаховый*; *семговый*, *семужий* и др. (всего 17 исходных единиц, от которых образовано 36 производных). В таких случаях они включаются в материал исследования в качестве отдельных самостоятельных единиц, и их семантические характеристики рассматриваются в рамках соответствующего словообразовательного типа. Анализ семантических различий отсубстантивных дериватов, образующих такие двучленные, трехчленные и более парадигмы (Земская, 1978), некоторые члены которых устарели (например, *пеликановый* в паре *пеликановый* – *пеликаний* квалифицируется БАС 3 как устаревшее) и потому не приводятся словарем, не входит в задачи данной статьи.

Отметим также, что для избранного нами словаря в его разных изданиях характерны несколько разные стратегии презентации производных прилагательных. С одной стороны, в БАС 1 мы находим некоторое число производных прилагательных, которые не получают описания в отдельных словарных статьях, а даны в конце словарных статей их производящих баз. Например: *амебный, выдровый, аистовый, грачиный, буйволоный* и др. (всего в общей сложности 54 производных прилагательных, которые в БАС 1 чаще всего, не являясь отдельными словарными статьями, получают только указание на то, что они прилагательные (например, *амебный*, прил.). Даже такое слово как *бараний* не имеет отдельной словарной статьи, хотя внутри словарного описания существительного *баран* ему отводится достаточно много внимания.

Едины составители и БАС 1, и БАС 3 в интерпретации основного значения данных производных как отношения. Его дефиниционная формула - *относящийся к* (БАС 1) и *относящ. к* (БАС 3) - использована при описании подавляющего большинства дериватов (204 единиц в БАС 1 и 230 в БАС 3).¹ Наряду с различиями в формальном плане (полная и сокращенная формы дескриптора, или, в терминологии других авторов, идентификатора, или суперклассификатора (Бабенко 2016. с.834.), то есть слов и аналитических сочетаний, включающих два и более компонентов и призванных отразить сложную семантику адъективного слова, между двумя изданиями наблюдаются более серьезные несовпадения. К тем словам, которым в БАС 1 не отводятся отдельные словарные статьи, авторы применяют две стратегии: 1) значение слова, как указывалось ранее, дается в виде отсылки (например,

1. К сожалению, отсутствие в БАС 3 томов, описывающих слова на букву С и последующие, не позволяет нам провести корректное сравнение количественных данных, полученных из этих словарей. На этом основании мы вынуждены приводить только арифметические показатели.

бульдозий (прил. по 1-му значению)). Это соответствует принятому в БАС 1 правилу исключать «некоторые типы производных слов, лексическое значение которых вполне соответствует значению основного слова, изменяясь лишь по своей грамматической принадлежности» (БАС 1, с. XI). Среди них упомянуты и «прилагательные, образованные от существительных и имеющие только притяжательное или относительное значение» (Там же). В то же время составители БАС 1 используют и вторую стратегию, предпочитая ряду отсубстантивных прилагательных дать описание семантики в виде дефиниционной формулы (например, *акулый* ‘относящийся к акуле, свойственный акуле’, *фазаний* ‘относящийся к фазану, принадлежащий фазану’ и др. с последующими примерами). Лексикографы, работавшие над БАС 3, в этом плане более последовательны, полагая, по-видимому, что для пользователей словаря одной отсылки к производящей базе или указания на частеречные характеристики производного слова явно недостаточно, и всем отзоонимным дериватам даны дефиниции. Еще одним, на наш взгляд, заслуживающим внимания отличием БАС 3 от предшествующего издания является дополнительная информация, приводимая в описании основного значения отзоонимных дериватов. В первом издании указывается отношение к виду животного, или отдельному индивиду (т.е. исходная база приводится в единственном числе, например, *барсучий* ‘относящийся к барсуку’; *волчий* ‘относящийся к волку’; *заячий* ‘относящийся к зайцу’ и др. (БАС 1), и лишь изредка имеют место отсылки к исходной базе во множественном числе (*акуловый* ‘относящийся к акулам, к роду акул’, *журавлиный* ‘относящийся к журавлю, журавлям’, *жучий* ‘относящийся к жуку, жукам’, *ящерный* ‘относящийся к ящеру, ящерам’ и др.). В БАС 3 возможность нереферентного отношения (*барсучий*: ‘относящ. к барсуку, барсукам; *волчий* ‘относящ. к волку, волкам’; *заячий*: ‘относящ. к зайцу, зайцам’ и т.д.) регулярно отражается в дефиниции, что, по нашему мнению, точнее описывает данное

отношение, особенно явное в атрибутивных конструкциях типа *волчья стая*, *бараны головы* и т.д., в которых речь идет о некотором множестве животных.

Необходимо отметить, что наряду с дескриптором 'относящийся к...' для описания значений отзоонимных дериватов лексикографами обоих изданий используется целый ряд дополнительных дескрипторов (более 30), которые по передаваемому ими смыслу можно разделить на две группы (см. табл.1).

Табл.1. Список дескрипторов семантики отзоонимных прилагательных в русском языке

Лексикографические дескрипторы	Кол-во употреблений		Лексикографические дескрипторы	Кол-во употреблений	
	БАС1	БАС3		БАС1	БАС3
относящийся к	204	230	свойственный.	64	62
принадлежащий	121	84	такой, как у, напоминающий, похожий, сходный с.	65	80
сделанный, приготовленный, сшитый, изготовленный, выделанный, приготовляемый, добываемый, получаемый, состоящий из, «изобилующий».	110	119	имеющий цвет	1	4
связанный, осуществляемый / доставляемый с	10	31			
предназначенный, служащий, пораженный, вырабатываемый, образованный, образуемый, занимающийся, проеденный, вызываемый, переносимый.	16	23			

В первую группу, возглавляемую уже указанным значением отношения, можно, на наш взгляд, отнести также 'принадлежащий' (см. их количественные показатели в таблице 1), 'сделанный из', 'приготовленный из', 'приготавливаемый из', 'связанный с', 'сшитый из', 'изготовленный из' и др., различающихся, как явствует из приводимых количественных данных, частотой их использования. Все эти дескрипторы объединяются, однако, тем, что они конкретизируют общее значение отношения, которое позволяет их отнести к одной группе.

К числу наиболее широко представленных в дефинициях отзоонимных прилагательных относится также следующая группа дескрипторов, включающая 'свойственный' (64 в БАС 1 и 62 в БАС 3), 'такой, как у' (53 в БАС 1 и 62 в БАС 3), 'напоминающий' (10 в БАС 1 и 7 в БАС 3), 'похожий' (1 в БАС 1 и 11 в БАС 3), 'имеющий цвет' (1 в БАС 1 и 4 в БАС 3), 'сходный с' (1 в БАС 1) и некоторые другие, употребленные в единичных случаях. Все они передают общее значение подобия, сходства с тем, что названо мотивирующей базой, и на этом основании объединяются в одну группу.¹

Правомерен, однако, вопрос о том, почему лексикографы предпочитают такое разнообразие дескрипторов и чем предопределен выбор ими того или иного дескриптора. Для того чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо установить, во-первых, семантический характер производящих баз, к которым отсылает дескриптор, и, во-вторых, семантические типы имен существительных, для которых производное слово является атрибутом, взяв за основу словосочетания и высказывания, приводимые в словарных статьях в качестве иллюстративного материала. Рассмотрим сначала дескрипторы

1. Подобное объединение лексикографических дескрипторов, как показали предшествующие исследования производных прилагательных английского языка (см., например, (Ljung 1970, Харитончик 1971), вполне оправдано, позволяя избежать атомарности и уловить основные семантические линии отсубстантивных адъективных слов.

первой группы по их представленности в лексикографических дефинициях отзоонимных прилагательных. Следующим за общим значением отношения в обоих изданиях словаря является значение посессивности с его дескриптором 'принадлежащий'. Круг производящих зоонимов для дериватов с данным значением весьма широк и включает названия домашних (*бараний, коровий, кошачий, овчарочий* и др.) и диких животных (*волчий, куний, лисий, медвежий, носорожий, росомаший, рысий* и др.), птиц (*аистиный, казарочий, орлиный, скворчинный, грачинный, совиный, сорочий, ястребиный* и т.д.), рыб и морских животных (*моржовый, налиный, сазаний, стерляжий, нерпичий* и т.д.), насекомых (*москитный, осинный, мушинный, стрекозиный* и т.д.), земноводных и пресмыкающихся (*жабий, змеиный, лягушачий, крокодиловый*), т.е. названия всех классов животных (см. схема 46 в РСС (РСС 2002, с.424)) попадают в зону действия образования отсубстантивных прилагательных.¹ Интересны примеры, приводимые в словарных статьях в качестве иллюстраций этого значения. Из них явствует, что оно актуализируется в сочетании с наименованиями частей тела: головы, конечностей, частей туловища, костей, тканевых, шерстных, перьевых, кожных, роговых покровов животного (*бараньи, коровьи, буйволодые, изюбровые, сайгачьи* и т.д. *рога*²; *бульдозьи, тигриные, медвежьи лапы, слоновые, бегемотовые клыки, бегемотовая кожа, беличья шкурка, львиные, тигровые шкуры, акулий зуб, плавник, бекасиный клюв, джейраньи копыта, изюбровые кости, змеиное жало* и др.), список которых легко пополняется сочетаниями из НКРЯ (*пучок аистовых перьев, дельфиний череп, дельфинья глотка, крабьи клешни, крокодиля пасть,*

1. Сказанное не означает, что абсолютно все названия животных используются в формировании отсубстантивных прилагательных в русском языке. Исключения из этого процесса были описаны ранее в (Ло Чжэнцзинь, 2024. 103-112).

2. С целью экономии места из приводимых в словарных статьях и НКРЯ выражений нами приводятся только атрибутивные конструкции как достаточные для идентификации указанного значения.

куличьи ножки, белые комочки куропаточьих тел, лебединые крылья и многие другие). В словарных статьях и высказываниях в НКРЯ (дата доступа, 25.03.2025), значительно дополняющих иллюстративный материал, мы находим также немало примеров, в которых указывается на характерные **звуки**, издаваемые животными (*жаворонковый свист, дельфиний голос, журавлиное курлыканье, змеиное шипение, ишачий крик, рев* и т. д.), присущий им **запах** (*устойчивый дельфиний запах, воробьиный запах*). Еще одним типом информации, связываемым со значением посессивности отсубстантивного прилагательного в иллюстративном материале, является указание на место обитания (*нора, гнездо, берлога* и др.), которое создает для себя животное (*байбачья, барсучья нора, беркутиное, воронье гнездо*).

Из приведенных примеров следует, что лексикографы так или иначе в словарных статьях передают массу сведений о строении тела животных, о жилье, которое они строят или находят, об издаваемых ими звуках, запахах и т. д. Тем самым в словарных статьях создается определенное информационное пространство, сообщающее, собственно, о семантике слова, несущей знания о называемых существах. В своей совокупности эти знания формируют концептуальную матрицу - информационный остов концептуальных структур, репрезентируемых лексическими единицами (в нашем случае наименованиями животных).

Данному заключению полностью соответствуют описания значения отсубстантивных прилагательных с помощью дескрипторов «выделанный из, сделанный из», «приготовленный из», «сшитый из», «изготовленный из», к которым примыкают «приготавливаемый из», «получаемый из», «добываемый из». Привлекает внимание то обстоятельство, что подавляющее число дериватов с каждым из приведенных дескрипторов получает в своей интерпретации указание на то, что используется (*шкура, кожа, мех, шерсть, пух* и т.д.), о чем свидетельствуют следующие дефиниции: *выдровый*

‘сделанный из меха, шкурки выдры’, *выхухолевый*: ‘сделанный из меха; шкурок выхухоля’, *шиншилловый* ‘сделанный, сшитый из меха шиншиллы’, *тюлений* ‘сделанный из кожи, шкуры тюленя’, *скунсовый*: ‘сделанный из меха скунса’, *собачий* ‘сделанный из меха собаки, из собачьей шерсти’, *соболий* ‘сделанный из меха соболя’ и т.д. Дескриптор «приготовленный из» используется в описаниях семантики образований от названий рыб (*анчоусный, белужий, ершовый, лососевый, налиимый, осетровый, окуневый, севрюжий, сомовый, скумбриевый, угревый, язевый* и др.). Дополняют этот ряд дериваты от названий животных, чье мясо традиционно используется при приготовлении пищи (*бараний, куриный, свиной*), а также получено в результате охоты (*заячий, медвежий, рябчиковый*). Кроме того, поскольку человеком широко используются и иные получаемые от животных продукты (молоко, жир и др.), то в поле зрения лексикографов попадают и такие дериваты от наименований животных, как *овечий, козий*.

Думается, что введение подобной информации о практике использовании животных в словарную статью вовсе не является прихотью лексикографов. Для обеспечения правильного декодирования значения производных слов пользователями словаря составитель словарной статьи вынужден не просто установить связь исходной и производной единиц, но и дать, по выражению Д. Болинджера, определенную подсказку (Bolinger 1965. с.572), поясняя тип этой связи, уточняя параметры, по которым она устанавливается, приводимые в словарной статье. Естественно, что определяемым компонентом соответствующих атрибутивных сочетаний оказываются наименования как самих продуктов, непосредственно получаемых от животных, так и получаемых на их основе изделий (*козье молоко, козий жир, козий сыр, бобровый жир*), производимые виды одежды (*шуба, пальто, шапка, картуз, шинель, плащ* и т.д.), приготавливаемые блюда (*консервы, котлета, уха, суп, паста*) и т.д. Становится очевидным, что выбираемый лексикографом

дескриптор предопределяется семантическим типом определяемого слова и должен соответствовать существующим в языке нормам сочетаемости. Так, знание о том, что одежду шьют, делают из меха, шкурок животных, а еду готовят, диктует выбор соответствующего дескриптора: 'сшитый из', 'сделанный из', 'приготовленный' или 'приготавливаемый из' и др. Аналогичным образом сочетаемость отзоонимных дериватов с обозначениями совокупностей, групп, скоплений однородных животных (*стадо, табун, стая, рой, упряжка, хор, рой* и др.) детерминирует и выбор дескриптора 'состоящий из' (17 в БАС 1 и 12 в БАС 3) в описаниях таких слов, как: *оленье, овечье, волчий, пчелиный, шмелиный* и др.

Животное, как известно из опыта, получаемого говорящими в результате их жизнедеятельности, может стать целью добычи, или, напротив, в случае вреда, им наносимого, истребления с целью защиты, на что указывают дескрипторы 'предназначенный' (*сазаний, сомовый, ставридовый* (для ловли этих видов рыб), 'служащий' (для разведения, кормления (*свиной, птичий*)), для защиты от вреда, наносимого животным (*крысиный, москитный*). Животное может использоваться в определенных целях, выполняя инструментативную функцию, что получает описание в виде дескриптора 'осуществляемый', 'доставляемый' в дефинициях соответствующих слов (*голубиный, соколиный, ястребиный*) или стать источником для некоторых образований (*коралловый, мидиевый*), для получения определенного продукта, что в свою очередь вызывает к жизни дескрипторы 'занимающийся', 'образованный, образуемый', 'вырабатываемый' (*рыбий жир* 'вырабатываемый из печени рыб'). Животное может вызывать какое-то заболевание, быть причиной, переносчиком болезней, что находит выражение в образованных от них прилагательных и соответствующих дескрипторах их значений: 'пораженный' (*саранчовый*), 'проеденный' (*молевый*), 'вызываемый, переносимый' (*глистный, клещевой*).

Несколько иная линия семантического пространства исследуемых лексических единиц предстает в их лексикографических описаниях, в которых используется другая группа дескрипторов. Возглавляет эту группу дескриптор 'свойственный' (64 единицы в БАС 1 и 62 в БАС 3: *кроличий, муравьиный, сайгачий, синичий, скорпионий* и др.), с помощью которого экспликацию получает информация о свойствах, качествах, признаках животного или о его действиях, открывающая широкие возможности для атрибутивных сочетаний с наименованиями этих свойств. Ср. *лебединая гордость, львиная отвага, муравьиное упорство, мушиное жужжание, рачья скорость* и т.д. Знание о свойствах животного становится прочным фундаментом для сравнений с животным миром, которые формируют в семантике отзоонимных дериватов их компаративное значение. Главным его дескриптором является, согласно лексикографическим данным, 'такой, как у' (*бульдожий, воробьиный, комариный, коровий, крабий, крокодилий, кукушечий* и др.), с которым семантически связаны 'напоминающий' (*мышиный, утиный, снегириный, паучий* и т.д.), 'похожий' (*куропатковый, орангутанговый, мотыльковый* и т.д.), 'имеющий цвет, форму' (*верблюжий, канареечный, коралловый*), 'сходный' (*львиный*). (Ср. их толкования в БАС: *напоминать* 'быть похожим на кого-, что-л.', *сходный* 'имеющий сходство, похожий, подобный', *похожий* 'имеющий сходство с кем-, чем-л., напоминающий кого-, что-л.'). Следует отметить, что само свойство или признак, служащие основанием для сравнения, как правило, не упоминаются. Тем самым говорящим предоставляются необходимость и свобода определения в соответствующем контексте выбираемого свойства, которое, как и ранее, лексикограф стремится подсказать пользователям словаря с помощью приводимых контекстов. Например: *лицо...с коровьими бесцветными ресницами; маленький бойкий человек с острым крысиным личиком; нужно было иметь кошачьи глаза и кошачью легкость, чтобы выйти невредимым из этой топи*. Сам перечень

свойств, по которым возможно сравнение с животным, не ограничен, хотя в нем доминируют цвет, форма и некоторые другие перцептивные качества (*кошенилевая краска, верблюжьего цвета пальто, в летней канареечного цвета рубашке; аптекарь с кислым лицом и ослиной челюстью; его лицо, рысьи бакены и очки как бы говорили, говорила комариным голосом, кукушечья у вас песня* и др.), а также сходство в строении (*мотыльковое строение цветка, на кривых крабьих ногах низкий человек*), манере передвижения (*шел неспешно и споро, куличьим шагом*) и т.д. В качестве показательного примера множественности сравнений, основанием для которых выступают разные параметры-характеристики животного, можно привести прилагательное *дельфиний*: *дельфины бедра, обтянутые ... джинсами без пояса...; с дельфиньими мордами автомобилей; рассмеялась, показав ослепительные дельфины зубы; припадая к земле дельфиным носом ...рулит ИЛ-62...; ...издает не дельфины, и не мышинные звуки; с дельфиньей улыбкой; дельфиний гам – нет, гимн – разлился вокруг; полезным дельфиным привычкам; недостающую ракете дельфинью гибкость; вспыхивают... дельфины всплески* и т.д. В них демонстрируется богатство знаний о данном животном, на базе которых становится возможным более точное описание характеристик человека окружающего его мира.

Заключение

Не приводя далее примеров, аналогичным образом подтверждающих множественность знаний о животном мире, актуализируемых с помощью отзоонимных адъективных слов в русском языке, отметив также разную употребительность используемых в их толкованиях дескрипторов (см. табл. 1), считаем возможным сделать следующее заключение.

За общим значением соотнесенности с сущностью, в нашем случае, с обозначаемым животным, эксплицируемым с помощью общего дескриптора

‘относящийся к’, скрывается целая гамма отношений, отражающая знания языкового коллектива о характеристиках, строении животного, его частях тела, среде его обитания, потребностях и т.д., и, что не менее важно, возможностях и способах практического использования человеком. Лексикографы, по-видимому, рассматривая общую связь с исходным животным как базу, на которой строится и функционирует язык, и не полагаясь на относительно легкую прогнозируемость и реконструируемость связи в конкретных ее проявлениях, приобретаемых в контексте, считают в своих дескрипциях необходимым не только отобразить имеющую место общую связь, достигая тем самым требуемой от лексикографа унификации описания производных слов данного типа. Они используют целый ряд дескрипторов-модификаторов, уточняющих тип связи с исходным зоонимом. Выбор конкретного дескриптора в таком случае предопределяется определяемым словом и подсказывается характером деятельности, связывающей животное и человека, ее практической направленностью.

Литература

- 1- *Грамматика современного русского литературного языка* (1970). / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Академия наук. 754 с.
- 2- *Русская грамматика*. Т.1 (1980).: Фонетика. Фонология. Ударение Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука. 784 с.
- 3- Wierzbicka, A. (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma Publishers. 390 с.
- 4- БАС-1 *Словарь современного русского литературного языка*. М.-Л., (1948–1965), Т. 1–17.
- 5- БАС-3 - *Большой академический словарь русского языка* (2004). / Гл. ред. К.С. Горбачевич, А. С. Герд. М. -СПб.: Наука. - продолжающееся издание.
- 6- Земская Е.А. (1978). *О парадигматических отношениях в словообразовании*. В кн.; Русский язык, Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения, I–VIII, М.: Наука. С. 63–77.
- 7- Бабенко Л. Г., Дьячкова Н. А., Казарин Ю. В. (2016). *Словарь-тезаурус русских глаголов* / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 834 с.

- 8- *Русский семантический словарь* (2002). / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М.: Азбуковник. С. 407–458.
- 9- *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/> (Дата доступа: 25.03.2025).
- 10- Ljung M. English Denominal Adjectives. (1970). *A Generative Study of the Semantics of a Group of High-Frequency Denominal Adjectives in English*. Lund: Acta Universitatis Gothoburgensis. 249 p.
- 11- Харитончик З.А. (1971). *Семантика суффиксального производного слова (на материале прилагательных в современном английском языке)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / МГПИИЯ им. М.Тореза. М. 24 с.
- 12- Ло Чжэнцзинь. (2024). *Деривационный потенциал наименований животных в современном русском языке* / Ло Чжэнцзинь // Вестник Минск. гос. лингв. ун-та. – Сер.1, Филология. Минск: МГЛУ. №.4(131). С. 103–112.
- 13- Bolinger, D. (1965). *The Atomization of Meaning* // *Language*. Vol. 41, № 4. P. 555–573.

Bibliography

- 1- *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka* (1970). / Pod red. N. Iu. Shvedovoi. M.: Akademiia nauk. 754 s.
- 2- *Russkaia grammatika*. T.1 (1980).: Fonetika. Fonologiya. Udarenie Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya / gl. red. N. Iu. Shvedova. M.: Nauka. 784 s.
- 3- Wierzbicka, A. (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma Publishers. 390 s.
- 4- BAS-1 *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo iazyka*. M.-L., (1948–1965), T. 1–17.
- 5- BAS-3 - *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo iazyka* (2004). / Gl. red. K.S. Gorbachevich, A. S. Gerd. M. -SPb.: Nauka. - prodolzhaushcheesia izdanie.
- 6- Zemskaia E.A. (1978). *O paradigmaticeskikh otnosheniiakh v slovoobrazovanii*. V kn.; *Russkii iazyk, Voprosy ego istorii i sovremennogo sostoiianiia*. Vinogradovskie chteniia, I–VIII, M.: Nauka. С. 63–77.
- 7- Babenko L. G., D'iachkova N. A., Kazarin Iu. V. (2016). *Slovar'-tezaurus russkikh glagolov* / pod obshch. red. L. G. Babenko. M.: AST-PRESS, 834 s.
- 8- *Russkii semanticheskii slovar'* (2002). / Pod red. N. Iu. Shvedovoi. M.: Azbukovnik. С. 407–458.
- 9- *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://ruscorpora.ru/> (Data dostupa: 25.03.2025).

- 10- Ljung M. English Denominal Adjectives. (1970). *A Generative Study of the Semantics of a Group of High-Frequency Denominal Adjectives in English*. Lund: Acta Universitatis Gothoburgensis. 249 p.
- 11- Kharitonchik 3.A. (1971). *Semantika suffiksial'nogo proizvodnogo slova (na materiale prilagatel'nykh v sovremennom angliiskom iazyke)*: Avtoref. dis. ... kand. filol, nauk / MGPIIa im. M.Toreza. M. 24 s.
- 12- Lo Chzhentszin'. (2024). *Derivatsionnyi potentsial naimenovanii zhivotnykh v sovremennom russkom iazyke* / Lo Chzhentszin' // Vestnik Minsk. gos. lingv. un-ta. – Ser.1, Filologiya. Minsk: MGLU. №.4(131). S. 103–112.
- 13- Bolinger, D. (1965). *The Atomization of Meaning* // Language. Vol. 41, № 4. P. 555–573.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Luo Z. (2026). LEXICOGRAPHIC DESCRIPTORS OF SEMANTICS OF ADJECTIVES DERIVED FROM ZOONYMS IN MODERN RUSSIAN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 14(1), 191-209.

DOI: 10.61186/IARLL.27.11

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/395>

توصیف‌گرهای معناشناختی در فرهنگ‌نگاری صفت‌های مشتق از نام حیوانات در زبان روسی معاصر

ژنگ‌جین لو^{*}

دانشجوی دکتری، دانشگاه دولتی زبان‌های خارجی بلاروس،
مینسک، بلاروس

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به بررسی و توصیف دسکرپتورها (توصیف‌گرهای معناشناختی) در تعاریف واژگانی صفت‌هایی می‌پردازد که از نام حیوانات در زبان روسی معاصر مشتق شده‌اند. بر اساس تحلیل، دو نسخه از فرهنگ لغت‌های توضیحی («فرهنگ لغت زبان ادبی روسی معاصر» و «فرهنگ لغت بزرگ آکادمیک زبان روسی») و با استفاده از بررسی توصیفی، مشخص می‌شود که زبان‌شناسان و فرهنگ‌نویسان، اولاً از اصل توصیف یکپارچه پیروی می‌کنند تا ساختار معنایی عمومی واژگان مشتق‌شده را نشان دهند و از توصیف‌گرهای معناشناختی «مربوط به» استفاده می‌کنند. ثانیاً برای بازتاب کامل معانی متعدد که توسط واژه‌های مشتق شده منتقل می‌شوند (مانند: دُم ماهی، سوپ ماهی، خوراک ماهی، طبیعت ماهی گونه انسان و غیره) و در مواجهه با نیاز به تعیین دقیق نقش واژه در زمینه جمله؛ از جمله مالکیت، هدف، کاربرد، ابزار، شباهت و غیره، فرهنگ‌نویسان از بیش از ۳۰ توصیف‌گر معناشناختی-تعدیل‌کننده استفاده می‌کنند، مانند «وابسته به»، «ساخته شده از»، «تهیه شده از» و غیره که بسته به فراوانی کاربردشان در تعاریف متفاوت هستند.

واژگان کلیدی: صفت‌های مشتق از اسم، زونیم (نام حیوان)، تعریف واژگانی، دسکرپتور، تعدیل.

1. E-mail: a470243764@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0000-3334-1379>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی-پژوهشی

CATEGORICAL SITUATION OF CAUSATIVITY EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN VERB *ТРЕВОЖИТЬ*

Malakhova Elizaveta Vadimovna^{1*}

PhD Student, Perm State National Research University,
Perm, Russia

(date of receiving: November, 2025; date of acceptance: January, 2026)

Abstract

This paper is developed within the framework of the functional-grammatical approach and presents a detailed study of the mechanisms of inter-categorical interaction, focusing on the emotive causative verb *тревожить*. The main objective of the study is to construct a comprehensive model demonstrating how a combination of functional-semantic categories (FSCs) is actualized across diverse contexts of this verb's usage. Based on a comprehensive analysis of examples extracted from the National Corpus of the Russian Language (NCRL), the study demonstrates that the categorial situation represented by the verb *тревожить* constitutes an inter-categorical inclusion. Its core is formed by the inseparably linked categories of causativity (instigation of a state) and emotivity (conveyance of the emotion of anxiety). However, the model extends beyond this pair. The work identifies and systematically describes the phenomenon of inter-categorical crossing—the dynamic interaction of the core pair with peripheral functional-semantic categories. Analysis reveals that contexts featuring the verb *тревожить* regularly activate categories such as intensity (e.g., adverbs *сильно*, *слегка*), iterativity (verbs with the prefix *по-*: *потревожить*), temporality (aspectual-temporal verb forms), instrumentality (*тревожить звонками*), locality (*тревожить на работе*), and taxis (*тревожить, пока не ответит*), which find direct expression through specific lexical and grammatical markers. The scientific novelty of the research lies, firstly, in describing the verb *тревожить* as a complex center of a categorial situation that organizes an entire network of semantic connections around itself. Secondly, the study contributes to linguistic theory by identifying specific zones of its interaction with a wide spectrum of FSCs. Particular attention is paid to semantically complex cases, such as contexts involving implicit causativity, where the cause of anxiety is not explicitly named but inferred from the situation, and the phenomenon of auto-causation, where the subject and object of the action coincide in one person (*тревожиться*). These aspects significantly expand the traditional understanding of the semantics and functional potential of this verb, demonstrating its role not merely as a label for an action but as a node within a complex semantic network.

Keywords: Functional Grammar, Causativity, Emotive Causative, Inter-Categorical Crossing, Categorial Situation.

1. E-mail: lisaveet@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-3776-8531>

* Corresponding author

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ КАУЗАТИВНОСТИ НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛА РУССКОГО ЯЗЫКА *ТРЕВОЖИТЬ*

Малахова Елизавета Вадимовна^{1*}

Аспирант, Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

(дата получения: ноябрь 2025 г.; дата принятия: январь 2026 г.)

Аннотация

Настоящая статья подготовлена в рамках функциональной грамматики и представляет собой детализированное исследование механизмов межкатегорияльного взаимодействия, объектом которого выступает эмотивный каузатив *тревожить*. Основной целью работы является построение комплексной модели, демонстрирующей, как совокупность функционально-семантических категорий (ФСК) актуализируется в разнообразных контекстах употребления данного глагола. В ходе исследования, основанного на сплошной выборке примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ), доказывается, что категориальная ситуация, репрезентируемая глаголом *тревожить*, является межкатегорияльной инклюзией. Её ядро образуют неразрывно связанные категории каузативности (вызывание состояния) и эмотивности (передача эмоции беспокойства). Однако модель не ограничивается этой парой. В работе выявлен и системно описан феномен межкатегорияльного кроссинга – динамичного взаимодействия ядерной пары с периферийными функционально-семантическими категориями. Анализ показывает, что в контекстах с глаголом *тревожить* регулярно актуализируются такие категории, как интенсивность (например, наречия *сильно*, *слегка*), итеративность (глаголы с приставкой «по-»: *потревожить*), темпоральность (видо-временные формы глагола), инструментальность (*тревожить звонками*), локативность (*тревожить на работе*) и таксис (*тревожить, пока не ответит*), что находит своё прямое выражение в конкретных лексических и грамматических показателях. Научная новизна исследования заключается, во-первых, в описании глагола *тревожить* как комплексного центра категориальной ситуации, организующего вокруг себя целую сеть семантических связей. Во-вторых, работа вносит вклад в теорию языка, демонстрируя конкретные зоны его взаимодействия с широким спектром функционально-семантических категорий. Особое внимание уделяется семантически осложнённым случаям, таким как контексты с имплицитной каузативностью, где причина тревоги не названа прямо, но выводится из ситуации, и феномену автокаузации, когда субъект и объект воздействия совпадают в одном лице (*тревожиться*). Эти аспекты существенно расширяют традиционное представление о семантике и функциональном потенциале данного глагола, демонстрируя его роль не просто как обозначения действия, а как узла сложной семантической сети.

Ключевые слова: функциональная грамматика, каузативность, эмотивный каузатив, межкатегорияльный кроссинг, категориальная ситуация.

Введение

В фокусе современных исследований по функциональной грамматике находятся такие категории, как инструментальность (Яркова 2025; Рябкин 2022, 2025), таксис (Архипова, Шустова 2024; Ивонина 2024; Архипова 2024; Красноборова 2024), а также сфера эмотивности и экспрессивности (Лю Шушуай 2025; Сюткина 2021, 2023, 2024). В центре внимания данной статьи находится категория каузативности, рассматриваемая в рамках функционально-семантического подхода.

В основе исследования лежит концепция функциональной грамматики, разработанная Санкт-Петербургской (Ленинградской) школой. Этот подход позволяет системно описать разноуровневые языковые средства, выражающие единую семантическую категорию.

Основная часть

Функциональная грамматика базируется на трех фундаментальных принципах, которые отличают ее от формальных подходов.

1) Семантико-центричный подход. В отличие от традиционной грамматики, которая часто движется от формы к значению, функциональный анализ исходит из смысла (семантики) и исследует весь спектр языковых средств, доступных для его выражения. Этот принцип находит отражение в концепции функционально-семантических полей, которая моделирует процесс речепорождения: говорящий, имея определенную коммуникативную цель, выбирает наиболее адекватные варианты из целого арсенала грамматических и лексических конструкций.

2) Учет коммуникативного контекста. Второй принцип предполагает обязательный учет условий коммуникации и широкого контекста. Функциональная грамматика исследует язык в его реальном функционировании, где единицы языка связаны семантическими отношениями, а не являются изолированными друг от друга.

3) Рассмотрение языка как инструмента мышления. Ключевым отличием является взгляд на язык не как на пассивную систему соответствий между смыслом и формой, а как на активное орудие, с помощью которого формируется, структурируется и выражается мысль. Таким образом, грамматика напрямую связывается с когнитивными процессами (Воейкова 2015. 6-7).

Одним из фундаментальных понятий функционально-семантического подхода выступает категориальная ситуация, которая интерпретируется как «выражаемая различными средствами высказывания типовая содержательная структура, а) базирующаяся на определённой семантической категории и образуемая ею в данном языке функционально-семантическом поле (ФСП); б) представляющая собой один из аспектов общей ситуации, передаваемой высказыванием, одну из его категориальных характеристик (аспектуальную, темпоральную, модальную)» (Бондарко 1987. 12). Данное понятие тесно связано с концепцией функционально-семантического поля, определяемого как системная группировка разноуровневых средств языка, взаимодействующих на основе общности их семантических функций и выражающих различные реализации определённой семантической категории (Бондарко 2002. 15). Эти два взаимодополняющих понятия образуют методологическую основу для анализа языка как целостной системы, в которой грамматические, лексические и синтаксические средства объединяются для выражения семантических инвариантов. Структура ФСП характеризуется иерархической организацией с ядерными элементами, максимально специализированными для выражения целевой семантики, и периферийными средствами, способными выполнять сходные функции в определённых контекстах. Принцип функциональной эквивалентности позволяет описывать взаимодействие разноуровневых языковых элементов в рамках единого семантического пространства, в то

время как категориальные ситуации представляют конкретные реализации этого взаимодействия в речи.

Динамическая природа ФСП проявляется в его способности к трансформациям и перестройкам в зависимости от коммуникативной ситуации и контекста, что находит отражение в вариативности категориальных ситуаций. Теория функционально-семантических полей и категориальных ситуаций представляет особую ценность для изучения каузативности, поскольку позволяет анализировать различные способы выражения причинно-следственных отношений как систему взаимосвязанных реализаций, учитывая при этом как системные возможности языка, так и их конкретное воплощение в речевой деятельности.

В данной статье исследуется категориальная ситуация каузативности. Изучение категории каузативности, ведущее начало с античных времен, остается актуальным и сегодня: «Идея причинности прошла в своем развитии разные стадии: наивное понимание причинности в первобытном обществе; причина как «первоначало» у древних греков; телеологическая причинность периода эллинизма и средневековья; действующая, «силовая» причина в механике и философии нового времени; внутренняя, качественная причина в немецкой классической философии; агностицизм Д. Юма и позитивистов в трактовке причинности» (Терешина 2007. 199).

Функциональная грамматика предлагает динамический подход к описанию каузативности. Такой подход возможен и эффективен потому, что языковые средства, выражающие каузативность, представлены на разных уровнях системы языка: «данная категория наряду с другими функционально-семантическими категориями имеет обобщенное значение и оформляется системой языковых средств» (Шустова 2010. 10).

Процесс каузации, понимаемый как языковое воплощение универсальной логической категории причинности, в лингвистике принято подразделять на

два взаимосвязанных, но различных аспекта: каузальность и каузативность. Каузальность представляет собой причинение через обусловленность (причина, условие, уступка, цель), а каузативность рассматривается как причинение через побуждение. Понятие каузальности лежит в основе человеческого сознания и не может быть устранено без кардинального изменения всей картины мира. Каузальность включает в себя четыре типа отношений: причинно-следственные, условно-следственные, уступительно-следственные отношения и целевые следственные отношения (Шустова 2010. 10).

За понятийную основу каузативности мы принимаем значение побуждения субъектом объекта к действию или изменению состояния. Каузативность представляет собой выражение причинно-следственной связи, где воздействие каузатора (субъекта или события) детерминирует действие, состояние или качественное изменение другого субъекта. Например: *Его слова убедили комиссию в целесообразности проекта* → *Комиссия убедилась в его целесообразности*; *Экономический кризис заставил компанию сократить расходы* → *Компания сократила расходы*.

Каузативная семантика по своей природе бинарна, поскольку отражает причинно-следственную связь между двумя ситуациями, где одна служит причиной возникновения другой: «Объект каузирующего действия испытывает определенное воздействие каузирующего субъекта, в результате которого приобретает новое каузируемое состояние. Таким образом, объект – центральный участник (или актант) в каузативной макроситуации. Являясь одновременно объектом каузирующего действия и субъектом каузируемого состояния / действия, он непосредственно участвует во всех ситуациях единой каузативной макроситуации» (Баклагова 2009. 100).

Обязательными элементами каузативной структуры являются каузатор и объект каузации. Каузатор – лицо, которое оказывает воздействие на объект

каузации, то есть понятие каузатора связывается с понятиями – актор, инициатор, источник действия, активный участник каузативной ситуации. Объект каузации – лицо, выступающее в роли носителя состояния, то есть пациенс или пациентивный участник каузативной ситуации. Факт каузации, представляемый каузативным глаголом.

Каузативные глаголы функционируют в каузативной структуре, в которой каузатор, как правило, должен удовлетворять трем признакам агентивности: а) всегда являться одушевленным именем (признак агентивности); б) каузатор совершает воздействие, стимулированное волевым импульсом (признак волевости); в) волеизъявление может сопровождаться речевым актом (признак инициативности) (Шустова 2010. 75). Сущность каузативности как межличностного взаимодействия проявляется, таким образом, в целенаправленном изменении ключевых человеческих сфер: физической, перцептивной, психической и информативной (там же).

Понятийные категории представляют собой универсальные когнитивные структуры, присущие человеческому мышлению и языку в целом. Эти категории получают свое воплощение в конкретных языках через семантические категории, которые являются результатом интерпретации понятийных категорий средствами данной языковой системы. Процесс интерпретации осуществляется через семантические функции - свойственные конкретному языку потенциальные возможности передачи определенного содержания различными способами (Бондарко 1974. 67-68).

Семантические функции выступают как системные механизмы реализации содержательных категорий в языке. Они проявляются через совокупность формальных средств - грамматических, лексических, синтаксических, которые в своей системе образуют функционально-семантическое поле. Каждое такое поле представляет собой единство семантической инвариантности и формальной вариативности.

Важным аспектом является диалектическое соотношение между универсальностью понятийных категорий и спецификой их языковой реализации. Если понятийные категории отражают общие закономерности человеческого мышления, то семантические категории демонстрируют, как эти универсалии преломляются через призму конкретной языковой системы. Эта специфика проявляется в выборе доминирующих средств выражения, в степени грамматикализации тех или иных значений, в особенностях комбинаторики языковых элементов.

В отличие от классических функционально-семантических категорий, таких как темпоральность или персональность, которые обладают четким морфологическим ядром (категории времени и лица соответственно), каузативность в рассматриваемых языках лишена единой грамматикализованной формы. Ее специфика заключается в интеграции разноуровневых языковых средств, объединенных общей семантической функцией каузирования.

Эмотивные каузативы определяются как глаголы, отражающие межличностное взаимодействие, приводящее к изменению эмоционально-психического состояния объекта. В функциональной грамматике категории представлены двумя взаимосвязанными аспектами: функционально-семантическими полями (имеющими связи с категориями мышления) и категориальными ситуациями (реализующими семантические категории в конкретных высказываниях).

Взаимодействие категориальных элементов, представляющих разные семантические категории, формирует категориальный семантический комплекс. Эмотивно-каузативный комплекс актуализирует позитивную или негативную модификацию эмоционального состояния объекта через единство двух категориальных сем - эмотивности и каузации. Структурно категориальный семантический комплекс представляет иерархическую

организацию, включающую субкомплексы - совокупности семантических категорий, находящихся в подчинительной позиции относительно доминантного семантического комплекса.

Для настоящего исследования был выбран глагол *тревожить* как репрезентативный эмотивный каузатив, обладающий значительным семантическим и функциональным потенциалом. Для описания семантического поля и особенностей функционирования глагола обратимся к его дефинициям в авторитетных лексикографических источниках.

ТРЕВОЖИТЬ: 1. Приводить в тревогу, в волнение. *Тревожит отсутствие писем. Тревожат слухи.* 2. Мешать кому-н., беспокоить. *Весь день тревожат посетители.* (ТСРЯ-О 2019. 1207); 1. Приводить в состояние тревоги, волнения *Меня тревожит Ваше здоровье.* 2. Причинять беспокойство, боль, неудобство; беспокоить *Тревожит спящего.* 3. Нарушать обычное положение, состояние *Тревожит больную ногу.* (БТСРЯ 2000. 1341); 1. Вызывать у кого-л. состояние беспокойства, волнения, обычно в ожидании опасности или чего-л. неизвестного *Мысль о переезде на Север тревожила Сергеева, ведь он будет так далеко от своих друзей.* (ТСРГ 1999. 540); 1. Внушать тревогу, приводить в состояние тревоги, волнения, беспокойства *Меня тревожит отсутствие писем от друга.* 2. Мешать кому-чему-н., отнимать у кого-н. покой, время *Британской музы небылицы тревожат сон отроковицы.* 3. Раздражать, лишая спокойствия, заставляя нервничать *Его тревожат всякие слухи, толки, сплетни.* 4. Бредить, растравлять *Тревожит рану* (ТСРЯ-У 1940. 782).

Глагол *тревожить* демонстрирует сложную семантику, находящуюся на пересечении каузативности и эмотивности. Его способность описывать как внутреннее, психологическое состояние, так и внешнее, физическое беспокойство, делает его богатым материалом для лингвистического анализа, в частности, для исследования взаимодействия функционально-семантических

категорий. Анализ более 1800 контекстов из НКРЯ позволил выявить и описать структуру категориальной ситуации глагола, которая включает в себя следующие компоненты: каузатор, объект каузации и ряд категориальных показателей (интенсивности, интеративности, темпоральности, инструментальности, локативности и таксиса). Рассмотрим подробно каждый из этих элементов.

1) **Каузатор:** человек, группа лиц.

*Рустем спасен, а враг лежит убитый; Ему покойно; я тревожить
Его не стану: всем моим бальзамом Пожертвовать готов я для
Рустема* (В. А. Жуковский. Рустем и Зораб. Персидская повесть (1846-1847) НКРЯ).

*Он решил не тревожить раненого и отошел в сторону, чтобы не
мешать ему отдыхать* (А. С. Новиков-Прибой. Цусима (1935) НКРЯ).

Во всех примерах каузатором выступает говорящий субъект («я» или «он»), который через осознанное бездействие *не стану тревожить*, *решил не тревожить* инициирует причинно-следственную связь. Его решение воздержаться от действия не является пассивным, а представляет собой волевой акт, напрямую направленный на достижение конкретного результата – сохранение состояния покоя другого человека. Таким образом, каузация реализуется здесь не через прямое побуждение, а через обусловленность, где намеренное невмешательство становится причиной для поддержания или наступления желаемого положения дел.

2) **Объект каузации:** человек, группа лиц.

*Это посещение француза тревожило Пьера; то ему казалось, что
это означала хорошее, то – дурное* (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том четвертый (1869) НКРЯ).

Для чего, спрашивается, она тревожила очень занятого маэстро своим заказом (Елена Беспалова. Культ тела: Бакст и оперные дивы // «Теория моды» (2013) НКРЯ).

В данных примерах объектом каузации выступает человек, испытывающий на себе причинно-следственное воздействие, которое проявляется в его психическом или эмоциональном состоянии. Глагол *тревожить* здесь непосредственно указывает на то, что некое действие или событие (*посещение француза, ее отказ*) становится причиной, а изменение внутреннего состояния человека – следствием.

- 3) **Категориальные показатели интенсивности:** адverbиальные интенсификаторы: *слабо, сильно, очень, тяжело, назойливо, особенно, усиленно, больно, язвительно, излишне, постоянно, в высшей степени, весьма, немного, никогда, слегка.*

Старшая сестра, женщина властная и мнительная, постоянно тревожила семейство рассказами о своих снах и дурных предчувствиях (А. П. Чехов. Скучная история (1889) НКРЯ).

Своими неуместными шутками и замечаниями молодой человек весьма тревожил и смущал почтенных гостей, собравшихся за столом (М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлёвы (1880) НКРЯ).

В данных примерах категориальные показатели интенсивности, выраженные адverbиальными интенсификаторами, конкретизируют характер каузативного воздействия.

В первом примере интенсификатор *постоянно* не просто указывает на частоту действия, а качественно характеризует каузацию, подчеркивая систематичность и неотступность причиняемого беспокойства.

Во втором примере интенсификатор *весьма* выполняет схожую функцию, но акцентирует высокую степень интенсивности единичного воздействия. Он

градуирует силу причинно-следственной связи, показывая, что действия молодого человека не просто беспокоили гостей, а делали это в значительной мере, придавая ситуации социально-оценочный оттенок нарушения допустимых норм.

- 4) **Категориальные показатели итеративности:** *постоянно, ежеминутно, часто, давно, непрерывно, опять, столько раз, порою, снова.*

Она постоянно тревожила мужа мелочными придирками, не давая ему ни минуты покоя (А. П. Чехов. Дуэль (1891) НКРЯ).

И снова она тревожила его расспросами о том, что лучше было бы оставить в прошлом (М. Горький. Жизнь Клима Самгина (1928) НКРЯ).

Категориальные показатели итеративности конкретизируют каузативное воздействие, определяя его как повторяющееся или протяженное во времени. Они акцентируют не столько интенсивность, а сколько сам факт многократной реализации причинно-следственной связи.

- 5) **Категориальные показатели темпоральности:** *днем и ночью, подчас, долго, когда-то, всю жизнь, тогда, с тех пор, некогда, теперь.*

С тех пор Пьера не тревожили, и он целый день проводил одну наверху, в своей комнате. (Л. Н. Толстой. Война и мир. Том первый (1869) НКРЯ).

Она долго тревожила мать своими ночными бдениями у окна, пока та не решилась поговорить с ней откровенно. (А. П. Чехов. Три сестры (1900) НКРЯ).

Категориальные показатели темпоральности играют системообразующую роль в реализации причинно-следственной связи, определяя ее временные границы и динамику развития. В первом примере, показатель *с тех пор* не просто указывает на момент прекращения воздействия, но и устанавливает

причинно-временную связь между предыдущими событиями и наступившим состоянием покоя объекта. Во втором примере, маркер *долго* акцентирует кумулятивный характер каузации, где продолжительное воздействие закономерно приводит к качественному изменению ситуации – решению матери поговорить с дочерью.

6) **Категориальные показатели инструментальности:** *тревожить* чем-л.

6.1) Вербально: *вестями, рассказами, разговорами, думами, вопросами, догадками, угрозами, расспросами, слухами.*

*Я не считаю себя вправе **тревожить** вас **вопросами*** (Л. Н. Толстой.

Зараженное семейство (1864) НКРЯ).

*Старый учитель невольно **тревожил** юношу своими **рассказами** о прошлых неудачах, поселяя в его душе сомнения* (А. П. Чехов. Скучная история (1889) НКРЯ).

6.2) Невербально: *ощущениями, предчувствием, звонком, запахом, шумом, смехом, молчанием, внешностью, поведением.*

*Когда больных **тревожили** звонком,*

Дабы прервать глотком или зевком

Их пренья и паренья исступленья,

Карсавиной к нему склонились перья (Б. А. Ахмадулина. Видение розы: «Стоял туман, в котором слепнет посох...» НКРЯ).

*Своею угрюмою **задумчивостью** и **молчанием** он, казалось, **тревожил** всех окружающих, которые привыкли к веселью и шуму* (М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839) НКРЯ).

6.3) События и процессы: *вальсом, песнью, напевами, мыслями, снами, новостями, известиями, ожиданием, неопределенностью.*

*Молодой офицер **тревожил** мать частыми **известиями** с фронта, и каждое письмо заставляло её трепетать от страха* (Л.Н. Толстой. Война и мир (1869) НКРЯ).

6.4) Предметы: *звонком, стуком, письмом, телеграммой.*

*Не браните нас, что мы так много **тревожили** Вас **телеграммами*** (Н. А. Некрасов. Письмо П. В. Анненкову, 27 апреля 1875 г. (1875) НКРЯ).

6.5) Генерализованный инструмент: *чем-то, кое-чем, многим, всем, ничем.*

*Она понимала, что теперь **ничем не тревожит** его, что он обрёл наконец душевный покой* (Л. Н. Толстой. Воскресенье (1899) НКРЯ).

Категориальные показатели инструментальности в каузативных конструкциях формируют развернутую систему, включающую вербальные (вопросы, рассказы), невербальные (молчание, поведение), событийные (известия, ожидание) и предметные (телеграммы) средства воздействия, а также генерализованные маркеры (ничем, всем). Представленная система демонстрирует способность языка моделировать разнообразные механизмы причинно-следственных связей – от целенаправленного прямого воздействия до комплексного влияния множественных факторов, что отражает когнитивную сложность организации категории каузативности в языковом сознании и подчеркивает ее структурную многокомпонентность.

7) **Категориальный показатель локативности:** *в доме, в городе, во сне.*

*Старый слуга **тревожил** ребенка **в доме** своими предостережениями и суеверными рассказами* (В. Г. Короленко. Слепой музыкант (1896) НКРЯ).

Локативный показатель *в доме* в данном контексте конкретизирует пространственные рамки каузативного воздействия, актуализируя семантику нарушенного личного пространства. Этот маркер интегрируется в систему выражения причинно-следственных отношений, демонстрируя связь локативных и каузативных значений в структуре высказывания.

8) **Категориальный показатель таксиса:**

Пока отец тревожил гостя разговорами о политике, сын украдкой наблюдал за ними из соседней комнаты (И.С. Шмелёв. Лето Господне (1948) НКРЯ).

Анализ примера из произведения И.С. Шмелёва «Лето Господне» позволяет выявить комплексный характер функционирования эмотивного каузатива *тревожить*. В конструкции *Пока отец тревожил гостя разговорами о политике* наблюдается синтаксически сложная организация каузативной ситуации, где представлены все ключевые компоненты: каузатор (отец), объект воздействия (гостя) и инструмент каузации (разговорами). Особый интерес представляет таксисная связь, выраженная союзом "пока", который устанавливает временную зависимость между каузативным процессом и параллельным действием наблюдения.

При рассмотрении семантики глагола *тревожить* важным аспектом является его способность выражать имплицитную каузативность. Данное свойство проявляется в возможности глагола сочетаться с неотчуждаемыми сущностями антропонимического характера - такими как душа, сердце, совесть, ум, воображение. Эти абстрактные понятия, будучи внутренне присущими человеку, становятся объектом каузативного воздействия, что демонстрирует способность языка вербализовать сложные психологические процессы.

Параллельно с этим каузатив *тревожить* проявляет способность к экспликации воздействия на коллективные субъекты. Объекты, образно

передающие группу лиц или общее состояние *всю округу, общество*, указывают на социальный аспект функционирования данного глагола. Эта особенность позволяет рассматривать *тревожить* как средство выражения не только индивидуальных, но и коллективных эмоциональных состояний, что расширяет его функциональный потенциал в языке.

Сомнения тревожили его ум (Лев Толстой. Анна Каренина (1878) НКРЯ).

Эта мысль тревожила его воображение (И.С. Тургенев. Отцы и дети (1862) НКРЯ).

Вести о приближении неприятеля тревожили всю округу (Сергей Аксаков. Семейная хроника (1856) НКРЯ).

Нами были выявлены примеры автокаузации – ситуаций, когда говорящий сам выступает источником, и объектом воздействия на свое эмоциональное состояние. Грамматически это оформляется с помощью возвратных местоимений «себя / сам» или возвратной частицы «-ся», которые указывают на направленность действия на самого субъекта.

Дух изможденный, дух усталый,

Зачем себя тревожишь ты,

Укор мне шепчешь запоздалый,

Смущая вялые мечты.

Дух изможденный, дух усталый,

Зачем себя тревожишь ты,

Укор мне шепчешь запоздалый,

Смущая вялые мечты (Н. В. Недоброво. «Дух изможденный, дух усталый» НКРЯ).

Заключение

Эмотивный каузатив *тревожить* представляет собой пример актуализации межкатегориальной инклюзии, при которой происходит органичное

включение функционально-семантической категории эмотивности в категорию каузативности. Данный глагол демонстрирует явление межкатегориального кроссинга - сложного пересечения с другими функционально-семантическими категориями, что подтверждается анализом материалов Национального корпуса русского языка.

При функционировании каузатива *тревожить* наблюдается системное взаимодействие с категорией интенсивности, выражаемой адverbиальными показателями *сильно, весьма, постоянно*, которые градуируют степень эмоционального воздействия. Категория итеративности, маркируемая показателями *постоянно, снова, часто*, актуализирует повторяющийся, навязчивый характер каузативного воздействия. Темпоральные показатели *долго, с тех пор, тогда* определяют временные параметры каузации, устанавливая её длительность и границы.

Локативные маркеры *в доме, в городе* конкретизируют пространственный контекст каузативного процесса, часто актуализируя семантику нарушенного личного пространства. Категория таксиса, выражаемая союзами *пока, когда*, организует временную перспективу высказывания, устанавливая соотношения между каузативным и сопутствующими действиями.

Особый интерес представляет способность глагола *тревожить* к реализации имплицитной каузативности, направленной на неотчуждаемые сущности антропонимического свойства *ум, воображение, душу* и коллективные объекты *всю округу*. Выявленные случаи автокаузации с возвратными местоимениями и частицей *-ся* демонстрируют способность языка моделировать рефлексивные интрапсихические процессы, где субъект одновременно выступает источником и объектом воздействия.

Важным аспектом является также семантическая диффузия каузатива *тревожить*, проявляющаяся в его способности функционировать в различных

регистрах речи - от бытового общения до художественных текстов и публицистики. Эта особенность подчеркивает универсальность данного каузатива как средства выражения эмоционального воздействия в разных типах дискурса.

Следует особо отметить явление семантической полифонии глагола *тревожить*, который способен одновременно передавать несколько значений: собственно каузативное (вызывание состояния беспокойства), эмотивное (выражение эмоционального состояния) и перлокутивное (достижение определенного коммуникативного эффекта). Эта многомерность делает данный каузатив особенно ценным для анализа языковой репрезентации сложных психических процессов.

Прагматический аспект функционирования каузатива *тревожить* проявляется в его способности маркировать различные типы речевых актов - от предупреждения и совета до упрека и манипуляции. Эта прагматическая вариативность свидетельствует о глубокой интеграции каузатива в систему языковых средств выражения межличностных отношений.

Таким образом, каузатив *тревожить* функционирует как многомерный семантический узел, связывающий различные функционально-семантические категории в единую систему. Эта сложная сеть взаимосвязей не только подтверждает теоретическое положение о межкатегориальном кроссинге, но и демонстрирует способность языка адекватно репрезентировать сложные каузативно-эмотивные отношения, отражающие многоаспектность человеческого восприятия и опыта. Эмотивный каузатив предстает как эффективное средство вербализации сложных психических процессов, где причинно-следственные отношения тесно переплетаются с эмоциональными состояниями, образуя целостную картину языковой репрезентации человеческой психики.

Литературы

- 1- Архипова И. В. (2024). *Аспектуально-таксисные свойства немецкого девербатива (на примере высказываний с предложными конструкциями)* // *Евразийский гуманитарный журнал*. № 3. С. 33–40.
- 2- Архипова И. В., Шустова С. В. (2024). *Таксис псевдоодновременности в функциональных структурах (на материале немецкого языка)* // *Евразийский гуманитарный журнал*. № 1. С. 44–53.
- 3- Бабенко Л. Г. (1999). *Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. М.: АСТ-ПРЕСС, 704 с.
- 4- Бондарко А. В. (1987). *Теория функциональной грамматики: Введение, аспектуальность, временная локализованность, таксис*. Л.: Наука, 348 с.
- 5- Бондарко А. В. (2002). *Категории в системе функциональной грамматики // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста*. Сборник статей, посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС. С. 15-21.
- 6- Воейкова М.Д. (2015). *Введение. Петербургская школа функциональной грамматики: история, современное состояние и направление развития* // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН*. Отв. Ред. Н.Н. Казанский. Т. XI, часть 1. Ред. М.Д. Воейкова, Е.Г.Сосновцева. СПб.: «Наука». 901 с.
- 7- Ивонина М. Ю. (2024). *Нефинитные глагольные формы как способ актуализации таксиса в романских языках* // *Евразийский гуманитарный журнал*. № 2. С. 75–82.
- 8- Красноборова Л. А. (2024). *Синкретизм таксисных конструкций (на материале старофранцузского языка)* // *Гуманитарные исследования. История и филология*. № 16. С. 57–63.
- 9- Кузнецов С. А. (2000). *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: «Норинт», 1536 с.
- 10- Лю Шушуай (2025). *Категория эмотивности в философии и функциональной грамматике: междисциплинарный анализ* // *Евразийский гуманитарный журнал*. № 3. С. 23–30.
- 11- Ожегов С. И. (2019). *Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений*. Под ред. проф. Л. И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир и Образование, 1376 с.
- 12- Рябкин С. А. (2022). *Актуализация категории инструментальности в английском языке* // *Гуманитарные исследования. История и филология*. № 5. С. 95–102.
- 13- Рябкин С. А. (2025). *Категория инструментальности: функционально семантический аспект* // *Евразийский гуманитарный журнал*. № 3. С. 15–22.

- 14- Сюткина Н. П. (2021). *Потенциал эмотивных каузативов с позиций функционального подхода* // Евразийский гуманитарный журнал. № 1. С. 54-59.
- 15- Сюткина Н. П. (2023). *Аспекты взаимодействия категорий интенсивности и экспрессивности в эмотивно-каузативном категориальном семантическом комплексе* // Евразийский гуманитарный журнал. № 2. С. 55–62.
- 16- Сюткина Н. П. (2024). *Эмотивная валентность: синтагматика и парадигматика* // Евразийский гуманитарный журнал. № 4. С. 37–42.
- 17- Терешина Ю. В. (2007). *Онтология категории каузативности* // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. № 4. С. 195-199.
- 18- Ушаков Д. Н. (1940). *Толковый словарь русского языка*. М.: Сов. Энцикл.: ОГИЗ, 1562 с.
- 19- Шустова С. В. (2010). *Функциональные свойства каузативных глаголов: динамический подход. Монография*. Изд. 2-е, испр. Дополн. Пермь: Пермский государственный университет, Прикамский социальный институт. 248 с.
- 20- Яркова В. В. (2025). *Дефиниционный анализ глаголов инструментальной семантики* // Евразийский гуманитарный журнал. № 2. С. 10–25.

Bibliography

- 1- Arkhipova I. V. (2024). *Aspektual'no-taksisnye svoistva nemetskogo deverbativa (na primere vyskazyvanii s predlozhnymi konstruktsiiami)* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 3. S. 33–40.
- 2- Arkhipova I. V., Shustova S. V. (2024). *Taksis psevdoodnovremennosti v funktsional'nykh strukturakh (na materiale nemetskogo iazyka)* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 1. S. 44–53.
- 3- Babenko L. G. (1999). *Tolkovyi slovar' russkikh glagolov: Ideograficheskoe opisanie. Angliiskie ekvivalenty. Sinonimy. Antonimy*. M.: AST-PRESS, 704 s.
- 4- Bondarko A. V. (1987). *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Vvedenie, aspektual'nost', vremennaia lokalizovannost', taksis*. L.: Nauka, 348 s.
- 5- Bondarko A. V. (2002). *Kategorii v sisteme funktsional'noi grammatiki* // Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta. Sbornik statei, posviashchennyi iubileiu G. A. Zolotovoi. M.: Editorial URSS. S. 15-21.
- 6- Voeikova M.D. (2015). *Vvedenie. Peterburgskaia shkola funktsional'noi grammatiki: istoriia, sovremennoe sostoianie i napravlenie razvitiia* // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovani RAN. Otv. Red. N.N. Kazanskii. T. XI, chast' 1. Red. M.D. Voeikova, E.G.Sosnovtseva. SPb.: «Nauka». 901 s.
- 7- Ivonina M. Iu. (2024). *Nefinitnye glagol'nye formy kak sposob aktualizatsii taksisa v romanskikh iazykakh* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 2. S. 75–82.

- 8- Krasnoborova L. A. (2024). *Cinkretizm taksisnykh konstruksii (na materiale starofrantsuzskogo iazyka)* // Gumanitarnye issledovaniia. Istoriia i filologiya. № 16. S. 57–63.
- 9- Kuznetsov S. A. (2000). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka*. SPb.: «Norint», 1536 s.
- 10- Liu Shushuai (2025). *Kategoriia emotivnosti v filosofii i funktsional'noi grammatike: mezhdistsiplinarnyi analiz* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 3. S. 23–30.
- 11- Ozhegov S. I. (2019). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka: Ok. 100 000 slov, terminov i frazeologicheskikh vyrazhenii*. Pod red. prof. L. I. Skvortsova. 28-e izd., pererab. Moskva: Mir i Obrazovanie, 1376 s.
- 12- Riabkin S. A. (2022). *Aktualizatsiia kategorii instrumental'nosti v angliiskom iazyke* // Gumanitarnye issledovaniia. Istoriia i filologiya. № 5. S. 95–102.
- 13- Riabkin S. A. (2025). *Kategoriia instrumental'nosti: funktsional'no semanticheskii aspekt* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 3. S. 15–22.
- 14- Siutkina N. P. (2021). *Potentsial emotivnykh kauzativov s pozitsii funktsional'nogo podkhoda* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 1. S. 54–59.
- 15- Siutkina N. P. (2023). *Aspekty vzaimodeistviia kategorii intensivnosti i ekspressivnosti v emotivno-kauzativnom kategorial'nom semanticheskom komplekse* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 2. S. 55–62.
- 16- Siutkina N. P. (2024). *Emotivnaia valentnost': sintagmatika i paradigmatika* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 4. S. 37–42.
- 17- Tereshina Iu. V. (2007). *Ontologiya kategorii kauzativnosti* // Vestnik KGU im. N.A. Nekrasova. № 4. S. 195–199.
- 18- Ushakov D. N. (1940). *Tolkovyi slovar' russkogo iazyka*. M.: Sov. Entsikl.: OGIZ, 1562 s.
- 19- Shustova S. V. (2010). *Funktsional'nye svoistva kauzativnykh glagolov: dinamicheskii podkhod. Monografiia*. Izd. 2-e, ispr. Dopoln. Perm': Permskii gosudarstvennyi universitet, Prikamskii sotsial'nyi institut. 248 s.
- 20- Iarkova V. V. (2025). *Definitsonnyi analiz glagolov instrumental'noi semantiki* // Evraziiskii gumanitarnyi zhurnal. № 2. S. 10–25.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Malakhova E. V. (2026). CATEGORICAL SITUATION OF CAUSATIVITY EXEMPLIFIED BY THE RUSSIAN VERB ТРЕВОЖИТЬ. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury*, 14(1), 211–232.

DOI: 10.61186/IARLL.27.12

URL: <https://www.journaliarll.ir/index.php/399>

وضعیت طبقه‌بندی علت‌مندی بر اساس نمونه فعل روسی «тревожить»

الیزاوتا وادیمونا مالاخووا^{*}

دانشجوی دکتری، دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم،
پرم، روسیه.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲۵؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۶)

چکیده

این مقاله در چارچوب دستور زبان کارکردی تهیه شده و پژوهشی تفصیلی درباره سازوکارهای تعامل میان‌دسته‌ای را ارائه می‌دهد که موضوع آن فعل علت‌مند عاطفی «тревожить» است. هدف اصلی پژوهش، ساخت یک مدل جامع است که نشان دهد چگونه مجموعه‌ای از دسته‌های معنایی - کارکردی (ФСК) در موقعیت‌های مختلف کاربرد این فعل فعال می‌شوند. در جریان تحقیق، که بر اساس نمونه کاملی از مثال‌ها در «پیکره ملی زبان روسی» (НКРЯ) انجام شده، نشان داده می‌شود که وضعیت دسته‌ای که توسط فعل «тревожить» نمایش داده می‌شود، یک شمول میان‌دسته‌ای است. هسته آن را دسته‌های علت‌مندی (ایجاد حالت) و عاطفی (انتقال احساس نگرانی) به‌طور جدایی‌ناپذیر تشکیل می‌دهد. با این حال، مدل به این جفت محدود نمی‌شود. پژوهش همچنین پدیده عبور میان‌دسته‌ای را شناسایی و به‌طور سیستماتیک توصیف می‌کند؛ یعنی تعامل پویا بین جفت هسته‌ای و دسته‌های معنایی-کارکردی پیرامونی. تحلیل نشان می‌دهد که در متون با فعل «тревожить» دسته‌های زیر به‌طور مکرر فعال می‌شود: شدت (مثلاً با قیده‌های *сильно*، *слегка*)، تکرارپذیری (افعال با پیشوند *потребовать*: «по-»)، زمانی بودن (شکل‌های وجه و زمان فعل)، ابزاری بودن (*тревожить звонками*)، مکان (*тревожить на работе*) و ترتیب رویدادها (*тревожить, пока не ответит*)، که این ویژگی‌ها به‌طور مستقیم در شاخص‌های واژگانی و دستوری نمود می‌یابد. نوآوری علمی این تحقیق از دو جنبه است: اول، توصیف فعل «тревожить» به‌عنوان مرکز پیچیده وضعیت دسته‌ای که شبکه‌ای گسترده از ارتباطات معنایی را حول خود سازمان‌دهی می‌کند؛ دوم، ارائه دیدگاهی نوین در نظریه زبان که نشان می‌دهد این فعل با طیف وسیعی از دسته‌های معنایی-کارکردی تعامل دارد. توجه ویژه به موارد معنایی پیچیده شده، مانند موقعیت‌هایی با علت‌مندی ضمنی که دلیل نگرانی مستقیماً بیان نمی‌شود، اما از متن استخراج می‌گردد، و پدیده خود علت‌مندی که در آن فاعل و مفعول در یک شخص جمع می‌شوند، نشان‌دهنده گسترش چشم‌انداز سنتی در مورد معنا و ظرفیت عملکردی این فعل است و نقش آن را نه تنها به‌عنوان نشانه عمل، بلکه به‌عنوان هسته‌ای از شبکه معنایی پیچیده نشان می‌دهد.

واژگان کلیدی: دستور زبان کارکردی، علت‌مندی، علت‌مندی عاطفی، عبور میان‌دسته‌ای، وضعیت دسته‌ای.

1. E-mail: lisaveet@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0003-3776-8531>

* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی - پژوهشی

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۸۰۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

برگ درخواست اشتراک

نام و نام خانوادگی / مؤسسه:

شغل / نوع فعالیت: میزان تحصیلات:

نشانی:

تلفن:

کد پستی: صندوق پستی:

شماره‌های درخواستی از شماره تا شماره تعداد

درخواستی از هر شماره: تاریخ:

امضاء

بر اساس نامه شماره ۸۷۵۶۴/۱۸/۳ مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل
محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم،
تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون
بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات
روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک
اعتبار علمی- پژوهشی اعطا شده است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» با عنوان
Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury
در پایگاه‌های SCOPUS اسکوپوس، ISC (موسسه استنادی و
پایش علم و فناوری جهان اسلام)، eLIBRARY.RU (کتابخانه
الکترونیک و استنادی کشور روسیه)، SID (پایگاه اطلاعات علمی
جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ... نمایه
می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در
پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره
۱۶/۲۰۱-۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفاں آلو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

اولگا علیمونوا باگدانووا، پژوهشگر برجسته انستیتو ادبیات جهان گورکی، آکادمی علوم روسیه (مسکو، روسیه)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزوهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلکساندرونا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ (سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیرویچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونوا مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا روستاولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه، تاجیکستان)

میشل نیکو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی («فصلنامه علمی»)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والنتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمدرضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
معصومه معتمدنیا، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مازندران، بابلسر، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۳۴۵-۲۴۹۸

شاپا الکترونیکی: ۲۴۷۶-۳۵۰۰

بها: ۴۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- آینده «ادبیات باغ عمارت» در چارچوب رویکرد تمدنی ۱۱ اولگا علیمونا باگدالوا
- پروتوموتیف (پیش موتیف) اندیشیدن در شعر درژاوین ۳۱ تاتیانا الکساندرونا کاشمچوک
- کارکرد توپونیم‌ها (جای‌نام‌ها / نام‌های جغرافیایی) در بازنمایی تصویر شرق در متن قرن هفدهمی «سفر از مسکو به پادشاهی ایران...» اثر فنودوت کوتوف ۵۱ تاتیانا ولادیمیروونا مالتسوا
- سنت‌های ژانر روایت جنگی در ادبیات روسی سده‌های نوزدهم و بیستم ۶۹ یلنا آلکسی‌یونا فیدوروا
- هم‌ارزی‌های میان فرهنگی زومورفیسم‌ها (جانور گونه‌ها) در قصه‌های فارسی و روسی ۸۵ یلنا والری‌یونا کوملوا
- ملودی‌های مقاومت: تحلیل فرهنگی و پسااستعماری لالایی‌های کردی و روسی بر مبنای نظریه آنیا لومبا ۱۰۳ مریم مرادی
- مقوله‌های کارکردی-معنایی و حوزه‌های کارکردی-معنایی در نظام دستور زبان کارکردی نادژدا پاولوونا سیوتکینا / سوتلانا ویکتورونا شوستوا ۱۲۱
- انسان کوچک در عصر فاجعه‌های اجتماعی (بر اساس رمان «خرم‌آباد» اثر آ. گ. ولوس) ۱۳۷ یلنا میخائیلونا چتینا / حنانه سادات بدیعی خمسه‌فرد
- مؤلفه عاطفی-ارزشی در تصویر زبانی هوش مصنوعی در فضای رسانه‌ای روسیه و چین ۱۵۷ یولیا ایگوریونا بدنینکو
- ظهور پدیده تداخل زبانی در گفتار روسی گویشوران زبان تاجیکی ۱۷۳ مفتونه طالیبونا ادینایوا
- توصیف‌گرهای معناشناختی در فرهنگ‌نگاری صفت‌های مشتق از نام حیوانات در زبان روسی معاصر ژنگ‌جین لو ۱۹۱
- وضعیت طبقه‌بندی علت‌مندی بر اساس نمونه فعل روسی «тревожить» الیزاوتا وادیمونا مالاخووا ۲۱۱